

Наследие

журнал

3 (99)

2025

МОСКОВСКОЕ



МОСКОВСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Учредитель
Департамент культурного наследия города Москвы

Руководитель проекта
Алексей Емельянов
Кураторы проекта
Светлана Талаласва
Наталья Калинин
Дарья Яковлева

Научный руководитель журнала, председатель научно-редакционного совета, профессор, доктор искусствоведения, заслуженный деятель искусств РФ, академик РАХ, заместитель генерального директора Музеев Московского Кремля по научной работе
Андрей Баталов

Научный редакционный совет
Андрей Баталов, Леонид Вайнтрауб,
Григорий Мудров

Редакция журнала «Московское Наследие»
Главный редактор Филипп Смирнов
Административный директор Мария Ксенжик

Принципиальный дизайн-макет Екатерина Ахтырская
Вёрстка, препресс и корректура
Бюро «Sm’art», Андрей и Софья Дегтярёвы,
Марианна Ионова, Филипп Смирнов
Фотографии (если не указано особо)
Мосгорнаследие, К. Григорьев, М. Ярославский, Е. Ковальский, А. Воронков, С. Никифоров-Гордеев, В. Горощенко, Д. Яковлев, М. Гребешков, М. Карташов, Ю. Кобзев, С. Рыбин, Ю. Батурина, Н. Волкова, Е. Овсянникова, В. Попова, Ю. Логинова, М. Коробко, А. Потапенко, В. Протасевич, Ф. Смирнов, М. Тренихин, В. Топленникова, Д. Шумов, В. Хаирова, О. Фочкин, Е. Чуракова, Фонд Капитального ремонта г. Москвы, Музей Москвы, Музей-заповедник «Царицыно», Музей архитектуры им. А.В. Щусева

Адрес для корреспонденции
115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 16, каб. 329

Адрес издателя ИП Смирнов ФИ.
1-й Неопалимовский пер., 3/10, кв. 33
Электронная почта для обращений в редакцию
i@smi-filipp.ru

Отпечатано ООО «Принтер», 152900, Ярославская область, город Рыбинск, улица Орджоникидзе, д. 57
Телефон: +7 (910) 826-63-21, +7 (908) 027-14-03.
Адрес электронной почты: printer99@mail.ru



На обложке — Монумент Покорителям Космоса, самый высокий московский памятник, выполненный из «космического» металла — титана. Фото: Е. Овсянникова, 2024 год

Телефон горячей линии Департамента
+7 (916) 146-53-27.
Горячая линия Департамента культурного наследия города Москвы открыта для сбора информации о случаях, угрожающих историческому облику Москвы

По вопросам издательских проектов Департамента культурного наследия города Москвы — телефон:
+7 (495) 950-38-88, доб. (96762), (96765)

Перепечатка материалов журнала невозможна без письменного разрешения Департамента культурного наследия города Москвы

© Департамент культурного наследия города Москвы, 2025

1	от редактора	Филипп Смирнов	Линия карниза	стр. 2		
	дело и время					
	реставрация	Варвара Протасевич	Доходный дом Страхового общества «Россия»		стр. 6	
		Сергей Куприянов, Юрий Кванин	Церковь Вознесения Господня в Коломенском. Реставрация белого камня		стр. 12	
2	история вопроса	Валентина Хаирова	Связь сквозь годы и век(а)	стр. 20		
	археологический дневник	Екатерина Чуракова	Кувшин, булла и сто ножей	стр. 32		
	artes		Образ московского неба	стр. 40		
	инфо-дайджест	Анастасия Смирнова	Набор высоты	стр. 50		
	прогулка	От редакции	Как «на взлёт»? Мы же на улице!		стр. 54	
	память места	Филипп Смирнов	«О движущей силе»	стр. 58		
	история одного дома	Андрей Потапенко	Сталинские соколы в княжеских палатах		стр. 62	
	a propos	Вацлав Великанов	«Люди с крыльями» — места в Москве		стр. 70	
	3	усадьбы Москвы	Михаил Коробко	Подмосковные усадьбы и истоки отечественного воздухоплавания		стр. 76
		археология	Владимир Пирогов	Археология на службе Метростроя. Часть вторая		стр. 86
разное		предмесье	Михаил Коробко	Полёт над Москвой дачной	стр. 98	
	репортаж с выставки	Михаил Тренихин	Музеи истории района Внуково		стр. 108	
			Красная Москва. Женщина в большом городе		стр. 114	
	книжный обзор	Олег Фочкин		стр. 120		
	хроника ДКН	От редакции		стр. 124		
	форум	От редакции	Открылся VIII Молодёжный форум «Наследие»		стр. 128	

Согласно исследованиям урбанистов, чем ниже в городе так называемая «линия карниза», тем легче в этом городе живётся, чем она выше (как, например, в деловых кварталах «Москва-Сити» или на Мясницкой улице), тем лучше работается. Москвичи всегда смотрели в небо. Самый распространённый образ неба над городом — или авиапарад, или след от высоко летящего самолёта. Небо манит и блазнит. В 1930-е годы, на волне всеобщего энтузиазма в области лётного дела и мировых рекордов дальности полёта, в Москве появились «дома-самолёты». Это и диспансер в Яузской пойме, и павильон Строительной выставки на Фрунзенской набережной. А чуть раньше по Москве ходили восторженные рассказы о том, как, например, начинает свой день «молочный король» С. Чичкин — с утра он ехал на Ходынское поле, к ангару со своим личным самолётом, и минут сорок парил над Москвой. После садился в собственное авто марки La Voire и следовал с инспекцией в один из своих магазинов, разбросанных по всему городу. Осознать феномен неба над Москвой затруднительно, даже разглядывая снимки с высоты птичьего полёта — Москва оттуда предстает незнакомой и сложной, а небо вдруг становится грозной средой и отвлекает на себя наше внимание.



Филипп Смирнов

Линия карниза

Думаю, все мы отметили не слишком очевидное изменение, радикально повлиявшее на наше восприятие города, а также памятников истории и культуры. Если в начале XX века Первопрестольная опоясывала себя проводами — телеграфными, электрическими, телефонными, — то сегодня в столице реализуется концепция «чистое небо». И вновь мы видим плывущие по нему облака и отчётливо замечаем, где небо встречается с городской застройкой. Подобно тепловому следу самолёта, информация о московском небе — скоротечна. Отыскать здания и сооружения, связанные с историей авиации, в нашем городе очень сложно. У нас есть, конечно, музеи — космонавтики и авиации, техники, мемориальные пространства, в которых творили создатели аэро- и гидродинамики, самолётов и космических аппаратов. Есть и музеи рангом пониже или мемориальные таблички, обозначающие связь сооружения и темы полёта. Но всё же рассказ о небе — это скорее «воздушные пути», устремление ввысь мысли и чувств, едва уловимый аромат очарования полёта или мимолётное воспоминание.

Вслушайтесь... «Мимолётное». Порой, оказываясь на той или иной московской улице, ты иногда даже не вполне понимаешь, почему она носит имя того или иного «героя»... Улицы Расковой, Осипенко, Гризодубовой, Покрышкина, Чкалова, Коккинаки, станции метро «Бабушкинская» и «Аэропорт», проезд Стратонавтов (их звали Павел Федосеенко, Андрей Васенко и Илья Усыскин, и они погибли в 1934 году, установив мировой рекорд высоты — 22 тысяч метров над уровнем земли), улицы имён маршалов и авиаконструкторов, Героев Советского союза, Лётная, Авиационная... А ведь ещё есть и улицы Жуковского, Чаплыгина, Академика Королёва, площадь Гагарина. Все эти названия отображают тему московского неба, покоряемой, но не покорённой стихии. Пытаясь её осознать, мы с коллегами порой наталкивались на очень необычные сюжеты, некоторые из которых нашли отображение на страницах очередного выпуска журнала. Среди них, например, — рецепт авиационного металла, из которого был сделан несколько раз разбиравшийся монумент «Рабочий и Колхозница» (в 2027 году этот памятник отметит свой 90-летний юбилей), или применение космических технологий при строительстве машин сцены для московского цирка. Мы постарались выделить ряд сюжетов, которые раскрывают неочевидные аспекты прошлого, связанные с этими темами. Вас ждут неожиданные открытия — например, исследователь М. Коробко нашёл опровержение одному из укоренившихся мифов про начало воздухоплавания. Мы публикуем малоизвестные фотографии про начало строительства здания Московского телеграфа, которое в этом году отмечает свой столетний юбилей. А ещё прогулялись по закрытым сегодня аэропортам столицы и полагаем, что многим будет любопытно узнать, что они живут сегодня на взлётно-посадочных полосах, будь то улица Филёвский бульвар, окрестности Олимпийской деревни, Сумская улица или Сиреневый бульвар. Мы также поразмышляли о тех уголках столицы, где москвич раньше прятался от суеты и деловой активности, где был тот город, где ему легче жилось и дышалось, где было много неба.

Приятного чтения.



часть



стр. 32

«Zum Augenblicke dürft' ich sagen: Verweile doch, du bist so schön!». Это — цитата из Гёте. «Фауст». В переводе Б. Пастернака звучит как «Тогда бы мог воскликнуть я: «Мгновенье! О, как прекрасно ты, повremени!». А ставшая трюизмом фраза «Остановись, мгновенье! Ты прекрасно» — цитата из стихотворения «Genio Loci» поэта и переводчика Александра Яхонтова. И фраза является аллюзией на Гёте, но не переводом. Что подлинное, что «над временем» — рассудит история. В нашу задачу входит зафиксировать момент, обозначить действия, нами произведенные, быть точными в определениях и источниках

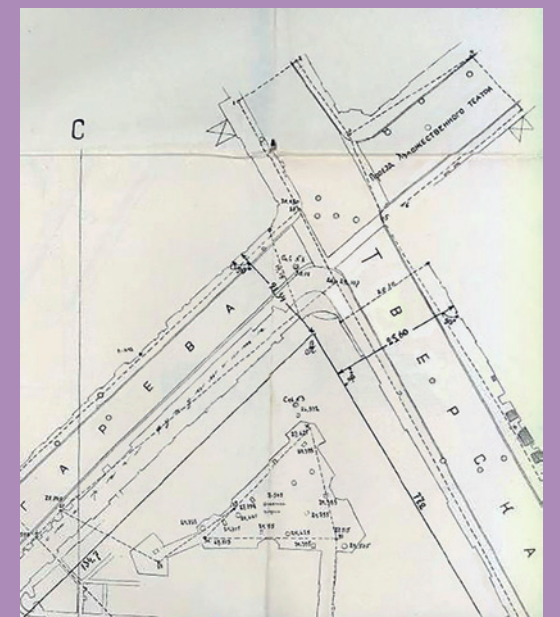
дело и время



стр. 6



стр. 12



стр. 20



Доходный дом Страхового общества «Россия»



Когда знаменитый модернист, архитектор Ле Корбюзье был в Москве, ему, среди прочего, показали два дома страхового общества «Россия» — на Лубянской площади и на Сretenском бульваре. Вердикт был прост: можно безболезненно снести весь жилой фонд города, заменив его на дома, похожие на эти. В тот момент знаменитому на всю Первопрестольную дому было чуть больше 20 лет. В 2024 году на одном из корпусов «сказочного замка» рядом со станцией метро «Тургеневская» завершился капитальный ремонт с реставрацией.

Сretenский бульвар, д. 6/1, стр. 2



Комплекс зданий Доходного дома страхового общества «Россия» — архитектурная доминанта Бульварного кольца. Здания возвышаются над Сretenским бульваром, задавая архитектурный тон окружающей застройке. Башня с часами парит над площадью и служит ориентиром. Рустованный фасад нижних этажей, кирпичная кладка, горгульи, уникальные флягодержатели и скульптурный декор, многочисленные картуши и сандрики — портрет дома уникальный и узнаваемый. А некоторые гиды водят вокруг дома экскурсантов пару часов, поражая воображение гуляющих буйной фантазией архитекторов начала XX века, создавших элитный жилой комплекс с двухэтажными квартирами, беспримерным уровнем комфорта и несравненным декором. Здание на Сretenском бульваре в стиле эклектики с элементами неоренессанса и модерна состоит из двух доходных домов, построенных в Москве в период с 1899-го по 1902 год для страхового общества «Россия» по проекту архитектора Н.М. Проскурина. Внутренний

жилой комплекс занимает практически целый квартал вдоль Сretenского бульвара. Угловой главный фасад здания украшает башенка с часами. Разные по форме и размерам эркеры акцентируют все уличные фасады. Ряд входных дверей украшены «окнами-розами». Инициалы страхового общества «Россия» можно обнаружить в картушах. Невозможно представить этот дом и без ажурной чугунной ограды между двумя строениями, которую также украшает вензель страхового общества.

Функция

В доме расположены магазины, поликлиника, а также жилые квартиры. Будучи доходным домом в начале прошлого столетия, это здание сохранило своё главное назначение — в нём по-прежнему живут люди. В 2024 году этот жилой дом буквально обрёл второе дыхание, стал ярче и чище, а главное, ему вернули его аутентичный исторический внешний вид. Один из корпусов здания, парадный, выходящий башней и угловым фасадом



На объекте проведён комплекс работ по восстановлению и реставрации фасада и подъездов, ремонту крыши, подвала и замене инженерных систем



на площадь к памятнику инженеру и архитектору В.Г. Шухову, преобразился после капитального ремонта с реставрацией.

Субсидия

Исторический дом является объектом культурного наследия. Важно отметить, что с 2020 года в Москве выделяются специальные субсидии для проведения реставрационных работ в многоквартирных домах — объектах культурного наследия, которые имеют сложные архитектурные элементы. Именно благодаря такой субсидии работы по обновлению жилого дома на Сретенском бульваре были проведены в полном объёме и с высоким качеством. От специалистов — реставраторов, проектировщиков, мастеров — это требовало самого высокого уровня профессионализма, и именно благодаря их работе жилое здание заиграло новыми «старыми» красками.

Методы

Перед началом работ специалисты Фонда капитального ремонта Москвы

разработали проект, учитывающий все конструктивные особенности исторического здания. Были также подобраны новейшие технологии и исключительно отечественные материалы. При проектировании специалисты применяли такие современные методы, как лазерное сканирование, BIM и 3D-моделирование. В начале 2024 года ФКР Москвы приступил к работам на доме № 6/1 стр. 2 на Сретенском бульваре. В рамках столичной программы капитального ремонта жилого фонда на объекте проведён комплекс работ по восстановлению и реставрации фасада и подъездов, ремонту крыши, подвала и замене инженерных систем. На время проведения капитального ремонта и реставрации дом буквально скрылся за техническими конструкциями (его весь «одели» в леса), что позволило мастерам работать на фасаде вручную со всеми декоративными и конструктивными элементами — для жилого дома это совсем незаурядная история, однако, все собственники были совсем не против,





думая не только о своем комфорте. Начали с реставрации цоколя. Были выполнены мероприятия по обновлению розового туфа — облицовки. Мастера сосредоточились на докомпоновке туфа специальными составами в местах утрат и воссоздании всех утраченных элементов. Далее в уровне первого этажа были выполнены реставрационные работы по обновлению существующих профилей рустов. Со строительных лесов на уровне 2-го — 5-го этажей были реставрационными методами расчищена кирпичная облицовка и специальными составами докомпонованы места утрат.

Важной составляющей работ по фасадной части, безусловно, стали мероприятия по реставрации многочисленного лепного декора, которым изобилует эклектичное здание. Мастера работали над обновлением сандриков и наличников на окнах путём докомпоновки мест утрат различных деталей и поверхностей. Также важным элементом работ по фасаду стало обновление балконов. Специалистами были проведены докомпоновочные и восстановительные работы по металлическим ограждениям балконов, после чего эти изящные конструкции стали выглядеть свежее и привлекательнее.

Проведены также реставрационные мероприятия по докомпоновке межэтажных и венчающего карнизов с воссозданием отсутствующих элементов лепных фигур грифонов, горгулий, пеликана, летучих мышей, львиных и женских маскаронов. Также здесь была проведена особая подготовка, которая заключалась в том, чтобы сделать точные копии с сохранившихся до наших дней оригиналов лепнины. Предварительно проводились работы по расчистке и подготовке поверхности для того, чтобы снять качественный слепок с каждого оригинального фрагмента. В дальнейшем этот слепок преобразовывался в модель, по слепку отливалась точная копия оригинала и доводилась до совершенства. Нужно было дошпаклевать, докомпоновать во всех местах утрат все каверны, раковины, трещины, сколы — и привести модель к идеалу, с которого можно будет готовить финальные отливки. Уже по



сделанной модели было произведено необходимое количество отливок для установки на фасад.

Детали

Важно отметить, что здание имеет «О»-образную форму в плане. Внутри находится самый настоящий двор-колодец, создающий особую эстетику и атмосферу. Во двор можно попасть через проездную арку. Внутренний дворовой фасад здания был также тщательно отреставрирован, оштукатурен и окрашен по колористическому решению, утверждённому в проекте.

Особое внимание специалисты уделили приведению в порядок исторического декора подъездов жилого дома. Так, в подъездах мастерами были воссозданы входные тамбурные двери, лестничные окна, сделана докомпоновка и (местами) воссоздание каменных ступеней лестничных маршей, деревянных поручней металлических ограждений с докомпоновкой кованых элементов по ним. Были расчищены и отреставрированы шпигатровые накладки на лестничных балках, отреставрирована и воссоздана в местах утрат лепнина по парадным лестницам.

Также немаловажной частью комплексных ремонтных работ любого здания является обновление крыши. Качественно отремонтированная утеплённая крыша, как и фасад здания, становятся залогом форми-

рования единого теплового контура объекта, предотвращающего тепловые потери и создающего стабильный температурный режим. По кровле мастерами были проведены работы по воссозданию утраченных и реставрации существующих элементов декоративного открытия готических башен, в том числе парадной башни с часами, выходящей на Тургеневскую площадь. На крыше заменили обрешётку и кровельное покрытие. В чердачных помещениях произвели устройство температурно-влажностного режима при помощи плит из минеральной ваты. Кроме того, все деревянные конструкции обработали огнебиозащитными составами. В рамках замены инженерных систем специалисты в полном объёме выполнили обновление всех коммуникаций в здании: заменили стояки и магистрали холодного и горячего водоснабжения, водоотведения и центрального отопления. Также в здании была проложена новая электросеть. Таким образом, после приведения в порядок жители самого дома получили обновлённое, комфортное и эстетически красивое здание, максимально аутентичное, такое, каким оно было более ста лет назад при возведении.



Сергей Куприянов, научный руководитель проекта
Юрий Кванин, и. о. директора ГКУ «Мосреставрация»

Церковь Вознесения Господня в Коломенском. Реставрация белого камня

Общий вид церкви Вознесения. 2025 год



Сохранение памятников из белого камня — одна из самых острых проблем в реставрационном деле в нашей стране. Долговечность конструкций из натурального камня, прежде всего способность материала к длительной эксплуатации при всей совокупности воздействия окружающей среды и нагрузок должны были бы помочь, но не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

Москва, проспект Андропова, д. 39, стр. 1



Одним из ярчайших примеров восхитительной работы белокаменных конструкций на протяжении длительного периода времени является церковь Вознесения Господня в Коломенском. Это шедевр мировой архитектуры, первый каменный шатровый храм в России. Церковь возведена в 1528–1532 годах предположительно итальянским архитектором Петром Франциском Анибале (по русским летописям — Пётр Фрязин или Петрок Малой) на правом берегу Москвы-реки. Храм возведён как моленный при Василии III, для моления о чадородии великокняжеской четы. Место для церкви Вознесения выбрали на крутом берегу. И по сей день церковь занимает центральное место в великокняжеской усадьбе Коломенское, является доминантой, возвышающейся над архитектурной и природно-ландшафтной средой на высоком берегу Москвы-реки. Шатровый храм формирует пространственно-планировочную структуру «села Коломенского» и окрестностей, включая исторические видовые раскрытия панорамы усадьбы в сторону села Дьяково и берега Москвы-реки в сторону современных Печатников и Люблина.

Конструкция
Конструктивно церковь выполнена из кирпича с многочисленными белокаменными элементами декора в виде центрического храма-башни; её высота составляет 62 метра. План представляет собой равноконечный крест, осложнённый у перекрестия раскреповкой с четырёх сторон, без апсиды. Также среди конструктивных характеристик выделяются:

- фундамент глубокого заложения в виде прямоугольной платформы, сложенный из белокаменных плит (на дубовых сваях),
 - высокий двухъярусный подклет с открытой галереей, опоясывающей здание со всех сторон,
 - три парадные лестницы с крыльцами с севера, запада и юга, марши которых перекрыты ползучими сводами,
 - палатки под крыльцами с профилированными первоначальными порталами из белого камня и кирпича.
- Особенного внимания заслуживает высокий подклет, обеспечивающий условия для инфильтрации и испарения зоны аэрации грунтов. Возможность изменения влажности грунтов, сложенных в основании белокаменных конструкций, имеет существенную роль в сохранности материала и исключает факторы химической деструкции.
- Когда поверхность покрыта паронепроницаемыми материалами (такими как бетон, асфальт), испаряемость резко снижается и влажность грунтов значительно увеличивается. «Народная» технология содержания зданий русской архитектуры выработала эффективные способы борьбы с накоплением влаги под зданием, заключающиеся в устройстве подклета, проветриваемого летом. Такой мерой удавалось обеспечить испарение влаги из пор грунтов, исключить возможность полной всасывающей способности грунтов. Этот приём позволял исключить накопление влаги в грунтах под зданием памятника и дальнейшее её проникновение внутрь несущих конструкции и интерьеров.



Состояние после завершения работ. Биопоражение и разрушения вследствие действия солей полностью устранены. 2025 год

Вода и камень
Тема проникновения влаги внутрь каменных построек является наиболее актуальной при реставрации. Основные свойства натуральных камней, с которыми приходится работать реставраторам, — впитывание, водопоглощение и испарение, а также способность вступать во вторичные химические реакции с избытком воды. В книге инженера М.К. Приорова «Как надо строить дома» описан пример, как проверить качество белого камня после цикла замораживания/оттаивания: «С постройками из раковистого известняка надо быть весьма осторожным, так как только крепкие его сорта, пролежавшие зиму на открытом воздухе и издающие при ударе молотом чистый звук, годны для построек». Почти во всех разрушениях белого камня активно участвует вода.

Когда предстоит обработка поверхности натурального камня, необходимы предварительные исследования, чтобы определить вид камня и те изменения, которые произошли под воздействием окружающей среды

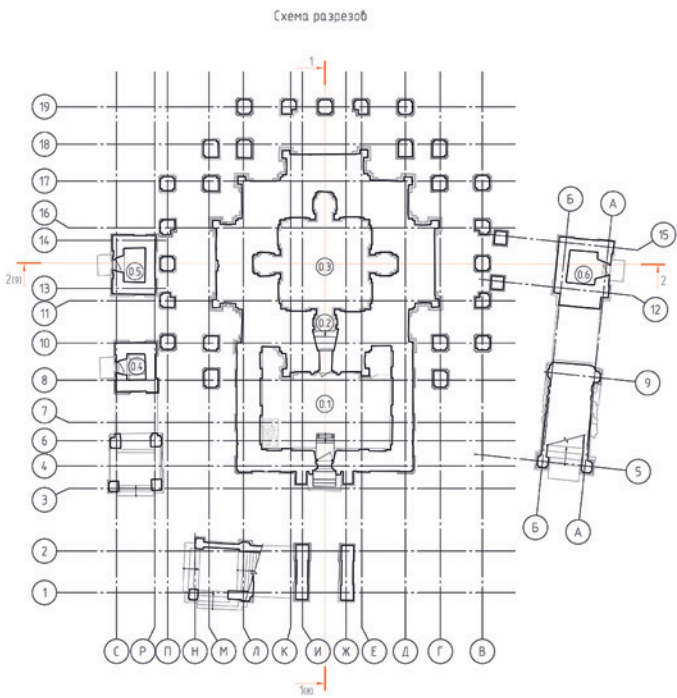
Процессы расчистки, докомпоновки, камнеукрепления, антибактериальной обработки и тонирования белого камня. 2024 год



Долговечность известняка можно «продлить», создав условия, предупреждающие проникновение влаги в толщу материала и уменьшающие количество распространяющихся с водой газов.

С чем работаем?
Известняки являются осадочной горной породой, состоящей преимущественно из минерала кальцита (CaCO_3). В состав также могут входить другие минералы, такие как кварц, доломит, магнезит и глинистые минералы, а также органические вещества, железо, марганец и другие примеси, что может придавать естественный оттенок или рисунок камню. Как правило, белый камень памятников покрыт слоем загрязнений, состоящих из частиц пыли, высолов, сажки, ржавчины, а также органических веществ. Нередко на поверхности белокаменных деталей можно увидеть чёрные сцементированные «огипсованные» соединения, образованные под воздействием окислов серы из воздуха, которые оседают с дождевой водой на камне и вступают в реакцию с кальцитами. На наружных стенах сооружений, особенно в местах скопления влаги, создаются благоприятные условия для произрастания микрофлоры и высших растений типа мха и лишайника. В зонах водоотвода характерны нарастания водорослей и грибов. Продукты их жизнедеятельности приводят к корковым процессам и эрозионным разрушениям. При повреждении кровли и карнизов, в трещинах и дефектах белокаменных конструкций, а также в непосредственной близости от зданий произрастают деревья и кустарники. Они сильно влияют на изменения уровня грунтовых вод под памятником, не говоря уже о физическом разрушении, наносимом кладке и цоколю здания корневой системой.

Как работаем?
Когда предстоит обработка поверхности натурального камня, в первую очередь необходимы предварительные исследования, чтобы определить вид камня и те изменения, которые произошли в процессе старения под воздействием окружающей среды. Изначально реставраторы собирают историко-архивные данные, сведения о методах и материалах предыдущих реставраций памятника. Также перед выбором материала и способов физической обработки необходимо сделать серию



План подклета, фрагмент. Проектная документация, 2023 год

Известняки являются осадочной горной породой, состоящей преимущественно из минерала кальцита (CaCO_3)





пробных испытаний, чтобы определить эффект и влияние обработки на физико-механические свойства и характеристики данного типа камня. Отличительной особенностью работы с белым камнем на протяжении всей его истории и до современного момента является ручная обработка, что характеризует высокую стоимость работ. Можно выделить три основные реставрационные операции с белокаменными поверхностями:

- 1) очистка,
- 2) укрепление,
- 3) защита поверхности.

Не всегда необходимы все три типа вмешательства, а иногда они могут быть рекомендованы не в указанном логическом порядке. Естественно, существует перечень манипуляций, категорически запрещённый реставрационным сообществом к работе с белокаменными материалами, а именно: применение любого вида кислоты, щелочных веществ, сухая и мокрая пескоструйная обработка, водяные и паровые струи под высоким давлением и газоплазменная очистка. Применение механической очистки тонкими металлическими щётками может быть реализовано при профилактике борьбы с биоразрушителями, при активном нарастании лишайника и мха. Как правило, первичная задача при очистке белого камня — это избавление от солей. В процессе испарения воды происходит кристаллизация солей именно на поверхности, что характеризуется увеличением объёма солей в поверхностных слоях. Кристаллизация солей создаёт давление в структуре камня, что приводит

к образованию трещин. Циклы замораживания и оттаивания приводят к ухудшению ситуации и со временем влекут за собой более глубокие повреждения натурального камня. Для нейтрализации этих процессов используют специальные обессоливающие компрессы материалами с высокой капиллярной активностью. Для снижения бактериальной нагрузки используют продукты комбинированного бактерицидного, фунгицидного и альгицидного действия. Материал имеет вид растворов и наносится щётками, кистями или распылителями низкого давления. Следующий этап работы — восполнение утрат. С учётом специфики материала в составах следует использовать материалы на известковой вяжущей основе. Для докомпоновки подходят участки с утратами от нескольких миллиметров до 3 сантиметров. В зависимости от глубины утрат используют различную технологию докомпоновки. Как при нанесении достаточно толстого слоя, так и при послойном нанесении с высыханием материал должен обладать удобством в нанесении и последующим набором проектной прочности. Специализированные составы отличаются гранулометрической композицией и широкой палитрой пигментов для оптимального подбора оттенка, близкого к натуральному камню. В случае более значительных утрат, основной технологией является вставка участка с креплением на пироны (пирон — короткий металлический (реже каменный или деревянный) стержень, который используется для скрепления по вертикали блоков каменной кладки).

реставрация



Существует перечень манипуляций, категорически запрещённых реставрационным сообществом к работе с белокаменными материалами, среди которых, например, применение любого вида кислоты, водяные струи под высоким давлением и другое

Защита

Для натуральных камней, характеризующихся высокой впитываемостью, важно применение обработки на основе эфира кремниевой кислоты, так называемые камнеукрепители. Они предназначены прежде всего для снижения пористости минеральных материалов. Отлично нейтрализуют включения глины. Основным действием камнеукрепителя является замещение «селикогелем» утраченного вяжущего свойства. Существуют также специальные составы, предназначенные для тонирования камня, которые могут быть как на основе воска, так и других компонентов, обеспечивающих защиту и изменение цвета. Выбор метода тонирования зависит от желаемого

результата, типа камня и его состояния. Тонирование помогает защитить камень от влаги, загрязнений, а также от механических повреждений, особенно это важно для камней с низкой или средней прочностью. Архитектурные фасады из натурального белого камня с течением времени теряют свой внешний вид, и основной задачей научной реставрации является предотвращение их разрушения, а также восстановление утраченных фрагментов с использованием научных методов и современных технологий. Реставрация направлена на продление жизни памятника и обеспечение возможности его дальнейших исследований.

Литература:

Королёва Т.В. Сохранение белого камня в памятниках архитектуры. Учебное пособие по специальности «Архитектура». М.: «Архитектура-С», 2008.

Реставрационный вестник Remmershistoric, май 2024, электронная версия журнала.

Приоров М.К. Как надо строить дома. 1902. Электронная версия книги.

Кулешова И.А. Борьба с биоразрушителями белого камня, Москва, 1991. Электронная версия книги.

Пашкин Е.М. Инженерно-геологическая диагностика деформаций памятников архитектуры. Москва, 2018.

СОРЕЗНОВАНИЯ МОЛОДЫХ РЕСТАВРАТОРОВ 2025

ВЫСТАВКА ПРО РЕСТАВРАЦИЮ

РЕМЕСЛО. ТЕХНОЛОГИИ. КАДРЫ.
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ

04.12 — 07.12

прореставрацию.рф



ул. Пятницкая, д. 71/5, с. 1
типография Сытина

Студенты культурных, художественных, реставрационных и архитектурных учебных заведений и начинающие реставраторы демонстрируют в рамках соревнований свои лучшие достижения.

Взаимное общение обогащает участников, они обмениваются опытом и собственными реставрационными достижениями.

КОМПЕТЕНЦИИ СОРЕЗНОВАНИЙ МОЛОДЫХ РЕСТАВРАТОРОВ:

- ◆ Реставрация лепного декора и штукатурок (с работой по позолоте)
- ◆ Реставрация станковой масляной живописи
- ◆ Реставрация станковой темперной живописи
- ◆ Реставрация терразитовых штукатурок и каменного декора
- ◆ Реставрация произведений из дерева
- ◆ Кровельные работы по металлу (реставрация)
- ◆ Реставрация монументальной живописи
- ◆ Реставрация архитектурного белокаменного декора

0+



Валентина Хаирова, искусствовед

СВЯЗЬ СКВОЗЬ ГОДЫ И ВЕК(А)

(к 100-летию создания Центрального телеграфа)

Столетний юбилей такого знакомого всем здания на Тверской улице, 7 даёт веское основание обратиться к сложной истории его проектирования и последующего возведения.



Дом связи имени Подбельского. Издание Московского коммунального хозяйства. Почтовая карточка. 1928 год. РГБ

Если вспомнить времена трёхсотлетней давности, то на месте нынешнего Центрального телеграфа сначала находилась усадьба представителя одной из ветвей княжеского рода Трубецких, затем межевая канцелярия. В конце XVIII века императрицей Екатериной II земля эта была высочайше пожалована Московскому университету. Сюда перевели университетскую типографию, словолитню и книжную лавку, а соседний переулок получил название Газетного. В 1791 году здесь расположился Университетский благородный пансион, среди воспитанников которого были М.Ю. Лермонтов, Е.А. Баратынский, А.С. Грибоедов. Перед Первой мировой войной участок, поменявший нескольких владельцев, приобрело Страховое общество «Россия», предполагая построить на месте тут же снесённого старого здания два больших доходных дома. Первая

мировая война и Октябрьская революция нарушили их планы, оставив на память фундамент и частично возведённые несущие стены комплекса. И именно здесь в 1925 году было решено заложить Центральный телеграф — крупнейшую новую постройку на этой улице.

Предпосылки
Потребность в этом здании возникла давно. Первая телеграфная станция в Москве была открыта в Николаевском (ныне — Ленинградском) вокзале, потом — в одном из зданий Кремля, затем «...в 1869 году на углу Мясницкой улицы и Чистопрудного бульвара в приспособленном для неё трёхэтажном бывшем каретном корпусе главного почтамта (1856, архитектор А.К. Кавос). В 1900-м с целью расширения к ней со стороны двора пристроили дополни-



Среди членов Московского архитектурного общества (МАО). В нижнем ряду, сидят: крайний слева — председатель МАО академик А.В. Щусев, крайний справа — И.И. Рерберг. 1920-е годы. Из книги «Творческая биография А.В. Щусева. Воспоминания». М., 2023. С. 117

тельный флигель. Тем не менее уже в первые годы советской власти возникла идея возведения нового здания московского телеграфа, обусловленная всё возрастающими масштабами его работы. Идея обрела конкретные черты после того, как в 1922 году Народному комиссариату почт и телеграфов (Наркомпочтелю) передали участок, ограниченный улицами Тверской, Огарева и Белинского»¹. Московским архитектурным обществом был объявлен «Конкурс на составление проекта здания центрального телеграфа, радиоузла и междугородной телефонной станции в Москве». Наркомпочтель выработал большую и подробную программу, причём два проекта персонально заказал уже хорошо зарекомендовавшему себя в качестве архитектора инженеру И.И. Рербергу и академику архитектуры А.В. Щусеву.

Задача
Перед архитекторами стояла непростая задача. По условиям конкурса на участке площадью почти 11 тысяч кв. метров (1,1 гектара) требовалось спроектировать четырёхэтажное каркасное железобетонное здание с кирпичным заполнением, при этом заказчику хотелось, чтобы при взгляде на фасады телеграфа выявлялся не только его производственный и общественный характер, но и должная монументальность, соответствующая центральной части столицы только что образованного СССР. Предусматривались цокольный и под ним подвальный этажи при общей высоте от пола подвала не более 35 метров. «В части здания, в которой будут расположены помещения меньших высот, число этажей может быть и более шести, но при неременном условии, чтобы последний 4-й этаж с Тверской улицы по всему периметру здания был на одном уровне и одной высоте во всех помещениях (этот этаж предназначен впоследствии полностью под размещение аппаратных зал). При проектировании здания со стороны конструктивной должно предвидеть возможность надстройки впоследствии над всем зданием ещё одного этажа»². Кроме помещений административного, производственного, технического, вспомогательного и складского назначения требовалось запроектировать спальни для дежурных аппаратчиков, прачечную, а также ясли для грудных младенцев площадью 400 квадратных метров. Обязательным для заказчиков представлялось и наличие в здании двадцати квартир «преимущественно для высшего технического и административного персонала, также и домоуправления, с полезной площадью каждой квартиры около 60 кв. м., с устройством для каждой из них сарая в подвальном

1 Ныне — Тверская улица, Газетный и Никитский переулки (Цит. из: Шухова Е.М. Иван Иванович Рерберг (1869–1932): к 150-летию со дня рождения // Московский журнал. 2020. № 2 (350). С. 58.)
2 Московское архитектурное общество. Конкурсы 1923–1926 / [Отв. ред. Шервинский Е.В.]. [Москва]: Моск. архитектурное о-во, (типо-лит. им. т. Дунаева), [1927]. С. 92.



Тверская улица. Дом московского генерал-губернатора. Фото 1910-х годов



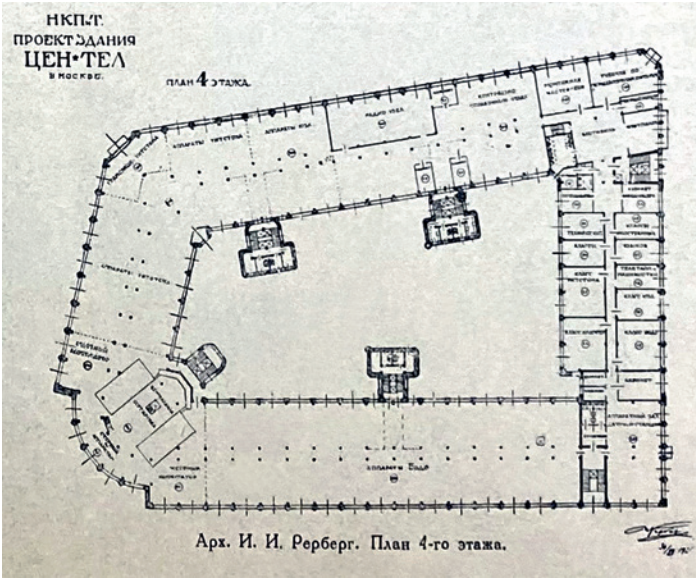
Землеустроительные работы на Тверской улице. Вид от дома 7 в сторону Кремля. 1930-е годы. Документальный фонд Мосгорнаследия

этаже и общего ледника под двором (с отделением для каждой квартиры)»³. Кроме Рерберга и Щусева, в конкурсе приняли участие известные мастера Л.А. и А.А. Веснины, И.А. Голосов, А.З. Гринберг и множество других, в том числе и ленинградских, архитекторов. Благодаря изданию в 2023 году книги воспоминаний И.И. Рерберга сейчас появилась возможность подробнее ознакомиться с тем, как происходили проектирование и строительство здания телеграфа. «Осенью 1924 года, — рассказывает Иван Иванович, — меня вызвали в Наркомпочтель, и заведующий строительным отделом инженер И.А. Малевич предложил мне принять работу по составлению эскизного проекта нового здания Телеграфа. <...> Я был сильно польщён выбором и, кроме того, очень обрадован получением такой интересной работы, но этой осенью мы собрались с женой на Кавказ, в Кисловодск, и я боялся потерять время, данное по конкурсу на составление проекта, потому что и персональные работы должны были быть сделаны по общей программе и представлены к общему сроку — 1 декабря. Я вспомнил о своих работах в Ницце, когда я разрабатывал проект Брянского вокзала, и решил, что наш отъезд в Кисловодск не только не помешает срочной работе, но, наоборот, я могу на отдыхе целиком отдаться интересным мыслям и не спеша сделать всю подготовительную эскизную работу. Я взял с собой небольшую чертёжную доску, все чертежные принадлежности, дорогой в поезде проштудировал программу и генеральный план местности, на которой предполагалась постройка нового здания Телеграфа по Тверской улице, а в номере гостиницы в Кисловодске и потом в нашей комнате пансиона <...> устроил себе стол с большой висячей лампой, на котором я работал с таким интересом и увлечением, что этот отпуск казался мне счастливейшим месяцем моей жизни.

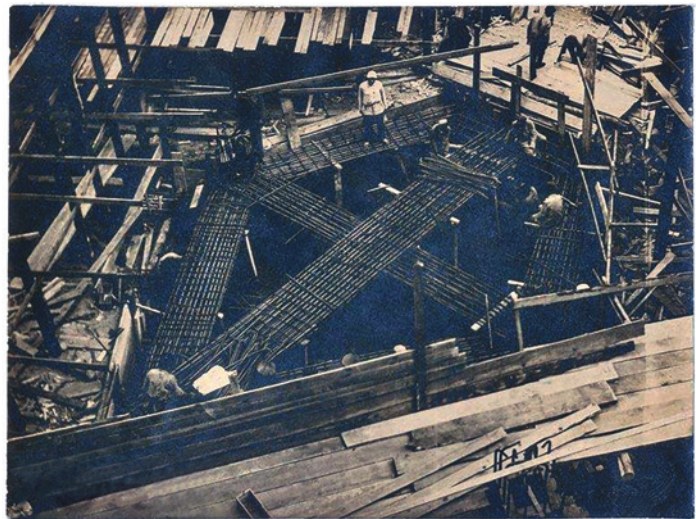
В Москву я приехал вооружённым до зубов эскизами, подсчётами и пояснительными записками, и мне оставалось лишь выразить всё это начисто чертежами на ватманской бумаге. Времени оставалось настолько много, что, кроме всех требуемых программой планов, разрезов и фасадов, удалось с помощью моего племянника и сына жены выполнить перспективные рисунки фасадов и некоторых внутренних помещений»⁴.

Проекты

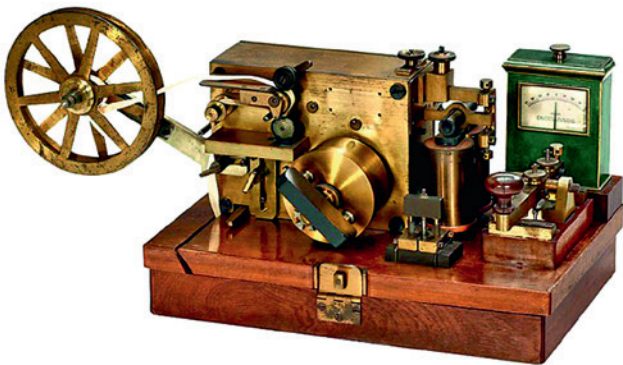
Из двадцати одного представленного на конкурсе проекта почти все были выполнены в ярко выраженном конструктивистском духе. Профессиональное жюри, в которое входили представители Московского архитектурного общества К.А. Грейнерт, И.И. Дюмулен, А.К. Иванов, Н.В. Марковников, И.П. Машков, И.В. Рылский, В.Н. Семёнов, Е.В. Шервинский, а также члены Ленинградского общества архитекторов, отметило шесть работ. Первую премию получил А.З. Гринберг, вторую — братья А.А. и Л.А. Веснины. В обширной статье в журнале «Строительство Москвы» говорилось: «Характерная особенность данного конкурса, сразу обращающая на себя внимание, — принадлежность подавляющего большинства проектов к новейшим архитектурным исканиям. Поток последних захватывает все большие круги талантливых и маститых зодчих. Это очень знаменательно и позволяет говорить с тем большим правом о наступлении в нашей архитектуре эпохи нового стиля — стиля открытого конструктивизма, стиля железа, бетона и стекла. Стекла на многих проектных фасадах — изобилие, невзирая даже на ограничения его количества конкурсной программой. <...> Всё это скомпоновано часто талантливо, оригинально, ново, — но при всём признании заслуг и успехов наших зодчих, идущих по трудному пути создания новых



Проект здания Центрального телеграфа. План 4 этажа. Арх. И.И. Рерберг. Из журнала «Строительство Москвы», № 10, 1926. С. 24–25



Установка арматуры фундамента под колонны здания Центрального телеграфа в г. Москве. 1926 год. Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова



Телеграфный аппарат «СИМЕНСЬ и ГАЛЬСКЕ» начала XX века. Из открытых источников

архитектурных форм, отражающих современность, чрезмерное увлечение таким хрупким материалом, как стекло, вызывает некоторые опасения. Быть может, таинственно-изменчивое сверкание стеклянных стен действительно больше всего отвечает эпохе радио, эпохе крылатых машин и величайших открытий, но всё же архитектура — не станковая живопись и не может себе разрешить безграничную свободу в обработке своих поверхностей. Целесообразно ли стены важнейших зданий делать сплошь из стекла? <...> В основе современной архитектуры должны лежать общепризнанные в кругах зодчих целесообразность и практичность. Железобетонные и стеклянные стены в чрезмерном количестве, давая некоторый выигрыш площади, обойдутся в постройке дороже сплошных каменных стен, вызовут большое увеличение постоянных расходов на отопление зданий и могут создать тяжёлые условия труда. <...> Не останавливаясь в рамках данной заметки на достоинствах отдельных плановых решений, что явится серьёзной работой компетентного жюри, отметим только, что в композиции отдельных зал и помещений у многих конкурентов чувствуется преувеличенно утилитарное отношение. <...> Требование монументальности, по нашему мнению, также стоит в некотором противоречии с чрезмерным количеством стекла на фасадах»⁵. Об участии в конкурсе ленинградского архитектора Я.Г. Гевирца до сих пор было малоизвестно. Проект, единственный раз в его творческой биографии выполненный для Москвы, сохранился в музее истории г. Санкт-Петербурга: «Это — огромное по площади, несимметричное здание, в плане тяготеющее к прямоугольнику, со скруглёнными углами фасадов, выходящих на Тверскую улицу и Газетный переулок. Вытягивание фасадов вдоль улиц подчеркнуто горизонталями “ленточных” окон, обеспечивающих внутри освещение. Здание полностью лишено

3 Московское архитектурное общество. Конкурсы 1923–1926. С. 92.
4 Рерберг И.И. Войти в одну реку, или Воспоминания архитектора. М.: Эксмо. 2023. С. 230.
5 Вендеров Б. Центральный телеграф в Москве. Выставка конкурсных проектов // Строительство Москвы. № 2, 1926. С. 6–8.

какой бы то ни было динамики по сравнению с другими конкурсными проектами: у Я.Г. Гевирца нет асимметрии объемов, врезки форм друг в друга или резко поднимающегося вверх корпуса, отмечающего главный вход, который предлагал в своем проекте А.В. Щусев. Через обширный внутренний двор проходит галерея, соединяющая противоположные части здания. Сходную систему переходов в своём плане предлагали и братья Веснины. Нельзя не отметить, что в построенном здании таких галерей нет, что затрудняет быстрое перемещение по огромному учреждению. Также во двор выведены круглые шахты лифтов. В поэтажных планах автор подробно расписывает предназначение каждого помещения. Проект Гевирца под загадочным девизом “Гермашка” не был отмечен на конкурсе»⁶.

Идея
10 февраля 1926 года состоялось заседание Строительно-го комитета Наркомпочтеля, на котором решался вопрос о том, какой из премированных или заказных проектов принять за основу будущей постройки. Выбрали идею И.И. Рерберга. Впоследствии в своей книге он вспоминал: «Во время моих работ по составлению проекта два раза мою мастерскую

посетил нарком И.Н. Смирнов с несколькими своими инженерами, и по их замечаниям я видел, что моя работа их удовлетворяет, что, конечно, подбодрило мою энергию. В начале декабря открылась выставка конкурсных проектов в помещении Архитектурного общества у Патриарших прудов. <...> С самого начала выставки мне пришлось услышать неодобрительную критику своего проекта со стороны группы молодых архитекторов, но я был спокоен; я видел, что неудовольствие рождается вследствие того, что мой проект выделяется своей детальной разработкой и художественным оформлением и чужд новым приёмам графического изображения, не дающим понятия о том, что будет в действительности. Когда здание Телеграфа было окончено и с его главного угла был снят фотографический снимок, то его с трудом можно было отличить от перспективного изображения, представленного на конкурсе эскизных проектов. <...> Все премированные и заказанные проекты поступили в Наркомпочтель, где особая комиссия из инженеров должна была детально рассмотреть проекты и остановиться на наиболее заслуживающем внимания для его дальнейшей разработки и осуществления. Комиссия остановилась на моём проекте, нашла его наиболее удовлетворяющим потребностям Телеграфа, и я был назначен начальником работ по срочному возведению этого грандиозного здания»⁷.

Вид на Тверскую улицу (до расширения) от Моисеевской площади. Фото 1920-х годов



Вид на Тверскую улицу со здания СТО. 1930-е годы. Документальный фонд Мосгорнаследия



Закладка
Как только это решение было обнародовано, в кругу молодых архитекторов поднялась волна негодования и возмущения. В журнале «Современная архитектура», ответственными редакторами которого являлись конструктивисты А.А. Веснин и М.Я. Гинзбург, выбор заказчика подвергся хлёсткой и резкой критике: «Конечно, инженеры Наркомпочтеля не обязаны уметь разбираться в вопросах архитектуры. <...> Таким образом остаётся последний вывод, — что Строительный комитет околдован “художественными” достижениями проекта. Но в таких случаях принято говорить, что о вкусах не спорят, и приходится оставить инженеров Наркомпочтеля утешаться этим исключительным в наше время старомодным образом безнадёжно отжившей эпохи»⁸. В мае 1926 года в Москве совершили закладку здания Центрального телеграфа, радиоузла и междугородной телефонной станции, которая на тот момент должна была стать по своим техническим достижениям первой в Европе. Председателем комиссии по постройке назначили начальника Бюро гражданских сооружений Наркомата почт и телеграфа инженера И.А. Малевича. От Московского архитектурного общества в состав комиссии входили его председатель А.В. Щусев и член общества архитектор И.П. Машков.

Тогда же журнал «Строительство Москвы» поместил подробнейшее описание показателей объекта: «О масштабе постройки могут дать представление следующие цифры. Общая кубатура здания — 266 000 куб. метров. Площадь всех помещений — 40 000 кв. метров. Объём железобетонных конструкций будет равен 16 000 куб. метров. На кладку стен пойдет свыше 6 000 000 штук кирпича. По проекту, кроме телеграфа, в здании разместятся междугородная телефонная станция и радиоузел. Предусмотрены также и многочисленные помещения для культурного обслуживания и отдыха трудящихся — клуб, столовые и др. Расположено здание в виде трапеции. Во внутренний двор ведут два широких проезда со стороны улицы Огарёва. Здание имеет шесть этажей со стороны двора и по уличным фасадам — от четырёх до шести этажей в зависимости от расположения его на улицах разных высот. Вышина здания в среднем — 35 метров, с башенной частью на углу Тверской и улицы Огарёва — 42 метра. Подвальный этаж предназначается под складочные помещения и некоторые подсобные обслуживающие помещения. Следующий этаж, так называемый “партер”, будет занят главным образом машинным отделением. Тут же

Снос дома на углу улицы Огарёва (ныне — Газетный переулок) и Тверской улицы. 1930-е годы. Документальный фонд Мосгорнаследия



6 Шабунина Е.И. Творчество архитектора Я.Г. Гевирца после 1917 года // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. СПб.: НП-Принт, 2013. Вып. 3. / под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. С. 310.
7 Рерберг И.И. Войти в одну реку, или Воспоминания архитектора. М.: Эксмо. 2023. С. 189–190.
8 Б. а. Наше предупреждение в № 1 СА 1926 // Современная архитектура. № 2. 1928. С. 42.

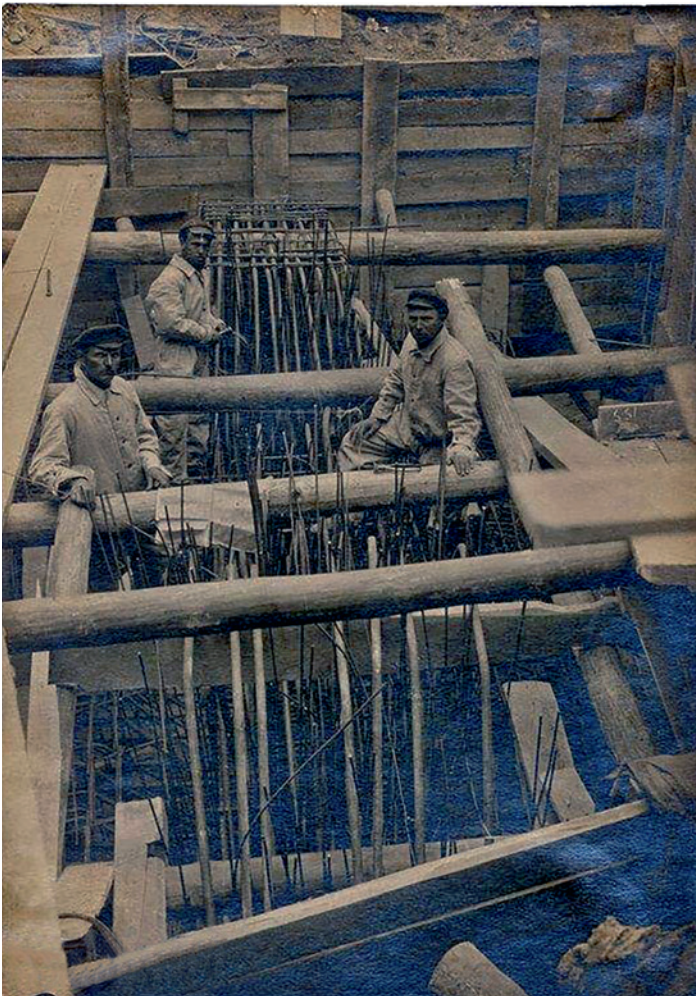
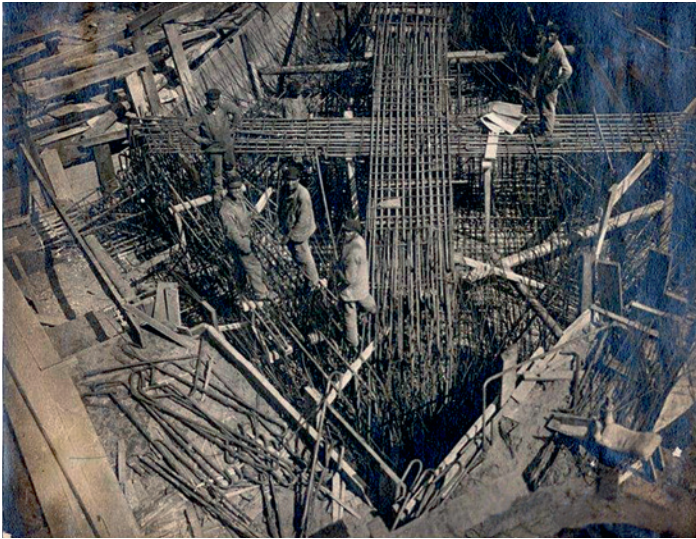


Перед началом строительства Центрального телеграфа. И. Рерберг. 1922 год.
Из собрания Музейного объединения «Музей Москвы»

...я видел, что неудовольствие рождается вследствие того, что мой проект выделяется своей детальной разработкой и художественным оформлением и чужд новым приёмам графического изображения, не дающим понятия о том, что будет в действительности...

9 М. Здание Центрального телеграфа // Строительство Москвы. № 10. 1926. С. 24–25.
10 Вероятно, И.И. Рерберг ошибся с датой: не 1925, а, скорее всего, 1926 год.

будут сосредоточены и раздевальни для служащих. Какова площадь последних, можно судить по тому, что в здании будут работать в две смены до 5000 служащих и рабочих. Далее, в первом этаже разместятся залы для публики: телеграфный (1100 кв. метров) и телефонный (800 кв. метров). Из других больших помещений этого этажа надо отметить ещё столовую, зал для собраний со сценой и библиотеку с читальней. Канцелярия телеграфа и телефона, а также огромные спальни для ночных работников займут весь второй этаж. Третий и четвёртый этажи будут почти сплошь состоять из аппаратных зал. По конструкции здание представляет собою железобетонный остов с кирпичными наружными стенами, облицованными Екатеринославским светло-серым гранитом по Тверской улице и оштукатуренными гранитной крошкой по остальным трём фасадам. Внутренние помещения рассчитаны на одновременное пребывание в них 2500 служащих и приходящей публики до 800 человек. Предполагается, что в здании будет работать 7 грузовых подъёмников и 15 пассажирских. Постройка ведётся не по линиям улиц, а с некоторым отступлением от них, благодаря чему Тверская улица с 19,2 метров (9 сажень) расширяется до 25,6 метров (12 саж.), а улицы Белинского и Огарёва получают проезды в 21,3 метра (10 саж.) против бывших прежде 14,9. Сзади дома будет устроен новый проезд шириной в 21,3 метра, который получит название улицы Связи. <...> Стоимость всех работ по возведению здания и затрат на оборудование выражается в 8.000.000 рублей. Один же кубический метр постройки, по предварительным сметам, будет стоить 30 р. 90 к. (300 руб. куб. сажень). Все сооружения предполагено закончить в три года. В текущем году здание должно быть закончено вчерне и подведено под крышу. Будущий строительный сезон уйдёт на внутреннюю отделку помещений. Устройство же оборудования и установка аппаратов будут выполнены лишь в начале 1928 года. Тогда же телеграф переедет с Мясницкой в новое здание. <...> Всего на постройке в настоящее время занято до 2.000 человек. Работы частью производятся в две смены»⁹. В книге воспоминаний И.И. Рерберга рассказывается о том, что скрывалось за этими сухими цифрами официальных отчётов: «Как орган для коллективного решения крупных вопросов по постройке был образован Строительный комитет под председательством члена коллегии Наркомпочтеля Г.Л. Волленберга в составе двенадцати членов из начальников отделов и инженеров; комитет собирался раз в неделю, и ему я докладывал о ходе работ, о заключённых договорах и произведённых уплатах. Эти заседания комитета, которых за время постройки было около 130, по своей деловитости, серьёзности подхода к делу и определённости выносимых решений не только не были для меня обузой, а доставляли мне удовольствие. Отведённый под постройку участок по Тверской улице между улицами Огарева и Белинского был застроен частью жилыми домами и частью — вновь возводимыми торговыми зданиями. Надо было не только разобрать существующие здания, но ещё произвести громадную работу по съёмке и вывозу земли до уровня улицы Белин-



Монтаж арматуры фундамента под колонны здания Центрального телеграфа в г. Москве. 1926 год. Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова
Заделка арматуры фундамента под колонны здания Центрального телеграфа в г. Москве. 1926 год. Ульяновский областной краеведческий музей им. И.А. Гончарова

ского, так как наиболее высокое место на углу Тверской и улицы Огарёва, где расположен главный вход в здание, превышает улицу Белинского на восемь метров, или на два этажа; подвал и партер уходят в землю. Начатое здание торговых помещений было сложено на порландском цементе, и разборка его поддавалась только силе взрывчатых веществ, а обломки стен годились только на кирпичный щебень. Работы по разборке зданий и по вывозу земли начались в феврале 1925 года¹⁰ и безостановочно велись до конца года, причём одновременно мы были заняты разработкой проекта и заготовкой материалов. В качестве своего помощника и заместителя я пригласил инженера Вульфберта и главным инженером по конструкциям — М.Ф. Гунгера. Строительную контору мы открыли в двух этажах части старого дома, которую можно было сломать в последнюю очередь. <...> Торжественная закладка здания была произведена 26 мая 1926 года, к декабрю того же года были закончены все железобетонные работы и кирпичная кладка стен, за исключением главной фасадной стены по Тверской, которая велась с гранитной облицовкой крупными камнями. Дальняя доставка камней и трудность обработки требовали дополнительного времени и большого напряжения сил. <...> Я первым приезжал на стройку и последним уезжал, часто навещал работы по ночам, когда они велись в две и в три смены. Нарком И.Н. Смирнов приезжал на постройку ежедневно рано утром и был постоянно в курсе дел по моим докладам, он не только не требовал, чтобы я его сопровождал при обходах, но и даже старался, чтобы его посещения проходили возможно незаметнее. С ранней весны 1927 года начались работы по оштукатурке фасадов, причём все переплёты окон — железные и деревянные — были установлены зимой; все гранитные камни для главного фасада также были обработаны ещё при морозах и подняты на леса и по этажам. К десятой годовщине революции, когда массы народа двигались по Тверской к Красной площади, здание Центрального телеграфа, освобождённое от наружных подмостей, выглядело уже законченным сооружением, по величине и богатству отделки первым из сооружений революционного периода. За время постройки “заработали” завистливые языки; сначала начали распространять нелепые слухи о моём аресте, о внезапной смерти, о сумасшествии, потом стали уверять, что в здании появляются осадка и трещины, и слухи распространялись настолько упорно, что на постройку стали приезжать представители Моссовета и меня вызвал для объяснения прокурор. Я спокойно указал им, что причиной слухов служат нарочно сделанные в бетонной конструкции разрывы, так называемые температурные швы, и прокурор нашел необходимым выступить в печати с опровержениями, которые и были помещены в газетах за его подписью. <...> Как-то, обходя работы ночью, я шёл в темноте по хорошо мне знакомым местам и свернул вправо, где был переходный мостик через глубокую выемку около стены. Но на сей раз мостик был разобран, и я упал на дно выемки с высоты около шести метров; я сильно ушиб себе голову и всё тело, но никаких переломов и вывихов не было, потому что, к счастью, я упал на бунты толстой железной проволоки,

которые сыграли роль рессор. <...> Прошёл месяц, синяки мои зажили, и вдруг у меня отнялась правая рука; я с трудом мог её поднять, а пальцы не могли держать карандаш и ручки пера. Я отправился в лечебницу доктора С.Ф. Майкова, который мне указал на болезнь нерва вследствие сильного ушиба, и после трёхнедельного лечения массажем и электричеством рука моя была вновь здорова. <...> В конце 1927 года политические обстоятельства заставили И.Н. Смирнова оставить пост наркома и уехать на Кавказ. <...> С уходом из Наркомпочтеля И.Н. Смирнова учреждение как бы потеряло своего настоящего хозяина, и чувствовался постепенный развал и упадок дисциплины. Комитет наш постепенно распадался, и из прежних участников осталось не больше четырёх человек, вновь же вступившие лица были не в курсе дела и не только не приносили пользы, а усложняли дело разными претензиями по оборудованию залов телеграфа. Персонал нашей строительной конторы постепенно сокращался и перешёл частично к новой работе по расчётам конструкций нового здания почтамта в Харькове. Несмотря на мои усиленные старания, никто из участников постройки Телеграфа никакой награды и благодарности не получил, что, конечно, следует объяснить только уходом И.Н. Смирнова и отсутствием после него лица, которое бы настоящим образом могло оценить труды нашего строительного коллектива. Лично я получил большое удовлетворение от Строительного комитета, которое выразилось в том, что на гранитном цоколе переднего фасада по Тверской вырублена надпись: “Сооружено по проекту и под руководством инженера Ивана Ивановича Рерберга”»¹¹.

Критика

Конец работы над зданием телеграфа ознаменовался новой волной возмущения от апологетов конструктивизма. Во втором номере журнала «Современная архитектура» за 1928 год в рубрике «Архитектурная кунсткамера» появилась обширная статья под оскорбительным названием «Как не надо строить»: «Ниже мы помещаем ряд фото зданий, часть которых приурочивалась и должна была ознаменовать юбилей Октября. <...> Кунсткамера открывает Телеграфом: потому что именно это здание рекламировалось как последнее достижение нашего Союза; потому что именно это здание действительно одно из крупнейших

строений наших дней; потому что это здание построено не где-нибудь в глухой провинции, а в центре, в столице, откуда провинция черпает “новости” и “примеры”; потому, наконец, что в этом здании особенно ярко обозначилось всё то, что вызывает наше возмущение. I. Телеграф со стороны разрешения генерального плана. Всем внимательным наблюдателям бросалось, наверное, в глаза, что Телеграф не разрешает генерального плана. Он скорее дезорганизует всю прилегающую часть района, устремляя ось угла входов на несуществующий центр; он ничему не подчинён и не соподчинён. А всякий культурный архитектор обязан знать, что основная задача проектировки генерального плана заключена в том, чтобы “решить”, т. е. организовать участок как часть целого, т. е. города. Это знает всякий, но, очевидно, этого не знает автор проекта Телеграфа, ибо последний в общей концепции антиархитектурен. II. Телеграф со стороны общего конструктивного решения. Результатом косности или отсталости архитекторов являются атавистические для нашего времени конструкции. Их применяют часто, по наивности, не рискуя пробовать ересь новшества. Но бывает и так, что мы наблюдаем простое издевательство над железной логикой конструкции: например, когда американцы заполняют прекрасные скелеты небоскребов квадратными метрами энциклопедии стилей и эпох. Или, что у нас пока ещё процветает, заполнение каркасной системы кирпичной, в 2 ½ кирпича, стеной. Или, как это имеет место в здании Телеграфа, когда железобетонная конструкция обкладывается кирпичной, и эти обе стены ещё облицовывают гранитными квадрами. Гранит — мы это понимаем! — “для красоты”; но вес этой “красоты” противоречит до конца ясной логике железобетона. Вместо того чтобы из трёх отдельных стен (железобетонная, кирпичная, гранитная) сделать три хороших здания, И.И. Рерберг предпочёл сделать одно плохое. Телеграф со стороны конструктивной — антиконструктивен... <...> III. Телеграф с точки зрения новой архитектуры и соответствия октябрьским завоеваниям. Громадный скачок — только не вперёд, а назад, и даже не к дореволюционному классицизму, а к идейной беспринципности купеческого заказа старой Москвы. Достаточно взглянуть на эту

Обложка журнала «Современная архитектура», № 2, 1928. РГБ



«Вместо того чтобы из трёх отдельных стен (железобетонная, кирпичная, гранитная) сделать три хороших здания, И.И. Рерберг предпочёл сделать одно плохое»

11 Рерберг И.И. Войти в одну реку, или Воспоминания архитектора. М.: Эксмо. 2023. С. 190–198.

Образование небольшой площади с сильным полукружием башни у главного входа рационально, как для принятия дополнительного движения в данном месте, так и для лучшей перспективы здания с этой стороны

галантерейность кружевного обрамления над центральной частью (вспоминается особняк Морозовой), на доморощенные вершушки над пилястрами, самый профиль пилястр, на причудливую флору, украшающую места для флагштоков, на обелиски у входов, столь немасштабные, что превращаются в скверную игрушку для детей, на буквы надписи, делающие честь буквам для галosh, и на многое другое, чтобы оценить “идеологию” этой архитектуры, чтобы понять, насколько она отвечает и соответствует завоеваниям революции.

IV. Телеграф с точки зрения основных проблем архитектуры (объём, плоскость, фактура и пр.). Лживость всей концепции — основная характеристика здания: лжива центральная часть, которая в самом верху своего объёма раскрывает, что она не замкнутый объём цилиндра, а простая декорация; лжива сама поверхность стен, фактически толстых, но благодаря расположению переплётов у наружной грани производящих впечатление картонных. Лживы прогоны большого зала, т. к. они подделаны под материал, ничего общего с принятой конструкцией не имеющий и выкрашенный “под дуб” клеевыми колерами. Лживы трубы, обработанные под неизвестный нам “стиль”, в углах выступающие во двор частей здания. Не решены абсолютно переплёты окон. И, думается, если войти в анализ решения самого здания, его функциональных особенностей и требований, мы натолкнлись бы на ошибки, о которых мы говорили в своё время, критикуя проект Телеграфа. Несмотря на “монументальность” сооружения, измеряемую весом и стоимостью материала, — Телеграф лишь покушение с негодными средствами на подлинную современную архитектуру»¹².

Следующим пунктом критики конструктивистов значилась работа Жолтовского, но и тут Рерберг не оказался забытым: «Проект дома Правления Госбанка академиче- ка архитектуры И.В. Жолтовского представляет собой

явление гораздо более сложное, нежели рерберговский Телеграф. В то время как Телеграф — архитектура исключительно низкого качества, Госбанк гораздо тоньше и сложнее в своей архитектурной концепции и качестве её деталей. Однако разница здесь исключительно “качественная”. В обоих случаях мы имеем пред собой практически проводимую в нашу действительность идеологию пассаистов и эклектиков, не верящих ни в правоту своей эпохи, ни в силу своей творческой деятельности, способной создавать новые ценности, вызванные потребностями сегодняшнего дня.

В обоих случаях перед нами — спасительное бегство в прошлое.

Но Рерберг при этом обнаруживает не только свою идеологическую пустоту, но и полное безвкусие и беспринципность ремесленника.

Жолтовский же значительнее чище и отрицательнее пытается навязать Советскому Союзу принципы эпохи Итальянского Ренессанса и отжившие формы XV и XVI веков. Тем не менее гораздо опаснее для нашей общественности именно такое явление...»¹³

Издание ставило целью сформировать определённое общественное мнение, хотя, что характерно, в этом же журнале одновременно звучали и прямо противоположные высказывания. Происходили взаимные, наотмашь хлёсткие, нападки друг на друга в утверждении своей правоты. В менее радикально настроенном журнале «Строительство Москвы» ещё в октябре 1927 года в аналитическом обзоре о телеграфе отмечалось: «Первое, что хочется сказать при взгляде на заканчиваемое здание: “Не ново”! Такова сила моды, хотя бы и в архитектуре, такова инстинктивная тяга к новым формам — прежние формы в новом здании уже мало удовлетворяют.

В плане применённых архитектурных форм, хотелось бы более сильных и рустовки в нижних этажах. Большие,



Центральный телеграф. Дворовый фасад. Фото: П. Орлов и М. Сахаров, 1929 год. ГНИМА им. А.В. Щусева. Из каталога выставки «Кузница большой архитектуры. Советские конкурсы 1920-х — 1950-х годов». ГМА им. А.В. Щусева

крупные надписи невыгодны для здания при данной трактовке фасада. Достоинством здания является его увязка по массам с местом, на котором оно стоит. Тверская улица неширока, в частности, в данном месте; благодаря срезанным углам здания на боковые улицы, высокое, сравнительно с окружающими, здание не будет давить улицу.

Образование небольшой площади с сильным полукружием башни у главного входа рационально, как для принятия дополнительного движения в данном месте, так и для лучшей перспективы здания с этой стороны»¹⁴.

Решение генерального плана только подчеркнуло профессиональную правоту архитектора, видение Рербергом именно такого по силуэту объёма оправдывалось близостью здания к Кремлю и необходимостью задать масштаб будущей реконструкции Тверской улицы. Здание общей площадью 54 тысячи квадратных метров представляет собой в плане трапециевидное замкнутое каре с акцентированной пятигранной башней, на которой в центре в качестве декоративного элемента была установлена ранняя версия советского герба с глобусом. В 2010 году в ходе реконструкции старый советский глобус заменили новым, пластиковым, но уже без надписи «СССР». Верхняя часть башни украшена чугунным орнаментом. С другой стороны здания, со стороны Никитского переулка, располагаются башенные часы.

После окончания строительства здание стало называться «Дом связи имени В.Н. Подбельского» в честь пламенного революционера, комиссара почты и телеграфа Москвы, затем наркома почт и телеграфов РСФСР. В 1930-х годах в здании находилась штаб-квартира Всесоюзного радио — отсюда 22 июня 1941 года Вячеслав Молотов сообщил советским людям о нападении на Советский Союз, а в мае 1945-го — Юрий Левитан возвестил о капитуляции Германии.

Во второй половине XX века Центральный телеграф ещё хранил своё ключевое значение в качестве коммуникационного центра СССР. С развитием новых технологий связи он утратил свою функциональную роль, хотя как одна из архитектурных доминант продолжает поддерживать монументальность и своеобразие Тверской улицы столицы. В наши дни, оставаясь объектом культурного наследия регионального значения, здание станет новым кампусом Центрального университета. Архитектурную концепцию реновации разработало британское архитектурное бюро “David Chipperfield Architects”.

12 Как не надо строить // Современная архитектура. № 2. 1928. С. 42–43.
13 Там же. С. 43.
14 Вендеров Б. Архитектура старой и новой Москвы // Строительство Москвы. № 10. Октябрь. 1927. С. 44.

Кувшин, булла и сто ножей

Полевой сезон в самом разгаре. Это самое жаркое время не в плане погоды, а тот период, когда археологи стараются максимально использовать положительные температуры для проведения раскопок. Даже аномальные тропические проливные дожди, которые периодически накрывали наш город, не стали помехой археологам.

(1)

Самая сенсационная находка археологического сезона 2025 года — подвесная свинцовая печать (булла), принадлежащая к эпохе Ивана III Великого. Аверс



Работы продолжаются на таких объектах, как: Китайгородский проезд, Фрунзенская набережная, Яузская улица, улица Тимура Фрунзе, 2-й Вражский переулок, Соймоновский проезд, Зубовская улица, Новорязанская улица, Шлюзовая набережная и на территории ТиНАО. Масштабные археологические исследования проводятся в Романовом переулке, между Никитской улицей и Воздвиженкой. В процессе исследований уже найдено более 3 тысяч предметов:

во время строительства бизнес-центра «Романов Двор». А сейчас работы идут на внутренней территории усадьбы-дворца Разумовского-Шереметева. Под царский Опричный двор был взят фактически весь квартал между Моховой, Романовым переулком, Воздвиженкой и Большой Никитской улицами. По крайне мере такую ситуацию описывает Генрих Штаден, единственный, кто оставил описание Опричного двора в Москве. Размеры двора оценивались иностранным наёмником «в 130 сажень в длину

вая печать (булла), принадлежащая к эпохе Ивана III Великого (1–2). Печать обнаружена в слое первой половины — середины XVI века, недалеко от Церкви Знамения на Шереметевом дворе. На данный момент это первая великокняжеская печать, найденная в Москве. И последняя из периода свинцовых — позже встречались только восковые. Подобные печати скрепляли важные внешне- и внутривластные документы той эпохи, являясь своеобразным «факсимиле» Великого князя московского.

(2) Свинцовая печать (булла) эпохи Ивана III Великого. Реверс

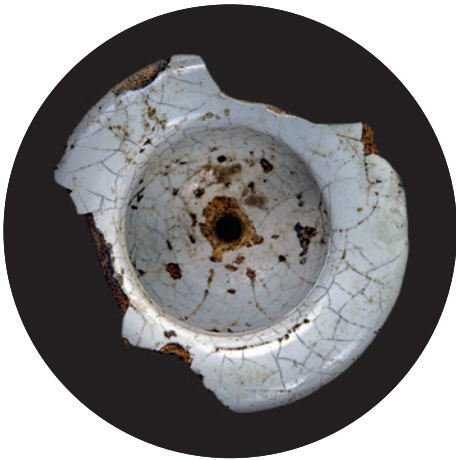


инструменты, посуда, домашняя утварь, детские игрушки, украшения, оружие. Из культурного слоя извлечено и обработано более 20 тысяч фрагментов керамических сосудов — массового материала. На месте Романова переулочка во времена Ивана Грозного находился Опричный двор, место «дислокации» царских опричников, окружённый каменно-кирпичной стеной. На территории Опричного двора раскопки проводятся уже во второй раз. Впервые археологи работали в 1996–2003 годах

и столько же в ширину с тремя воротами: одними — на восток, другими — на юг, а третьими — на север». Этим может объясняться разнообразие археологических находок, включая многие «статусные», отражающие социальный состав населения квартала, — обилие монет, включая серебряные начала XV века, импортная керамика, связанная с «высшим светом» того времени. Однако самой сенсационной и уникальной находкой стала обнаруженная археологами подвесная свинцовая

С одной стороны печати нанесено изображение всадника, попирающего змея, — каноническое изображение св. Георгия Победоносца. Вооружённый всадник часто встречался на русских монетах конца XIV–XV века. Монеты с подобным сюжетом чеканили великие князья Москвы и Твери, а также князья, владевшие прилегающими к этим городам уделами (в княжествах Городенском, Кашинском, Галицком, Серпуховском, Можайском, Верейском, Дмитровском). Вокруг фигуры конного воина по

кругу расположена надпись, дублирующая текст на оборотной стороне печати, — «ПЕЧАТЬ КНЯЗЯ ВЕЛИКОГО ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА». Возникновение змеборческого сюжета в русских княжествах заметно совпадает со временем, последовавшим за победой Дмитрия Донского на Куликовом поле. Именно сюжет со святым Георгием на обнаруженной печати вполне может являться одним из ранних изображений собственнo московского герба, ибо святой Георгий был небесным покровителем основателя Москвы — Юрия (Георгия) Долгорукого. После победы на Куликовом поле образ популярного святого — защитника христианства — в глазах московских князей мог стать особенно привлекательным, вплоть до заимствования отдельных атрибутов его внешнего облика. Возможно, этим объясняются сюжеты монет и печатей, на которых князь выступает как драконоборец. Вступая в борьбу за объединение русских земель в единое государство, а также за право называться царём, Иван III придавал большое значение формированию своего имиджа. При этом не последнее место отводилось исключительной роли великого князя Московского в защите чистоты веры, противопоставление его иноверцам и отступникам. Таким образом, в качестве символа своих многотрудных деяний великий князь Московский мог выбрать для новой печати изображение известного всей Руси святого — Георгия Змееборца. Но лишь при Петре I Георгий Победоносец становится официальным гербом Москвы. Не стоит забывать, что результатами правления Ивана III стали объединение значительной части русских земель вокруг Москвы и её превращение в центр единого Русского государства, за что великий князь получил прозвище «собиратель земли русской». Было достигнуто окончательное освобождение страны от ордынской зависимости; принят Судебник — свод законов государства; проведён ряд реформ, заложивших основы поместной системы землевладения; построены нынешний Московский Кремль и главный кафедральный собор Русского



(3)
Баночка для кремов, помад или бальзамов. Вид в трёх проекциях

(4)
Белоглиняный кувшин высотой 68 см

государства — Успенский; принят нынешний герб России — двуглавый орёл. Археологические исследования проводились на участке, расположенном в квартале, ограниченном улицей Арбат и переулками Сивцев Вражек, Староконюшенный, Калошин. Первые археологические наблюдения на этой территории были проведены в 1933–1934 годах при работах на строительстве первой очереди Московского метрополитена. В ходе проведения археологических исследований на территории Калошина переулка этого года собрана коллекция артефактов XVI–XIX веков. Среди находок большую часть занимают курительные трубки, в том числе покрытые поливой, разнообразные фарфоровые помадные баночки, расписные изразцы. Среди них особое внимание стоит обратить на интересную находку. Во время исследований столичные археологи обнаружили баночку для кремов, помад или бальзамов. Это ценный экземпляр товаров XIX — начала XX века, который пользовался популярностью у горожан того времени. Подобные небольшие керамические ёмкости археологи часто находят в поздних культурных слоях русских городов. В основном такие артефакты встречаются белого или синего цвета. Однако баночка, обнаруженная в Калошином переулке, не только несёт на себе роспись в виде клейма, но и на донце нанесён рисунок петуха, что позволяет предположить, что это сделано керамистами специально, по заказу парфюмерной фабрики, как некая отсылка к тому, что крем или помада в банке имеет французское происхождение. В XIX — начале XX века помадой называлось средство для ухода за волосами, которое придавало им блеск и делало причёску более устойчивой. Оно пользовалось популярностью как у женщин, так и у мужчин. Основным ингредиентом для его изготовления был жир из свиного, бычьего или иного сала, в него добавляли ароматические вещества. В Москве к 1850 году насчитывалось одиннадцать помадных заводов, в год они выпускали продукции на 400 ты-

сяч рублей. Когда появились лаки и гели для волос, помадой стали называть средства для макияжа губ. Тару для кремов, помад и бальзамов изготавливали на фабрике в Гжели ещё с конца XVIII века. Гжельские земли были присоединены к Московскому княжеству в XIV веке, что послужило мощным стимулом для развития гончарного производства на этих землях. В годы царствования Алексея Михайловича, в 1663–1666 годах, Гжель — эксклюзивный поставщик как аптекарских, так и алхимических сосудов, которые местные мастера активно изготавливали для поставки в столицу, что является признаком и качества, и мастерства. Впоследствии эта традиция «поставщика двора его величества» и положила начало керамическому производству в Российской империи. В целях производства химической посуды в 1710 году Гжельскую волость приписали к Аптекарскому приказу в Москве. Помадные ёмкости несколько отличались от другой аптекарской тары. Они имели толстые стенки и массивное округлое дно, чтобы было удобнее набирать содержимое деревянной лопаточкой или пальцами. Изготавливались помадные банки из глины и сверху покрывались непрозрачным слоем глазури с добавлением олова: оно защищало керамическое изделие от действия кислот и щелочей, делало сосуд непроницаемым. Внутри тара всегда была белого цвета, а снаружи её окрашивали. Сейчас находки из этой коллекции находятся в реставрационной мастерской и в дальнейшем будут переданы на постоянное хранение в Музей Москвы.

Археологи уже завершили раскопки на территории Чижевского подворья, входящей в Китай-город. Сейчас работы ведутся в режиме наблюдений. Во время исследований специалистами было найдено более 6 тысяч старинных артефактов — это самая большая коллекция находок центра Москвы за последнее время, которая открыла специалистам историю формирования и развития города начиная с XII века. Планировка кварталов, основных улиц и переулков вокруг

района Китай-города сложилась уже к концу XIV столетия. Это была довольно плотно застроенная домами и сооружениями местность. Время включения Китай-города в состав городских территорий — ориентировочно 1535–1538 годы, когда по границам современных Площади Революции, Новой, Старой, Славянской площадей, Китайгородского проезда и Москворецкой набережной к Кремлёвской стене была пристроена Китайгородская стена. Она была спроектирована итальянским архитектором Петроком Малым Фрязиным (Пьетро Франческо Аннибале). В XVII–XIX веках территорию квартала занимают три основных крупных владения, известных по историческим источникам, — «двор Шереметевых» (северная часть квартала); «двор Салтыковых» (юго-западная часть квартала; впоследствии двор князей Долгоруковых, купцов Чижевых (Чижовых); «двор усадьбы Одоевских — Хаджи-Консты» (северная часть квартала, восточнее владений Шереметевых). Историю усадеб иллюстрируют археологические горизонты, связанные со строительством и перестройками зданий усадебных комплексов. К сооружениям XVII–XIX веков относятся кирпичные и деревянные постройки с заглублёнными ямами-погребями, наполненными разнообразными артефактами. Специалистам из Столичного археологического бюро удалось восстановить из фрагментов самый крупный артефакт — белоглиняный кувшин высотой 68 сантиметров (4). Предмет датирован XVI столетием. Он является ярким примером гончарного мастерства своего времени, раскрывающим быт и хозяйство средневековой столицы. Сейчас специалисты ведут в мастерских кропотливую работу по восстановлению других форм сосудов, найденных в ходе тех же раскопок. Большой кувшин предназначался для хранения воды или продуктов. Сам кувшин выполнен из беложгущейся глины — немного грубой, с мелкозернистой примесью. Тулово его большое и округлое, с невысоким широким горлом, на верхней части по плечикам виден линейный орнамент. На части фрагментов отслаивался верхний слой





глины. Это затрудняло работу реставраторов, так как было необходимо сначала укрепить хрупкие фрагменты и только после этого склеивать их с остальными. Кувшин восстановлен из 96 разноразмерных частей, есть небольшие утраты, которые в будущем не помешают экспозиции этого артефакта.

В XVI–XVII веках кухонная утварь в основном изготавливалась из дерева и керамики. Сосуды были хрупкими и довольно часто разбивались, а их фрагменты выкидывали или использовали для утрамбовки грунта и дорожек. Так, во время раскопок на Чижевском подворье было найдено большое количество разнообразных красноглиняных, белоглиняных и чернолощёных черепков.

Задача археологов состоит в том, чтобы отмыть каждый черепок, а также внести его в статистическую базу данных для дальнейшего изучения. Реставраторы, в свою очередь, выявляют среди всей этой массы керамических фрагментов те, что относятся к одному сосуду. Следующим этапом является отбор частей по принципу визуальной и технологической схожести и соединение их между собой для восстановления целой формы сосуда. Во время проведения археологических раскопок в 2024 году на территории Чижевского подворья были обнаружены фрагменты маленьких керамических сосудов с яркой поливой. Один из них — фаянсовый кувшинчик, покрытый синей поливой, конца XVIII века, высотой примерно 15 см, вероятно, использовался как столовая посуда для молока (5).

Второй — точная реплика кувшинов/крынок конца XVIII — начала XIX века для хранения и подачи молока. Однако его миниатюрный размер (высота составила 7,5 см) свидетельствует, что он был изготовлен именно как кукольная, игрушечная посуда. В находке полностью соблюдены материал, цвет поливы и пропорции для полной имитации предмета (6).

Поражает прекрасно сохранившийся насыщенный цвет поливы. Подобная посуда создавала яркое праздничное настроение как у детей, так и у взрослых.

Не менее интересными являются находки, связанные с бытом москви-



(4)

(4) Белоглиняный кувшин высотой 68 см



(5)

(5) Фаянсовый кувшинчик XVIII века



(6)

(6) Кувшин/крынка XVIII–XIX веков

(7) Железные ножи



(7)

чей конца XVI–XVIII века. Также при раскопках на Чижевском подворье археологи обнаружили около 100 разнообразных по форме и назначению железных ножей. Они установили, что в основном эти предметы быта использовались в хозяйственных целях. Во времяковки кузнецы тянули заготовку ножа молотом до самого кончика, придавая ей нужную форму и сечение, а затем правили на мокром точиле. Клинообразная форма клинка позволяла компенсировать мягкость материала, так как изготавливали ножи в основном из обычного железа. Многие ножи перековывали из сломавшихся кос, поскольку железо на Руси было дорого. Такой массивный и широкий клинок назывался «косарь» и использовался для хозяйственных работ и охоты (7). Этими универсальными ножами выполняли всю бытовую работу, их использовали для приготовления пищи и при ремонте сельскохозяйственных орудий.

В настоящее время специалистами реставраторами ведётся работа по расчистке, закреплению и консервации изделий из железа. Это достаточно крепкий материал при долгом нахождении в земле становится хрупким, покрывается окислами и кавернами. Задача реставраторов не только расчистить от окислов и загрязнений, но и стабилизировать сам предмет. Один из отреставрированных ножей у которого полностью сохранилось и лезвие, и рукоять, представляет собой длинное лезвие 13 см и деревянную рукоять 10 см, инкрустированную латунными крошечными отверстиями.

Работы над коллекцией Чижевского подворья продолжаются. Сейчас полным ходом идёт реставрация обширной коллекции керамических и металлических предметов, найденных во время раскопок, специалисты расчищают все артефакты от загрязнений и укрепляют их с помощью различных реставрационных составов.

2

часть



стр. 50

О небе мечтают, о небе поют. Оно манит. И днём и ночью. Во все времена. Одной из целей строительства Сухаревой башни была натурная площадка при Рапирной зале на высоте 63 метра, — для наблюдения за звёздным небом. На высоту поднимались, чтобы обозреть город, например, в Симонов монастырь приезжали чаще не для паломничества, а чтобы увидеть Первопрестольную. Многие московские памятники видны издалека, и, когда на них смотришь, невольно задумываешься, каково это — дерзнуть достать до неба и какими мы им видимся?



стр. 70

Небо СТОЛИЦЫ



стр. 40



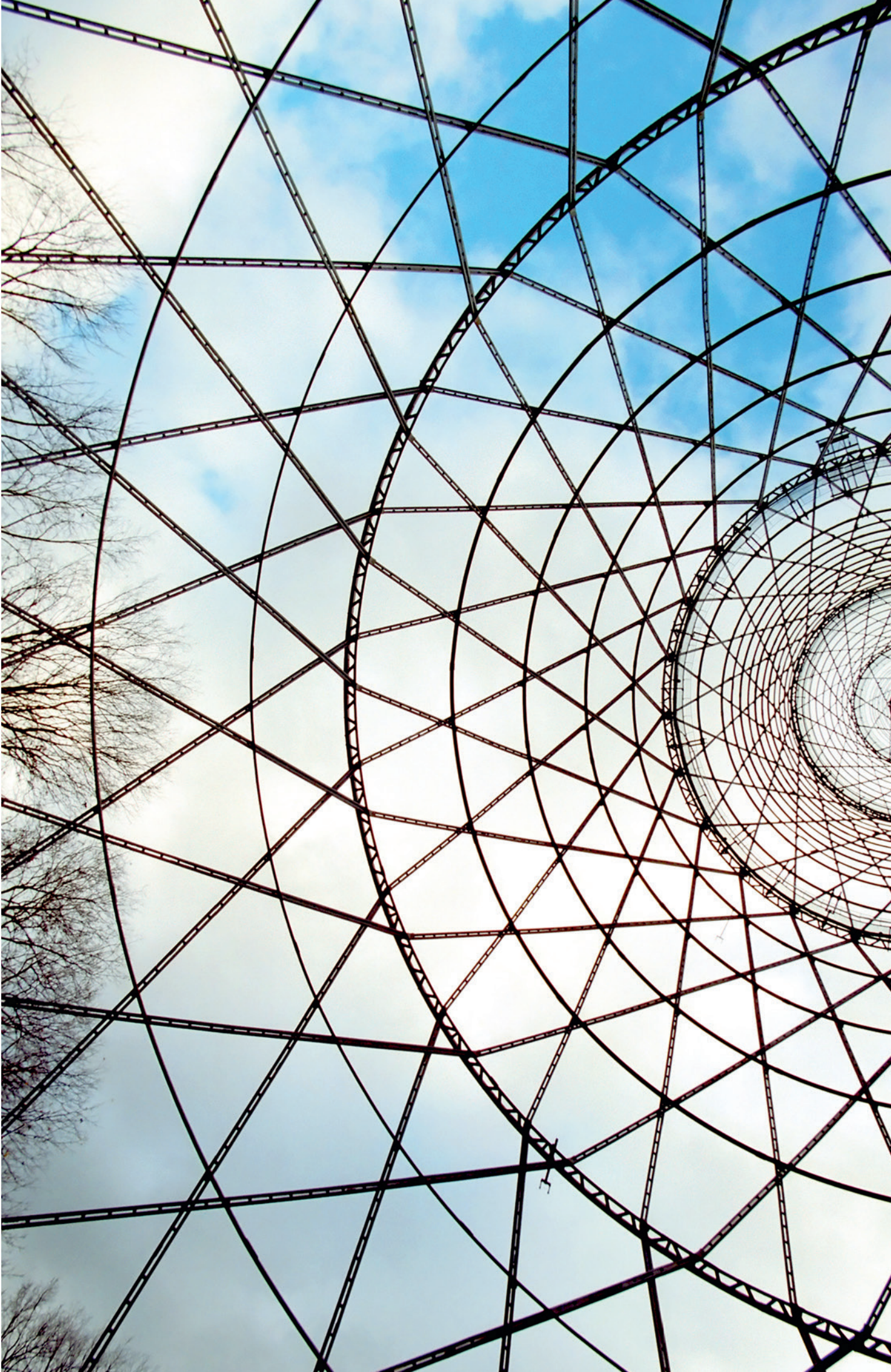
стр. 54













Анастасия Смирнова, журналист

Набор высоты

Ландшафт города значительно изменился. Если в начале XX века люди выходили из трамвая на Садовом кольце, чтобы обойти по противоположной стороне улицы первый московский тучерез, то сегодня они с радостью готовы поселиться на высоте и смотреть на город с высоты птичьего полёта. Посмотрим и мы на высотные сооружения города. Пусть и с земли. Заодно узнаем, каким бывает московское небо.

35 м



Дом Афремова
Первое в городе здание высотой в восемь этажей, именно с его появлением в обиход вошло слово «небоскрёб» и «тучерез». Рекламировалось как самое высокое здание в Европе. Построено для водочного короля в целях диверсификации бизнеса в 1904–1906 годах. Давно «измельчало».

44 м



Дом Нирнзее
Построен в 1912–1913 годах по проекту архитектора Эрнста-Рихарда Нирнзее на принадлежавшем ему участке. В 1915 году продано за 2,1 млн рублей банкиру Д. Рубинштейну. Дом имеет богатейшую киноисторию, поэтому если вы в нём ни разу не бывали, то наверняка бывали не раз.

42,5 м



Памятник Ю.А. Гагарину
По замыслу архитекторов, памятник должен был быть виден от МКАДа. Монумент изготовлен из космического материала — титана, установлен в канун Олимпийских игр 1980 года. Место выбрано не случайно — Ленинский проспект ведёт к международному аэропорту Внуково, откуда Ю.А. Гагарин после полёта ехал с докладом в Кремль. Исторические кадры показывают, как москвичи встречали первого космонавта мира, буквально «облепив» столбы освещения и бросая под колёса кортежа цветы. Памятник получил ласковое название в народе — «мужик, у которого чемоданы украли» за характерную позу. Кстати, смотрит он не в центр, а в область.

60 м

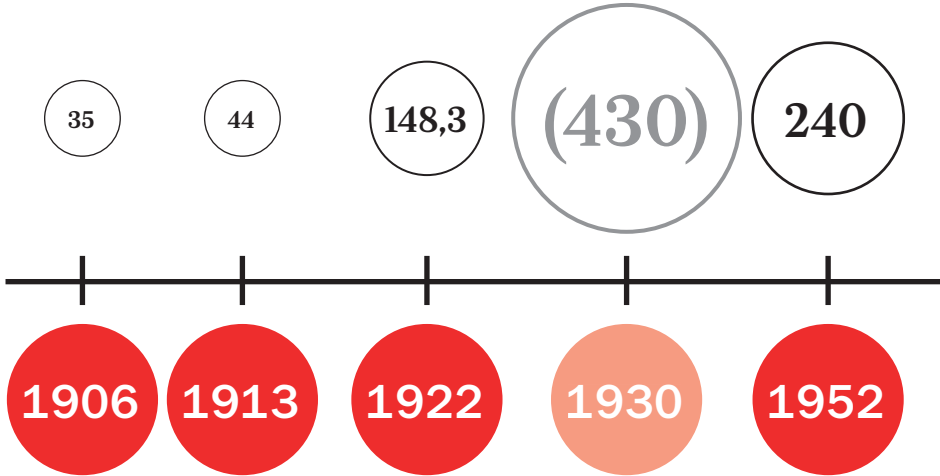


Памятник «Рабочий и Колхозница»
Интереснейший памятник истории и культуры — скульптурная композиция из авиационного металла была построена для Всемирной выставки в Париже в 1930-е годы. Её несколько раз разбирали, а когда вернули в Москву, установили на «унизительный» постамент, что буквально принизило автора монумента. Историческая справедливость восторжествовала, когда в результате последней реставрации памятник высотой 25,5 метров установили на постамент высотой 34,5 метра. В постаменте-павильоне размещаются выставки, одна из которых рассказывает об удивительном проекте ранней Советской власти — строительстве 430-метрового здания.

(84 м)



Меншикова башня
Амбициозный проект храма, который при строительстве нарушил запрет «на высоту» — московские строения не возводили выше колокольни Ивана Великого. Раньше над церковью Архангела Гавриила 1704 года постройки возвышался шпиль, что приводило его к высоте 84 метра — на три метра выше доминанты Москвы. В него попала молния в 1723 году, и строение «уменьшилось». Построил храм на землях А. Меншикова архитектор И. Зарудный; как считается, в строительстве и составлении проекта принимал участие лично Пётр Великий, при котором было построено и второе колоссальное для того времени сооружение — Сухарева башня высотой 64 метра.





81 м

Колокольня Иван Великий
Храм-колокольня в составе архитектурного ансамбля Соборной площади Московского Кремля. Построена в 1505–1509 годах по проекту итальянского архитектора Бона Фрязина, в период до 1815 года неоднократно достраивалась, расширялась и перестраивалась. Сначала была высотой 60 метров, затем в 1600 году по приказанию Бориса Годунова её сделали выше. Надстройка третьего яруса была осуществлена русским зодчим Фёдором Конём, тем самым, что строил укрепления Белого города в Москве (основание можно увидеть на Хохловской площади).



107 м

Монумент Покорителям космоса
Торжественное открытие монумента состоялось 4 ноября 1964 года, в седьмую годовщину запуска Первого искусственного спутника Земли и в канун 47-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В проектировании монумента принимал активное участие С. Королёв, который жил поблизости и часто приходил на строительную площадку. Кстати, именно ему принадлежала идея сделать шлейф ракеты из титана. В стилобате размещён один из интереснейших музеев нашего города — Мемориальный музей космонавтики. Также на аллее рядом можно увидеть масштабную модель Солнечной системы.



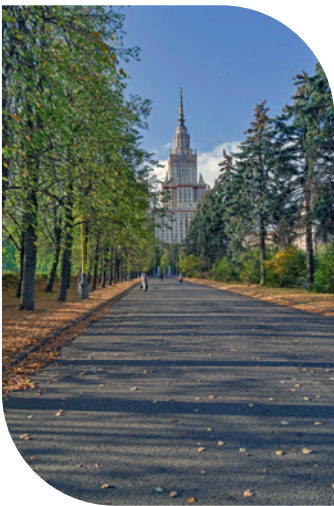
141,8 м

Монумент Победы на Поклонной горе
Каждый дециметр этого памятника — один день Великой Отечественной войны. Величественный монумент был открыт в День Победы, тридцать лет назад, в 1995 году, и с тех пор стал негласным символом подвига советского народа. Обелиск является частью одного из крупнейших в России мемориальных комплексов, площадь которого равна 135 га, — Парка Победы на Поклонной горе. На высоте 104 метров на монументе установлена 25-тонная бронзовая статуя богини победы Ники, держащей в руках венок и окружённой фигурами двух ангелов с трубами. У основания стелы также расположена конная статуя Георгия Победоносца, который поражает копьём змея, символизирующего фашизм. Обелиск декорирован позолоченными названиями городов-героев и барельефами.



148,3 м

Шуховская башня
В 1919–1922 годах на Шаболовке была возведена гиперболоидная сетчатая башня. Сегодня она является уникальным памятником конструктивизма. Башня составлена из 6 секций, расположенных одна над другой. Каждая секция представляет собой самостоятельный гиперболоид, опирающийся на нижестоящий побольше. Монтаж каждой секции проводили внутри контура и поднимали на заданную высоту. Строительство велось в условиях категорического дефицита материала, на площадке возведения случилась авария, за которую инженер был приговорён к «условному расстрелу» с отсрочкой исполнения приговора до конца строительных работ. По первоначальному проекту башня должна была стать на 15 метров выше Эйфелевой, но из-за нехватки ресурсов в молодой Советской России в проект внесли изменения. Всего подобных конструкций в России (по проекту В. Шухова) — вышек, опор ЛЭП и водокачек — было построено около 200, до наших дней дошло только около двадцати.



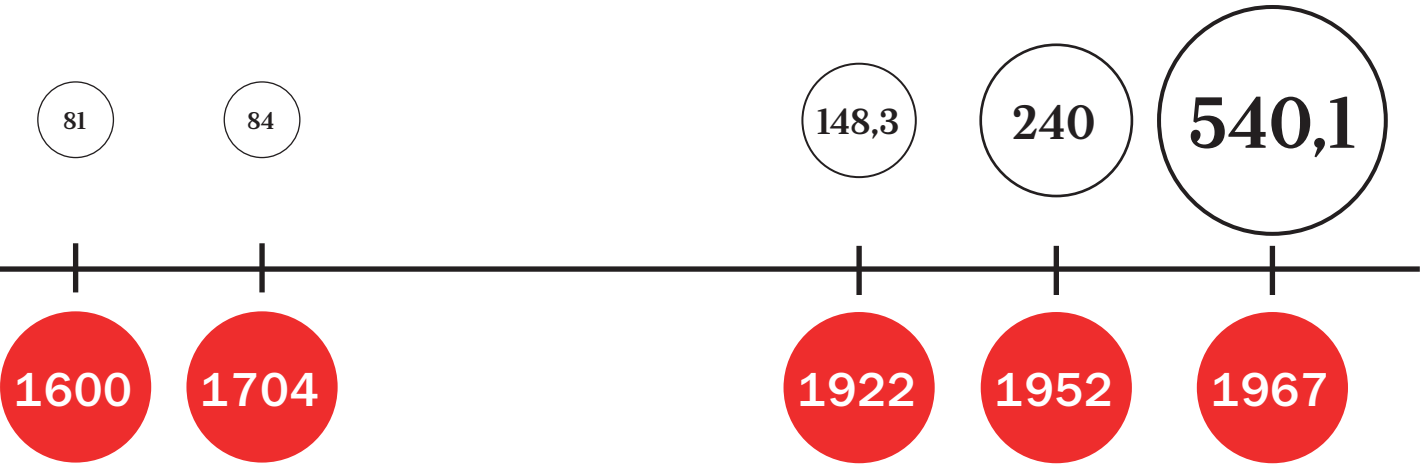
240 м

ГЗ МГУ
Главное Здание МГУ на Воробьёвых горах сложно померить. В разных источниках — разные цифры. Но некоторое время назад был предложен наиболее простой и доступный любому способ. Проще всего определить высоту ГЗ МГУ можно, если помнишь геометрию (8 класс) — здание представляет собой по форме пирамиду с углом у основания 45 градусов. Соответственно, высота от основания до верхушки шпиля со звездой равна точно половине длины главного фасада здания, которое нетрудно измерить шагами. Ну а дальше, «взяв в метрах» свой шаг, вычислишь и высоту ГЗ МГУ с погрешностью 10 процентов. Благодаря тому, что основание здания находится на отметке 195 метров над уровнем моря, высотное здание можно увидеть из разных уголков нашего города. Кстати, небольшой лайфхак — на самом верху здания находится «Музей землеведения», в который можно попасть с экскурсионной группой, а значит ты поднимаешься в ротонду на высоте 185 метров. Или 185 + 195?



540,1 м

Останкинская телебашня
В чистом виде телерадиовышка — не памятник истории и культуры, однако это единственное место в Москве, где можно получить уникальный опыт — посмотреть на высоту с площадки на уровне 337 метров. И башня остаётся пока самым высоким отдельностоящим московским сооружением.



Как «на взлёт»? Мы же на улице!



Центральный Московский аэродром

Самый первый московский аэродром, — построенный в 1910 году и ликвидированный в 2003-м, — Центральный Московский аэродром. В 1938 году к нему протянули ветку метро. В 1965 году вблизи бывшего аэропорта построили Московский аэровокзал, где регистрировали пассажиров, принимали багаж и на автобусах доставляли их в московские аэропорты прямо к трапу самолёта. Он проработал до 2005 года. С 1960 по 1971 год в дополнение к автобусам на аэродроме функционировала Центральная вертолётная станция, откуда летали вертолёты к аэропортам. Само поле было приспособлено для военной авиации и испытательных полётов в 1940-е годы.



Быково

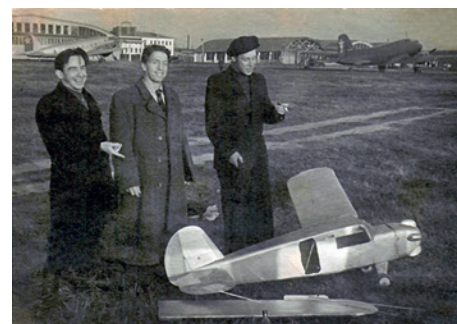
В 1933 году был открыт аэродром Быково. Он просуществовал до 2010 года, а в 1936–1937 годах выполнял функции главного аэропорта столицы, на время закрытия Центрального.



Люберцы

В 1932 году между Рязанским и Новорязанским шоссе был открыт аэродром с грунтовой ВПП, предназначенный для нужд военных. Сегодня здесь улица Авиаконструктора Миля и Городок Б города Люберцы. В 1948–1956 годах аэродром принимал почтово-грузовые рейсы и пассажирские самолёты — в этот момент было уже закрыто пассажирское сообщение на ЦМА. Затем аэрополе использовалось НИИ по ремонту и эксплуатации авиатехники (НИИ ЭРАТ), Московским вертолётным заводом М.Л. Миля и Ухтомским вертолётным заводом.

Если сегодня задаться целью перечислить московские аэропорты, современный горожанин насчитает следующие: Шереметьево, Внуково, Домодедово и Жуковский. Более продвинутый вспомнит про Остафьево и Чкаловский. Однако и в современной черте города, и в московской агломерации до начала XXI века находилось несколько лётных полей



Тушинский аэродром

Тушинский аэродром у Волоколамского шоссе для Центрального аэроклуба СССР открылся в 1935 году, в советское время был местом воздушных парадов советской авиации в День воздушного флота, посещаемых высшим партийным руководством страны. В 1950–1960-х годах он был одним из звеньев противовоздушной обороны Москвы. В 1970–1980-е на аэродроме базировался аэроклуб имени Чкалова (РОСТО), где обучали молодёжь пилотированию лёгких самолётов и прыжкам с парашютом. На аэродроме базировались также военные вертолётчики. На грунтовое лётное поле 3 класса могли садиться самолёты Ан-24, Ан-26 и Ан-30. Ликвидирован в 2014 году.



Захарково

Неподалёку от Тушина — там, где сейчас улицы Штурвальная, Аэродромная и бульвар Яна Райниса, а когда-то стояло село Захарково и был Алёшкинский лес, — с 1931 года начал функционировать малоизвестный московский аэродром. В разные годы он назывался Химкинский аэродром МАГОН; аэропорт Химки; аэродром Захарково. На нём базировались самолёты дальней авиации, совершавшие полёты за Полярный круг, — Московская авиагруппа особого назначения (МАГОН), основанная в 1934 году. Аэродром закрыт в 1960 году.



Измайлово

Территория военного Измайловского аэродрома ограничивалась современными Измайловским бульваром, Щёлковским (тогда Стромьинским) шоссе, 5-й Парковой улицей и 16-й Парковой улицей. В начале 1950-х по линии современного Измайловского бульвара находился забор, за которым располагалась ВПП и вспомогательные сооружения. Аэродром появился в 1930-х годах и сразу был засекречен. Он не значился ни на одной карте и имел настолько своеобразную форму, что с воздуха трудно было угадать очертания аэродрома. Например, его рулёжные дорожки были построены по окружности, а две взлётно-посадочные полосы были предельно короткие, каждая по 1-й тысяче метров. С таких опасных полос лётчикам облегчал взлёт рельеф местности: скорость самолётов увеличивалась сразу после старта благодаря естественному уклону к северо-западу. Авиатотряд перебазируется в Остафьево в 1959 году.



Никулино

Недавно в московском районе Тропарёво-Никулино появился парк «Лётчиков-испытателей». В 1940–1980-х годах на этой территории находилась Школа младших авиационных специалистов и учебный аэродром. Обучали здесь специалистов по ремонту и техобслуживанию самолётов и авиационных двигателей. Сам аэродром был небольшим, но местная стоянка самолётов всё равно впечатляла: в разные годы тут находились такие образцы, как Су-9 и Су-15, МиГ-17 и МиГ-19, Ту-128 и другие. История аэродрома завершилась в 90-х годах, когда находившуюся здесь воинскую часть перевели за пределы Москвы, а часть авиатехники перегнали на Ходынское поле.



Тёплый стан

Совсем неподалёку, рядом с отметкой о самой высокой точке столицы над уровнем моря находилось ещё одно московское лётное поле: аэропорт Тёплый стан. Остатки его следует искать западнее посёлка Мамыри, по границе Никола-Хованского кладбища. Существовал с 1936 года. Ликвидирован в 1960-е.



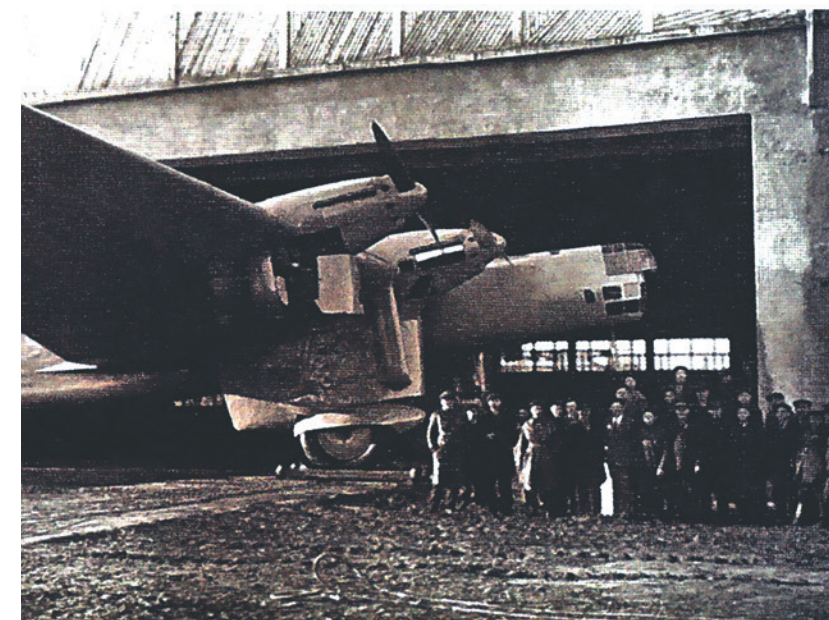
Чертаново

В Чертанове севернее станции метро «Южная» с 1936 года также располагался аэродром. Его открыли в 1936 году. С 1950-х годов аэродром был передан ДОСААФ и стал гражданским учебным аэродромом и использовался для полётов планеристов, а также для опыления самолётами близлежащих колхозных полей.



Солнцево

В Солнцево, современном районе столицы, в 2-х километрах от одноименной пригородной станции, вблизи деревни Суково с 1937 года существовал военный аэродром, на котором на момент начала Великой Отечественной войны базировался 564-й истребительный полк 6-го авиакорпуса московской зоны ПВО. В 1963 году на аэродроме был создан Научно-исследовательский лётно-испытательный центр (НИЛИЦ), который возглавила Герой Советского Союза В.С. Гризодубова. До начала 1990-х годов аэродром имел две грунтовые взлётно-посадочные полосы (длиной 1300 и 1000 м) и способен был принимать самолёты Ил-14, Л-410 и все более лёгкие, а также вертолёты всех типов. Затем из-за застройки территории аэродром был закрыт, с тех пор и до недавнего времени здесь функционировала вертолётная площадка с цементобетонным покрытием, пригодная для взлёта и посадки вертолётов массой до 38 т (посадка вертолётов с большей массой производится на грунт). В настоящий момент территория аэродрома застроена жилым комплексом «Лучи», в честь аэродрома названа улица Авиаторов, проходящая по его северной границе.



В 1926 году на мощностях эвакуированного в Москву ещё в 1916 году завода «Руссо-Балт» началось производство отечественных самолётов. Первые 100 машин были построены по договору концессии с компанией «Юнкерс». Филёвский бульвар — взлётно-посадочная полоса завода, появившаяся здесь в 1929 году. Поблизости в акватории Москвы-реки был организован один из первых в столице гидроаэропортов. После обводнения Москвы под гидроаэропорт использовали и бьеф реки у Большого Каменного моста, и поверхность Химкинского водохранилища

Филипп Смирнов, главный редактор

«О движущей силе»

В первой половине 30-х годов, когда французская авиация переживала сложный период реорганизации, а обычный лётчик, соответственно, испытывал трудности с работой, Антуан де Сент-Экзюпери решает попробовать свои силы в журналистике.



«Чувства, которые обуревали этих людей, казались мне более мощной движущей силой, нежели сила восьми велоколепных моторов гиганта»

Газета «Пари-Суар» командировала Сент-Экзюпери в СССР на две недели специальным корреспондентом: Франция в этот момент подписывает с Советским Союзом Договор о дружбе и прессе требуются сведения из первых рук о жизни «новых друзей». Сент-Экзюпери приезжает в Москву на следующий день после подписания договора. Он напишет для своей газеты пять очерков. И единственный раз в своей жизни выступит на страницах советской прессы — 20 мая 1935 года в «Известиях» выходит его заметка-реакция на крупнейшую авиационную катастрофу: в результате столкновения в воздухе на посёлок Сокол, на дом номер 4 по улице Левитана упал самолёт «Максим Горький».

Это был огромный восьмимоторный агитационный самолёт. Его построили на народные деньги (по подписке было собрано около 6 миллионов рублей) в Воронеже. Заводской индекс АНТ-20. По сравнению со своим ближайшим аналогом ТБ-4 (АНТ-16), от которого АНТ-20 отличался только размерами, пассажирский самолёт «Максим Горький» был в состоянии взлететь с более короткой ВПП

Э
же
леем
вы-
ави-
во-
оби-

О ДВИЖУЩЕЙ СИЛЕ

Я летал на самолете «Максим Горький» незадолго до его гибели. Эти коридоры, этот салон, эти кабины, этот мощный гул восьми моторов, эта внутренняя телефонная связь,—все было не похоже на привычную для меня воздушную обстановку. Но еще больше, чем техническим совершенством самолета, я восхищался молодым экипажем и тем порывом, который был общим для всех этих людей. Я восхищался их серьезностью и той внутренней радостью, с которой они работали. Чувства, которые обуревали этих людей, казались мне более мощной движущей силой, нежели сила восьми великолепных моторов гиганта.

Глубоко потрясенный, я переживаю траур, в который погружена сегодня Москва. Я тоже потерял друзей, которых только-что узнал, но которые уже казались мне бесконечно близкими. Увы, они никогда больше не будут смеяться ветру в лицо, эти молодые и сильные люди...

Я знаю, что эта трагедия вызвана не технической ошибкой, не невежеством строителей или оплошностью экипажа. Эта трагедия не является одной из тех трагедий, которые могут заставить людей усомниться в своих силах. Не стало самолета-гиганта. Но страна и люди, его создавшие, сумеют вызвать к жизни еще более изумительные корабли—чудеса техники!

Антуан ДЕ-СЕН ЭКЗЮПЕРИ
пилот и писатель, специальный корреспондент «Пари суар».

ма
ка
ки

ви

«Известия» от 20 мая 1935 года



«Максим Горький» над Красной площадью в сопровождении эскадрильи Московского авиационного отряда. 1 мая 1935 года

и поднять в воздух на 1500 кг груза больше. «Максим Горький» был в те годы самым большим самолётом в мире. Площадь его крыла — 486 м², вес пустого — 28,5 т, взлётный нормальный — 42 т. Восемь двигателей М-34 мощностью по 900 л. с. каждый позволяли ему летать со скоростью до 220 км/час. Дальность беспосадочного полёта составляла 2 тыс. км. Потолок — 4500 м. Площадь внутренних помещений самолёта (фюзеляж был длиной 32,5 м, шириной 3,5 м, а высотой 2,5 м) составила более 100 квадратных метров: здесь могли разместиться до 72 пассажиров и 8 членов экипажа (по проекту штатное количество пассажиров — 48 человек и 5–8 членов экипажа). В крыльях располагались двухъярусные кровати для отдыха. Самолёт был оборудован трапом особой конструкции — лестницей, которая, сворачиваясь, становилась частью пола. Размеры самолёта позволяли разместить пассажиров не только в фюзеляже, но и в центральной части крыла. В крыле были сделаны проходы для доступа к двигателям в случае необходимости устранения неисправностей. Особое внимание уделялось интерьеру и комфорту на борту. В салоне были установлены просторные кресла, на полу лежали



Захоронение погибших в стене Новодевичьего некрополя

ковры, иллюминаторы были закрыты занавесками, а перед креслами установили столики с настольными лампами. Также имелись спальные каюты, библиотека, багажное отделение, умывальники, туалеты и буфет с холодными и горячими закусками. На борту находились разнообразные средства агитации, в том числе громкоговорящая радиустановка «Голос с неба», радиопередатчики, киноустановка, фотолаборатория, типография, библиотека и др. Самолёт был оснащён пневматической почтой, позволяющей экипажу обмениваться записками между собой и с журналистами-агитаторами, находящимися на борту.

Первым в воздух самолёт в 1934 году поднял прославленный авиатор Михаил Михайлович Громов, который поставил на нём несколько мировых рекордов в течение 1934 года.

В день катастрофы, 18 мая 1935 года, в воздух с «Максимом Горьким» поднялись ещё два самолёта. Николай Павлович Благин (ученик М. Громова, лётчик-испытатель ЦАГИ) на истребителе И-5 сопровождал демонстрационный и одновременно приёмо-сдаточный полёт АНТ-20. «Максим Горький» пилотировали Н.С. Журов (командир корабля, пилот КБ Туполева) и И.В. Михеев (пилот агитационной эскадрильи). (Все предыдущие полёты выполнял М.М. Громов, с 30 апреля лежавший в госпитале.) На борту, кроме экипажа в 11 человек, находилось 38 пассажиров, большинство — работники ЦАГИ и их дети. Второй самолёт сопровождения, Р-5, пилотируемый В.В. Рыбушкиным, нёс кинооператора, запечатлевшего полёт и катастрофу. В целом второй самолёт был необходим для того, чтобы (по замыслу журналистов) подчеркнуть и без того очевидно гигантские размеры «Максима Горького». Полёт проходил вполне успешно, и лётчики уже готовились посадить гиганта, однако Благин (как предполагали потом «для картинки») решил исполнить некое подобие «мёртвой петли»,



Место падения самолёта в посёлке Сокол. Ул. Левитана, д. 4



Последний полёт. Над Ходынским полем и селом Всехсвятским

врезался в АНТ-20 и «выбил» один из моторов гиганта. Самолёт И-5 застрял в пробоине и продолжил разваливаться: его хвостовая часть нанесла непоправимый ущерб органам управления «Максима Горького», который попросту начал разрушаться в воздухе.

Накануне состоялся ещё один полёт, в котором принял участие и Антуан де Сент-Экзюпери. Буквально через день после катастрофы, поражённый гибелью людей, он напишет: «Глубоко потрясённый, я переживаю траур, в который погружена сегодня Москва. Я тоже потерял друзей, которых только что узнал, но которые уже казались мне бесконечно близкими. Увы, они никогда больше не будут смеяться ветру в лицо, эти молодые и сильные люди...»

Жертв трагедии торжественно похоронили на Новодевичьем кладбище. Виновником катастрофы был назван пилот И-5 Николай Благин, якобы самовольно начавший выполнять фигуры высшего пилотажа рядом с «Максимом Горьким». Он упокоен вместе с другими жертвами этой трагедии, его семья получила такую же помощь, как и другие погибшие, — пенсия по утрате кормильца, единовременная выплата и другие социальные льготы.

В 2010 году была рассекречена докладная записка руководства НКВД об установленных причинах трагедии. Согласно ей, за полтора часа до рокового полёта с санкции высшего руководства ВВС с лётчиками встретились работники кинофабрики военно-учебных фильмов, которые, ссылаясь на приказ руководства ВВС, настояли на выполнении фигур высшего пилотажа на истребителе рядом с АНТ-20. Ни руководитель полётов, ни непосредственно экипаж АНТ-20 ничего об этом разговоре не знали.

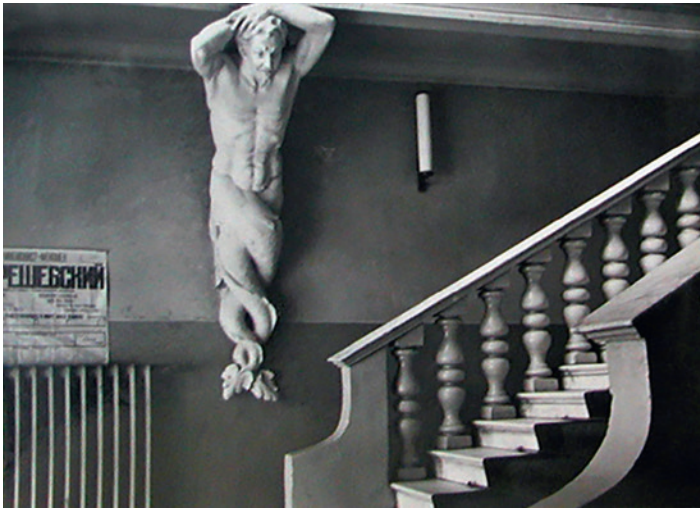
Андрей Потапенко, краевед

Сталинские соколы в княжеских палатах

В середине 1920-х годов распоряжением ЦИК СССР существовавшие музеи-усадьбы были переданы из государственного в местное подчинение, что поставило их в сложное положение. Местные бюджеты уже не могли поддерживать их полноценное существование. К тому же сыграл свою роль идеологический прессинг. Большинство существовавших в усадьбах музеев было решительно закрыто. Где-то были открыты санатории для номенклатурной и научной элиты, другие были заброшены и погибли.

Уже в наши дни, 1 декабря 2022 года, научные сотрудники отдела ИЗО Государственного Исторического музея в статье о неизвестных до того портретах последней владелицы усадьбы Покровское-Стрешнево княгини Е.Ф. Шаховской-Глебовой-Стрешневой опубликовали также сведения, из которых стали понятны обстоятельства финала музея в усадьбе.

В 1927 году, 17 марта, было принято постановление Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции (НК РКИ) о признании «нецелесообразным существование Музея “Покровское-Стрешнево”». Музей «Покровское-Стрешнево» должен был прекратить свою работу с 1 января 1928 года «в виду того, что... занимает только 1/6 часть всей площади здания», «экспонаты Музея не представляют большой художественной ценности», а «в здании имеется уже 17 квартир и много пустующего места»¹. Вышедший в том же 1927-м году путеводитель по музею К.В. Сивкова рецензент журнала «Московский краевед» называет «чем-то вроде некролога»².



Садовая сторона дворца.
Фотография 1930 года

На предыдущей странице:
Часть вестибюля вокруг
парадной лестницы

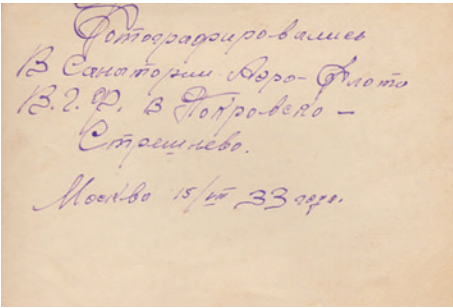
1 <https://blog.mediashm.ru/?p=9194>.
2 Московский краевед. 1927. № 2. С. 106.

И хотя на картах окрестностей Москвы 1930-х годов возле дворца ещё ставится пометка «муз.» (т. е. музей), к этому десятилетию исчезают упоминания об усадьбе в путеводителях. Чуть позже, в 1932 году, прежних обитателей (в частности, существовавший там недолгое время Институт мозга) окончательно выселили из дворца, и ворота усадьбы снова затворились для простых обывателей на многие десятилетия. В усадьбе обосновался санаторий Аэрофлота «имени 10-й годовщины Гражданского воздушного флота». Расположение санатория в усадьбе выглядело достаточно обоснованным. На северо-западных окраинах Москвы «рождалась» советская авиация – одна из важнейших составляющих Вооружённых сил нового государства. Ещё в 1922 году на Ходынском поле был открыт первый московский гражданский аэродром, называвшийся вначале именем Троцкого (в историю он вошёл как «имени Фрунзе» — преемника Троцкого на посту наркома по военным и морским делам, крупного и талантливого военачальника, имя которого сохранялось за аэродромом вплоть до его ликвидации уже в наше время). В Петровском подъездном дворце обосновалась Военно-воздушная академия имени Н.Е. Жуковского — гордость советской авиации. В 1930-е годы культ авиации, и военной, и гражданской, был фантастическим. Воистину всенародным стал «Марш авиаторов» («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»). Само явление получило образное обозначение «штурм



Лётчики в санатории. Фотография 1933 года

Оборот фотографии с надписью «Фотографировались В Санатории Аэро-Флота В.Г.Ф. в Покровско-Стрешнево. Москва 15/VIII 33 года»



В 1930-е годы культ авиации, и военной, и гражданской, был фантастическим. Воистину всенародным стал «Марш авиаторов» («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»). Само явление получило образное обозначение «штурм небес». Массово создавались всевозможные кружки, спортивные общества, например, ОСОАВИАХИМ

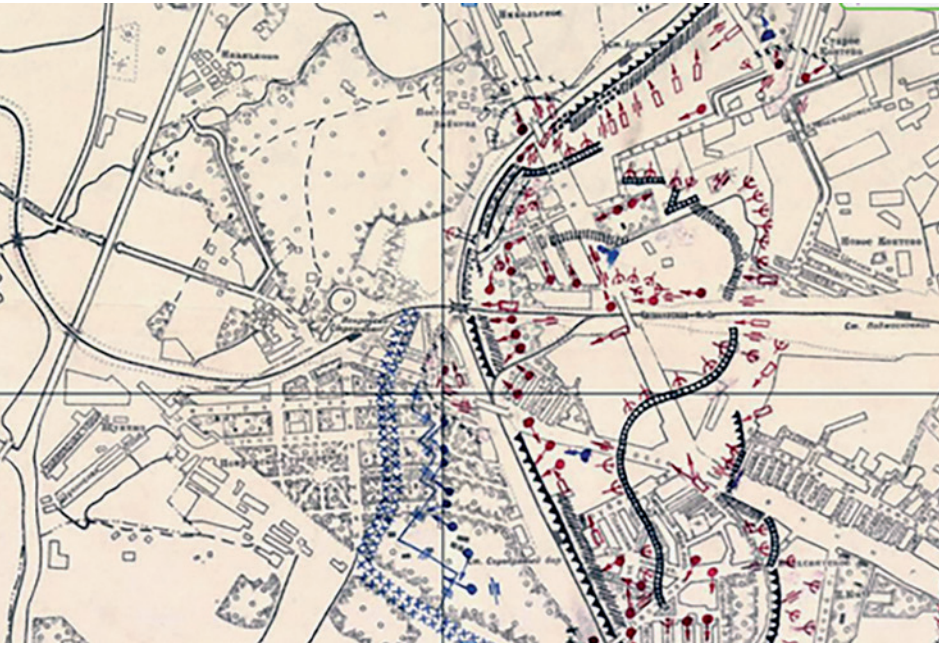
небес». Массово создавались всевозможные кружки, спортивные общества, например ОСОАВИАХИМ (общество содействия авиационной и химической промышленности). Имена Валерия Чкалова (именем которого было удостоено новое лётное поле в соседнем Тушине), Валерия Байдукова, Анатолия Ляпидевского, Сигизмунда Леваневского, Марины Расковой, Полины Осипенко, Валентины Гризодубовой знали, без сомнения, все. Прославились уже в Великую Отечественную Иван Кожедуб, Александр Покрышкин, Алексей Маресьев и многие другие. Лётные специальности получили и дети «вождей»: три старших сына Анастаса Микояна — Степан, Владимир (погибший под Сталинградом) и Алексей, Тимур Фрунзе (также погибший в бою), Леонид Хрущёв, наконец — Василий Сталин, отменный лётчик-истребитель с исковерканной судьбой. Ваню Анастасович Микоян, как и его дядя Артём Иванович, были авиаконструкторами, создавшими знаменитый МиГ-29. Имена собственно авиаконструкторов тоже гремели на всю страну: А.Н. Туполев, Н.Н. Поликарпов, Артём Микоян

и М.И. Гуревич, С.В. Ильюшин (чей сын также был лётчиком-испытателем). По периметру лётного поля строились авиационные заводы — МиГ, Су и другие. В дальнейшем именно из советской военной авиации родилась и отечественная космонавтика (первые космонавты подбирались из разряда военных лётчиков, многие из которых, как, например, Ю.А. Гагарин, стали выпускниками академии имени Жуковского). Начиная с 1932 года, когда в стрешневский дворец вселился Аэрофлот, усадьба надолго, на многие десятилетия, скрывается под непроницаемую завесу. Что здесь происходило во время существования «объекта», как и положено военной тайне, в большинстве своём так и осталось за семью замками, особенно та часть, что касается организации работы санатория и его распорядка. К счастью, в фондах Музея архитектуры существуют обширные фотофиксации усадьбы, датированные 1936 и 1953 годами, которые позволяют судить о внешнем и частью о внутреннем облике усадьбы, а в интернете нашлись некоторые любопытные



Лётчики на парадной лестнице. Фотография зимы 1933/1934 года

Схема инженерных сооружений в районе посёлка Покровское-Стрешнево. 1942 год



материалы — открытки и фото из частных архивов. Они как раз свидетельствуют о пребывании лётчиков в санатории в те же 30-е годы XX века. Все эти документы (особенно страницы лечебной книжки с назначением процедур и правилами пользования санаторием) подчёркивают именно лечебный, оздоровительный характер санатория, хотя на просторах интернета бродит версия о том, что это был скорее дом отдыха для пилотов между рейсами. Лётчики Московского управления, по этой теории, заезжали в санаторий накануне утренних вылетов и отправлялись оттуда прямо в аэропорт, а пилоты из провинции останавливались здесь между рейсами. Обращает на себя внимание прежде всего фотография знаменитых усадебных ворот с вывеской «ГУГФ при СНК СССР. Закрытый санаторий Аэрофлота», перед которой раскинулась настоящая живописная сосновая рощица. Понятно, что, заняв дворец под свой санаторий, Аэрофлот стал заниматься его «приспособлением» для собственных нужд. Следы этого многолетнего и многослойного «при-

способления», местами весьма далёкого от бережного отношения к памятникам прошлого, сохранились вплоть до начала современной реставрации. Со стороны сада в правом кирпичном корпусе для прохода в мансарду вместо старых усадебных лестниц была протянута через все этажи новая бетонная лестница, для которой была «выложена кирпичная клетка» (против её устройства возражали ещё создатели «Акта технического состояния» усадебного дома 1921 года). Для освещения новых помещений пробили узкие прямоугольные оконные проёмы, которые разрушили рисунок кладки стены. (При строительстве левого, противоположного корпуса, К.В. Терский взял за образец как раз правый, «резановский», с его «глухим» наличником на втором этаже и другими деталями.) Для прохода в мансарду над правой частью кровли была обустроена галерея-коридор с естественной подсветкой, заметная на некоторых фотографиях. В течение 30-х годов постепенно изменялись черты главного фасада дворца, обращённого к прудам. В частности,

была нивелирована входная группа — ниша под аркой по главному фасаду, между бочкообразными колонками, обрамлявшими вход в дом. Вначале её застеклили, а потом вообще срубили обрамлявшие её бочки. Тогда же, во второй половине 1930-х годов окна в мансарде были перебиты: стрельчатые по главному фасаду и полуциркульные по садовому на пары узких прямоугольных. Такими же прямоугольными оконными проёмами был искажён облик фасада, обращённого к воротам. В мансарде с северо-восточного торца появилось сплошное ленточное остекление. Классический особняк в «национально-романтической» оправе со стрельчатыми окнами, башнями и прочими причудами последней владелицы всё больше превращался в скучное, казённое «учрежденческое» строение. Любопытное свидетельство того времени — уцелевшая в асфальте возле усадьбы крышка люка с надписью «Н.К.С.». Народный комиссариат связи был образован в 1932 году, тогда же, когда и санаторий. Судя по манере надписи, с точками, характерными для более старой, ещё дореволюционной орфографии, она была сделана именно в начале 1930-х годов. Вероятно, именно тогда в усадебный дом для устройства санатория подтягивались современные на тот момент коммуникации, в частности, новые системы телефонной связи. В годы Великой Отечественной войны здесь вместо санатория был развёрнут военный госпиталь. Этому способствовало и то, что территория усадьбы была насто-

ящими воротами столицы на фронтовом Волоколамском направлении — в середине 1930-х годов она вошла в черту Москвы. Выезд из неё оказался как раз на трассе Волоколамского шоссе, у ворот усадьбы. Территория вокруг усадьбы входила в годы войны в линию обороны города. И по трассам Чеховской аллеи и Пехотной улицы шли линии укреплений. Всё это входило в ближний, крайний пояс обороны Москвы. С военными годами связан и интересный эпизод, рассказанный мне в соцсетях моим корреспондентом, местным жителем Юрием Буровым: «В мае 1987 года я учился в 201 школе. Нас водили на субботник в усадьбу. Мы расчищали территорию от мусора, оставшегося после вырубки кустарников. Потом нам устроили экскурсию. Среди прочего показали атлантов, каминный зал, свежерасчищенный паркет и комнату, куда упала бомба. Она пробила крышу и застряла в стене. Когда сапёры выкрутили взрыватель, оттуда посыпался песок. В песке была записка с приветом от немецких рабочих советским. Если не изменяет зрительная память, то в одну из башен северной части. Да, это была островерхая башня. Нас даже завели в эту башню. Единственное помещение с небольшими окнами, бомба попала туда. Нас заводили со второго этажа, сказали, что пробило перекрытия». В 1953 году была выполнена новая фотофиксация усадьбы, в связи с изысканиями по проекту восстановления обветшавшей старой части дома. Единственное, что уцелело



На предыдущей странице:
Садовая часть усадьбы,
1930-е–1940-е годы

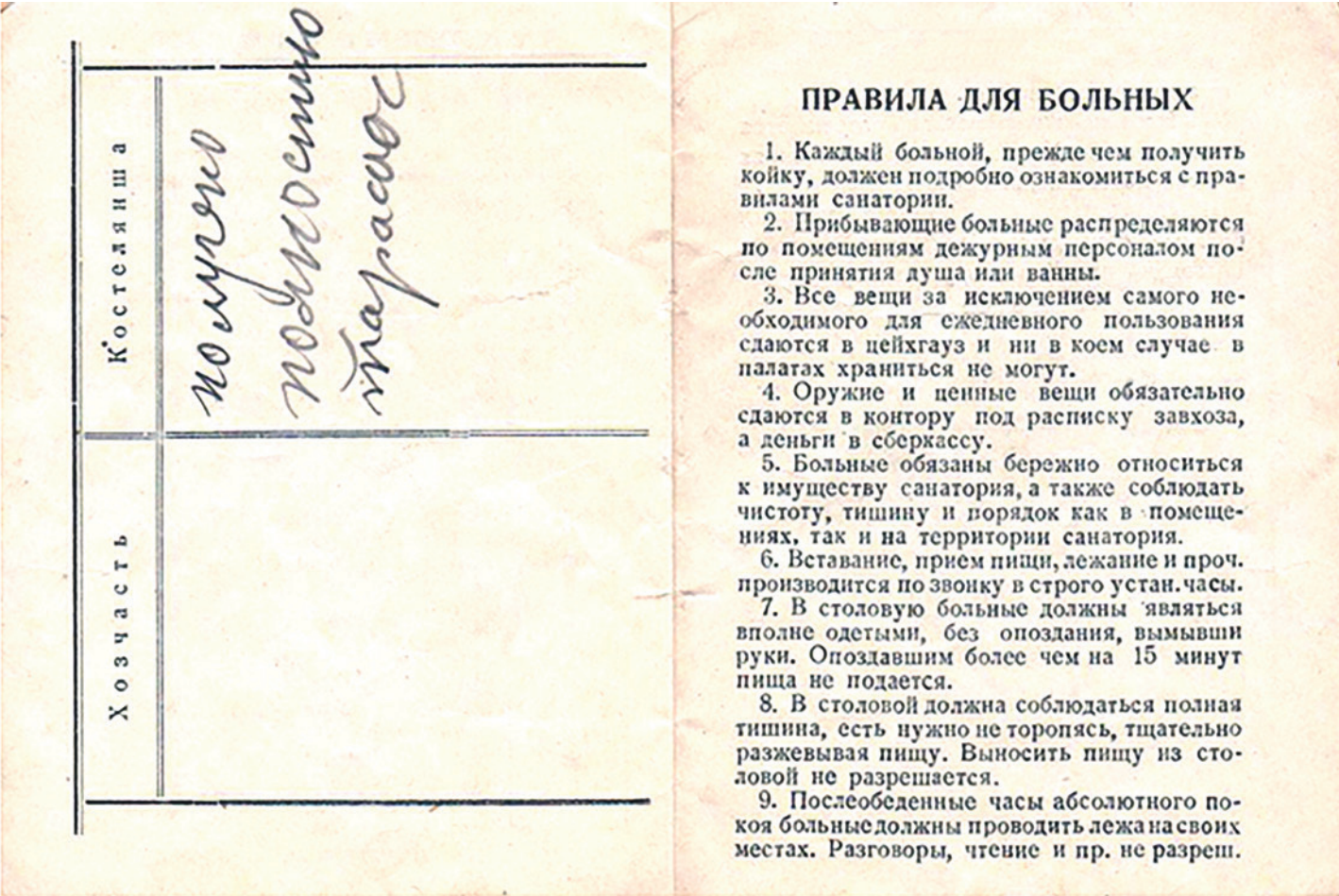
Санаторий Аэрофлота. 1933 год

Общий вид главного дома в начале
1920-х годов

Портреты вождей на парадной
лестнице. 1953 год



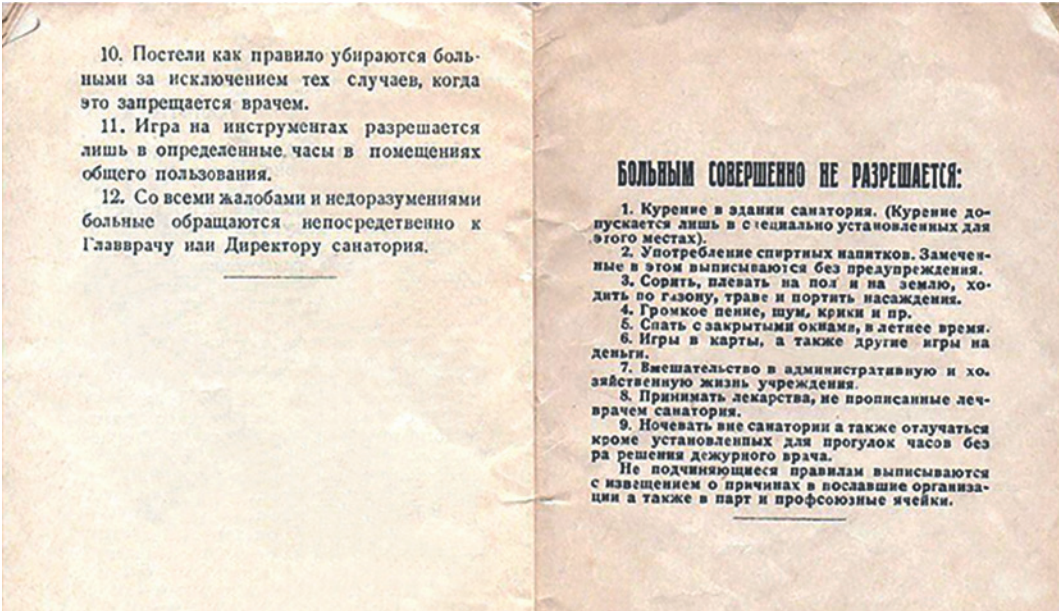
к тому времени от парадного балкона — кирпичный цоколь, на фото 1953 года он выглядит печально. Уже тогда не было знаменитой колоннады, которая держала верхнюю площадку, и, дабы зрительно возместить утрату, на фасадной стене были изображены пилястры, соответствующие утраченным колоннам. Совершенно дико смотрелся при этом «прилепленный» к арочному входу в цоколь дощатый тамбур. Внутри же в 1953 году в результате перепланировок и разгородок фанерными стенками была серьёзно нарушена исходная планировка. Впрочем, центральные помещения — фойе, лестница с атлантами, белый зал и голубая гостиная — сохранились лучше других. Любопытный след времени: на лестничной площадке, над дверями в столовую висели лозунги, включая здравицу партии, по правой стене портреты вождей — от печного короба к дверям в голубую гостиную последовательно: скончавшийся, но ещё в почёте Сталин, новый председатель Совета министров Маленков, только что назначенный первым секретарём ЦК партии Хрущёв, а от двери к окну военный министр Булганин и заведующий пищевой промышленностью Микоян. В Белом же зале торец, выходящий на уже почти разрушившийся балкон, переоборудован под сцену, боковые двери при этом задрапированы, а слева, возле дверей в столовую, висит рисованный портрет Карла Маркса. Как видно, оригинального наборного паркета уже нет, а на полу лежит обычная «ёлочка». С 1952 по 1962 год санаторий в Стрешневе функционировал как один из филиалов санатория «Архангельское».



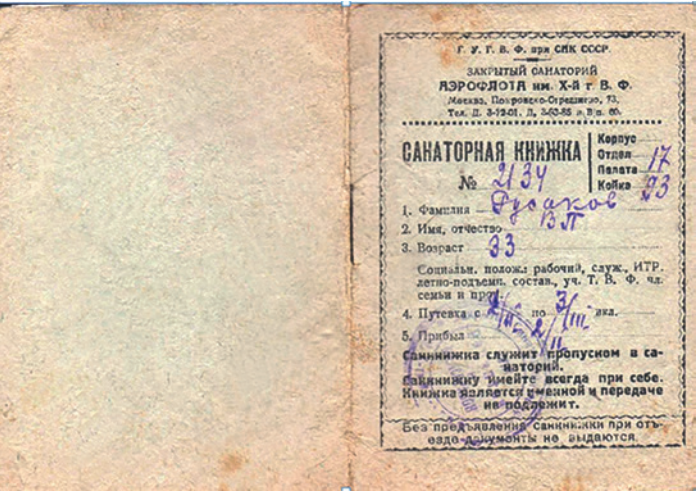
Страницы санаторной книжки с «Правилами для больных»

Вместимость его была около 180 человек, отдыхали здесь военнослужащие Советской армии в чине от лейтенанта до подполковника, зачастую приезжали на отдых группы командиров Народной армии Китая. Позже, в 1970-х, здесь разместились подразделения Научно-исследовательского института гражданской авиации с химической лабораторией, расположившейся прямо в изуродованном храме. В поздние советские годы, по словам очевидцев и местных жителей, в самом доме в дни выборов функционировал избирательный участок. Об этой странице истории усадьбы можно было судить до недавнего времени по следам, оставленным в интерьерах самого дворца. Несмотря на историческую ценность старой части усадебного дома, всю планировку и начинку Аэрофлот перекроил напрочь, полностью унифицировав эту часть дома с остальными. Уже к 1980-м годам от подлинного убранства в этой части дома почти ничего не осталось. Из исторического сохранились только залы по центральной оси, от главного входа до выхода в сад, вестибюль с низкими сводами, опирающимися на бочкообраз-

ные колонны, и кладовая да зал с парадной лестницей. Остальное пришлось воссоздавать заново, особенно после пожара 1992 года. Лишь кое-где уцелели заложенные родные дверные проёмы с характерными кирпичными «бровками» над ними. Но самое, пожалуй, существенное изменение — была почти полностью утрачена планировка первого этажа дома. К началу современных работ весь этаж прорезал насквозь, от входа за обелиском до самых глубин дома с противоположной стороны, тёмный коридор, выводящий к парадной лестнице с атлантами. Прежние спальни, кабинеты и подсобные комнаты вроде бельевых, девичьих, гардеробных сменились кабинетами по главному фасаду и всевозможными душевыми и туалетами по садовой стороне дома. Здесь же, по первому этажу на стенах начала XIX века (впрочем, как и в некоторых бытовых комнатах на втором этаже) были установлены многочисленные ящики с электрическими щитками. Особенно дико выглядели металлические двери электроподстанции на задней стене парадного зала с атлантами, пусть и прикрытые лест-



Понятно, что, заняв дворец под свой санаторий, Аэрофлот стал заниматься его «приспособлением» для собственных нужд



Обложка санаторной книжки
Закрытого санатория Аэрофлота
имени Х-й г. В.Ф.

Ворота «закрытого санатория»
В.Г.Ф., 1936 год

ницей, там, где изначально располагались гардеробные. Нагромождение таких же каменных мешков — бывших кабинетов, уже подготовленных к реконструкции, со стенами, с которых уже ободрана штукатурка, с паркетными полами, вздувшимися при проливке дворца после пожара, занимало и всю противоположную, за залом с парадной лестницей, северную часть дворца. Впрочем, иной раз следы НИИ перемешивались самым причудливым образом с новodelами более позднего времени, когда во дворце начались работы по переоборудованию его под Дом приёмов «Аэрофлота» и особенно с новой начинкой помещений дворца после пожара. Ныне дворец после многолетнего запустения возрождается под общественное пространство. Похоже, близко время, когда он снова, как в 1919–1927 годы, откроет двери для широкой публики, и тогда можно будет увидеть его во всём блеске, пусть и обновлённым с учётом современных требований.

«Люди с крыльями» — место в Москве

Ещё в конце XIX века Николай Егорович Жуковский отправился в Европу, где познакомился с Отто Лилиенталем и купил макет планера его конструкции, который привёз как лабораторный материал в Москву. Незадолго до этого, всесторонне изучив парение птиц, доказал теоретическую возможность построения планера, который мог бы совершить «мёртвую петлю» — только через 20 лет Пётр Нестеров первым в мире осуществит эту фигуру высшего пилотажа.

Ворота аэродрома М.О.В. 1913 год



В начале XX века Москва буквально «болела» небом. Авиа-промышленность и лётное дело развивались семимильны-ми шагами, парковка на Ходынском поле в дни выступле-ний или соревнований была переполнена. Пилотов знали по именам, чествовали в ресторанах и университетских гостиных, в воздух поднимались градоначальники, свет-ские львицы и праздная публика.

В 1909 году в Москву прибывают лётчики Ж. Леганье и А. Гюйо. На Ходынском поле «за бегами», в том месте, где на тот момент конечная трамвая № 6, проходят первые демонстрационные полёты. Полёты идут «по прямой», без поворота в воздухе. Годом позже в Москве организованы ИВАК (Император-ский всероссийский авиаclub) и «Императорское Москов-ское общество воздухоплавания» (И.М.о.в.). Они призваны «содействовать развитию русского возду-хоплавания во всех его формах и применениях, преимуще-ственно научно-технических, военных и спортивных».



Возглавляет Совет Общества генерал Павел Адамович Пле-ве (командующий войсками Московского военного округа), а три комитета, из которых состоит общество, соответ-ственно спортивный — Н. Фон Мекк, военный — генерал-лейтенант Зуев и научно-технический — Н. Жу-ковский. Для своих заседаний общество и комитеты нанимают публичные залы, встречи совершаются также на разных площадках города. Научно-технический комитет под руководством Жуковского проводит научно-исследо-вательские работы в лабораториях Московского универ-ситета, Московского технического училища (ныне МГТУ) и первого в мире Аэродинамического института в Кучине, построенного на деньги и по инициативе Д.П. Рябушинско-го (русского и французского учёного-гидроаэродинамика, сына промышленника Павла Рябушинского) в собственном имении под Москвой.

В 1910 году над Ходынским полем совершает свой первый полёт в Москве Сергей Уточкин, знаменитый авиатор-са-моучка, прибывший в Москву по приглашению И.М.о.в. 19 минут 22 секунды он в воздухе, его полёт наблюдает 25 тысяч зрителей, вечером его чествуют в ресторане «Яр». В том же году популярны стали слова народной песенки:

*Если бы я был Уточкин Серёжа,
Полетел бы я, конечно, тоже.
Полетел бы я повыше крыши
На манер большой летучей мыши...*

Через 2,5 месяца на Ходынском поле сооружены взлёт-но-посадочная полоса и шесть небольших ангаров на 1–2 самолёта. Один предоставили Уточкину (он пожертво-вал 2000 рублей на устройство аэродрома), второй — вер-нувшемуся после обучения полётам из Франции Борису Россинскому для его самолёта «Блерио XI». Ещё одним помещением на два аппарата владел московский «молоч-ный король» С. Чичкин, а самый большой ангар поставил завод «Дукс», его владельцы решили, не прекращая выпуск велосипедов, заняться сборкой летательных аппаратов. Здесь же были ангары-мастерские. Для смазки моторов использовали касторовое масло (оно продавалось в апте-ках), а бензин брали оптовым образом на фирме Нобеля — его привозили в дубовых бочках. А особой популярностью пользовался ангар-буфет.

В октябре 1910 года на 50-сильном «Блерио XI» в воздух поднимается ученик Фармана, рекордсмен Европы Михаил Ефимов. В его задачу входит совершить первый дальний московский полёт. Его путешествие войдёт в историю как первый полёт самолёта над Москвой. Сделав круг над аэро-дромом, он попадает в облака, летит над городом дальше и, не сумев сориентироваться (он ещё не очень изучил Перво-престольную), совершает посадку в Черёмушках. Из 9 стартовавших в Санкт-Петербурге машин в 1910 году до Москвы долетает только самолёт Александра Василье-ва. Уточкин терпит крушение под Великим Новгородом и серьёзно травмирован. Победитель перелёта, преодолев расстояние в 725 километров, прилетел в Москву за 24 часа 41 минуту, но фактически пробыл при этом в воздухе только 9,5 часов, остальное время он провёл на земле,



Сборка дирижабля Ястреб. 1910 год

У ангаров на Ходынском поле. В первые послереволюционные месяцы единой формы у авиаторов не было, и лётчики щеголяли кто в чём. 1918 (?) год



Воздушный парад на Ходынском поле. Перед подъёмом эскадрильи самолётов. 1923 год

ремонтируя и заправляя аппарат, а также немного отдыхая и восстанавливая силы.

По воспоминаниям, ангар Россинского находился неподалёку от Петровского дворца, от него по полю лучами во все стороны расходились наезженные дороги. Вдоль дороги в Серебряный бор стояли столбы, мешавшие полётам. Пилот Юрьев с друзьями по ночам расшатывали их и складывали вдоль дорожного полотна. Утром приезжала полиция, составляла протокол, столбы водружались на свои места, и... полёты продолжались.

Первые самолёты, построенные в Москве, копировали технические решения западных самолётостроительных заводов. В начале 1912 года авиаторы М.Г. Лерхе и Г.В. Янковский познакомились с малоизвестным итальянским конструктором Моска. Место и обстоятельства их встречи не сохранились, но вскоре Моска стал работать в Москве, где его на русский манер величали Франческо Эвджистовичем. Работал на окоёме Ходынского поля, ближе к Хорошёвскому шоссе. Результатом творчества триумvirата стал моноплан ЛЯМ, названный по первым буквам фамилий конструкторов. На нём в мае 1912 года Г. Янковский установил всероссийский рекорд высоты. Отмечали, «что этот русский рекорд высоты поставлен русским пилотом,

Рекламный плакат компании «Дерулуфт». 1922 год



«Ньюпор» на Ходынском поле. 1923 год



Первый авиационный парад РСФСР 1 мая 1918 года. В воздухе — два Дехевилленда Д9А

на русском аппарате ЛЯМ, построенном в России и из русских материалов». После успеха самолёта ЛЯМ владелец завода «Дукс» И. Меллер пригласил Ф.Э. Моска на «Дукс». Уже в апреле 1913 за ворота завода выкатился 100-й самолёт московской постройки.

Первый в истории Москвы парад РККА состоялся 1 мая 1918 года на Ходынском поле, близ Московского ипподрома. В нём приняли участие около 30 тысяч военнослужащих. С утра на Красной площади был митинг трудящихся, на котором В.И. Ленин выступил дважды: у памятника Минину и Пожарскому и у здания ГИМ. По завершении прохода демонстрации трудящихся и колонн с военной техникой над площадью на аэроплане «Ньюпорт» пролетел со скоростью 120 км/ч лётчик-инструктор Московской школы авиатехники И.Н. Виноградов. Его полёт был на высоте около 100 метров. После полудня войска Московского гарнизона встали в торжественное построение вдоль Петроградского шоссе. После прохождения войск оркестр заиграл вальс, и начался воздушный праздник — в показательных выступлениях, проходивших под руководством начальника Московской авиационной школы Б.К. Веллинга, участвовали свыше десяти аэропланов моделей «Сопвиз», «Ньюпорт» и «Вуазен». Наиболее эффектными и сложными были выступления

лётчика-инструктора В. Жукова и лётчика-испытателя Б.И. Россинского — Россинский исполнил над лётным полем 18 «мёртвых петель». На одном из аэропланов рядом с пилотом М. Лерхе в воздух поднялся Ф.Э. Дзержинский.

В 1919 году все авиационные предприятия Москвы были национализированы, Московская авиационная школа продолжила свою работу, а в 1922 году с Ходынского поля началось пассажирское авиасообщение с Европой, которое организовала совместная российско-германская компания «Дерулуфт».



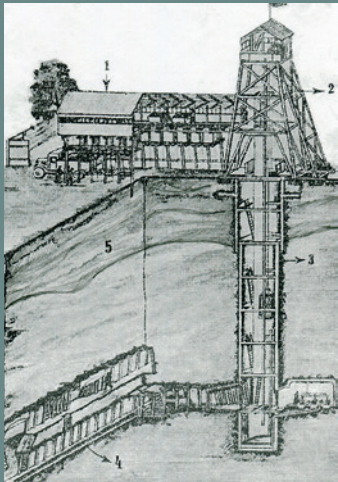
стр. 76



часть

былое и думы

Любой памятник истории и культуры известен в первую очередь своими архитектурными особенностями, но не всегда бывает понятен без контекста, в который входят вопросы бытования-предназначения, использованных при возведении материалов, знаний и навыков. То, что не вошло в исследования технического состояния и архитектурных достоинств и относится к компетенции археологов, историков и краеведов, относится к нематериальному наследию и порой любопытнее узкоспециальных тем.



стр. 86

Подмосковные усадьбы и истоки отечественного воздухоплавания

Загородная усадьба — уникальный феномен российской жизни, с её архитектурой, искусством, бытом, в течение нескольких столетий всё это являлось одним из важнейших составляющих отечественной культуры. Образцы усадеб задавались владельцами и воспроизводились по принципу эстафет. Едва ли не больше всего владений было в Подмосковье — крае с давними, устоявшимися культурными традициями.

Культурологическое изучение усадыбы позволило рассматривать её как целый мир, микрокосм, являющийся частью культурного ландшафта России, целостное многосоставное явление, имеющее свою особенную структуру, в которой системообразующей была личность владельца. Усадыбы, с одной стороны, были рассадниками архаизмов, с другой — носителями передовой культуры. Не случайно, что именно с ними связаны и первые отечественные воздухоплавательные опыты, пусть зачастую косвенно.

Валуево
Первый опыт запуска монгольфьера — воздушного шара, заполненного горячим воздухом, изобретённого во Франции братьями Монгольфье, — в Москве состоялся 9 февраля 1784 года и воспринимался публикой, даже образованной, как некое невиданное общественное зрелище, а не достижение науки. Благодаря известному бытописателю и одному из основателей отечественной агрономии Андрею Тимофеевичу Болотову для нас сохранились подробности запуска шара, восхитившего зрителей: «Опыт сей делан был в Москве ещё в первый раз каким-то французом и был хотя не совсем удачен, но доставил нам своим необыкновенным зрелищем превеликое удовольствие, — писал А.Т. Болотов — Место избрано было к тому в поле за Сущёвым, и стечение народа, хотевшего сие видеть, было несметное»¹.

1 Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова: Описанные самим им для своих потомков. Т. 3. М., 1993. С. 363.

2 Родных А.А. История воздухоплавания и летания в России. Кн. 1. Летание и воздухоплавание в старину. СПб., [1912]. С. 21.

3 Ульянова Г.Н. Усадыба Нескучное: от загородной местности к императорской резиденции // Московское наследие. 2024. № 3. С. 82–97.

4 Родных А.А. Указ. соч. С. 23.



(1)



(2)



(3)

Не названный А.Т. Болотовым француз — это Мениль, служивший учителем в одном княжеском доме, видимо, у Шаховских, так как дом княгини Шаховской был его адресом. Уже 19 марта у Дмитровской заставы он опять запустил шар, и этот эксперимент оказался гораздо удачнее предыдущего — шар действительно полетел, в течение пяти минут достиг высоты около тысячи метров, и поэтому был виден из всех концов города. Потоки воздуха отнесли шар сначала в сторону села Коломенского, затем Воробьёвых гор, потом он пропал из виду. Как сообщала газета «Московские ведомости», шар: «...всею Москвою виден был, и даже в 5 1/2 часов в виду находился, чему много помогла чёрная крас-ка, которою покрыта тафта, из коей шар сделан. Он упал перед захождением солнца, что можно полагать в семь часов, от Москвы за 27 верст по Калужской дороге в деревне Господина Церемониймейстера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. Тамошние крестьяне привезли его в Москву совсем в целости, так что можно его опять пускать без починки. К оным 27 верстам можно прибавить еще 13 верст, кои сделал шар в воздухе, быв тамо около 6 часов, что и составит 40 вёрст»². «Деревня» графа А.И. Мусина-Пушкина, одного из крупнейших деятелей Русского Просвещения, историка и коллекционера рукописей и древностей, — это, безусловно, усадыба Валуево, ныне находящаяся в Новой Москве и имеющая статус объекта культурного наследия. На её территории находится санаторий.

Нескучное
Ещё одна местность, активно связанная с воздухоплаванием начала XIX века, это Нескучное, расположенное у Калужской заставы. Тогда она ещё состояла из отдельных усадеб со своими садами и парками. Северная часть Нескучного принадлежала графам Орловым, центральная — князьям Голицыным, а южная — Зубовым, к владению которых примыкала Борятинская дача у Калужской заставы. У Орловых, Зубовых и на Борятинской даче тогда неоднократно запускали воздушные шары. Ныне на этой территории находятся объекты культурного наследия — усадыба Нескучное, приобретённая Николаем I для подарка жене, и бывшая Голицынская больница, в советское время включённая в состав 1-й Градской больницы (ныне Городская клиническая больница № 1 им. Н.И. Пирогова, Ленинский проспект, 8). Она занимает часть бывшего владения Орловых³. В апреле 1785 года семья наездников Прейс в объявлении о своём представлении в манеже графа Алексея Григорьевича Орлова в Нескучном сообщила, что «в начале будет спущен шар, сделанный из Английской тафты, покрытой эластической гумми и наполненной компонированным воздухом»⁴. В то время года полёты воздушных шаров были запрещены по соображениям противопожарного характера, в данном случае, видимо, полёт был согласован, так как

(1) Автопортрет. Андрей Тимофеевич Болотов. 1763 год. Холст, масло. ГЭ

(2) Портрет графа А.И. Мусина-Пушкина. Неизвестный художник. 1790-е годы. ГИМ

(3) Портрет графа А.Г. Орлова. В. Эриксен. 1766–1772 годы. Холст, масло. ГЭ

состоялся внутри здания. Однако вряд ли его можно считать серьёзным экспериментом.

4 и 9 мая 1803 года у А.Г. Орлова в Нескучном «прусского короля привилегированный гимнастический художник с компаниею Александр Терци, Басен и Коко» запускали свой воздушный шар. Причём на нём в воздух поднимались салютные устройства. Так, во время полёта 9 мая они выстрелили аж 810 раз! В июне того же года за Яюзой Терци с семьёй поднял воздушный шар с двумя манекенами на борту, вызвавший у очевидцев иллюзию полёта людей, однако сам он летать так и не отважился⁵.

26 июля 1805 года в газете «Московские ведомости» было помещено объявление о том, что купец Матвей Колесников, содержащий Борятинскую дачу, по воскресным и праздничным дням собирается устраивать запуск воздушного шара с посаженным в него животным, которое будет спускаться на парашюте. Однако неизвестно, состоялись ли эти цирковые представления.

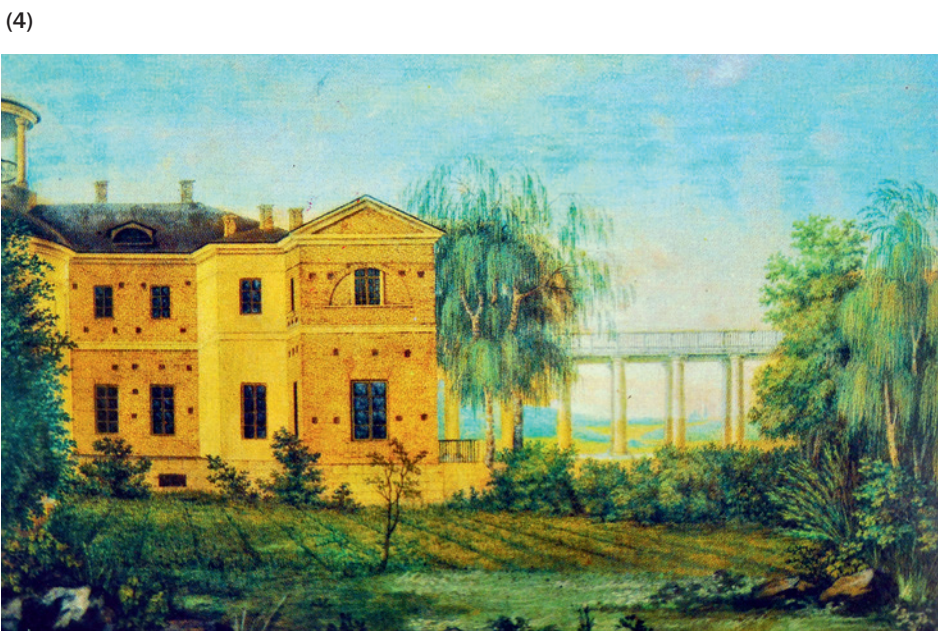
24 сентября и 1 октября 1805 года на территории Нескучного Орловых состоялись полёты воздушного шара, сооружённого по проекту и на средства штабс-доктора Лефортовского госпиталя Ивана Григорьевича Кашинского⁶. Его аэростат дополнительно выставлялся для платного осмотра в большом зале Петровского театра, в котором из-за его полёта 1 октября был даже отменён спектакль⁷, поскольку потенциальные зрители были в Нескучном.

29 апреля 1806 года из Нескучного надворного советника Василия Николаевича Зубова полетел на воздушном шаре со своим учеником физик и театральный фокусник Этьен-Гаспар Робер, выступавший под сценическим псевдонимом «Робертсон». Он приземлился за Николо-Перервинским монастырём. Попытка полёта Робера в начале мая из Нескучного на новом огромном шаре «Полифем» оказалась неудачной. Но в мае 1807 года полёт из Нескучного состоялся, причём во время своих экспериментов Робер мог пользоваться роговым оркестром графов Шереметевых⁸.

6 сентября 1808 года полёт из Нескучного на воздушном шаре анонсировал московский купец Фёдор Иванович Никитин, видимо, бывший его изобретателем. Он обещал наполнить шар неким «спиртовым воздухом», но неизвестно, состоялся ли этот полёт⁹.

Остафьево

Самый первый полёт монгольфьера с людьми на борту в Москве состоялся 20 сентября 1803 года. Шар пилотировал его строитель — французский воздухоплаватель и изобретатель парашюта Андре-Жак Гарнерен. Не найдя желающего лететь с ним за огромную плату в две тысячи рублей, как это было в Петербурге, он взял с собой своего друга, тоже француза купца Николая Обера, владевшего



(4)



(5)

(4) Вид усадьбы Остафьево. И.-Е.И. Вивьен де Шатобрен. 1817 год. Государственный музей А.С. Пушкина

(5) Портрет А.-Ж. Гарнерена. Эдвард Хоук Локер. 1802 год

(6) Портрет князя А.И. Вяземского. Ж.Л. Вуаль. 1774 год. ГЭ

(7) План Остафьева. И. Вахрамеев. 1805 год. Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково»



(6)



(7)

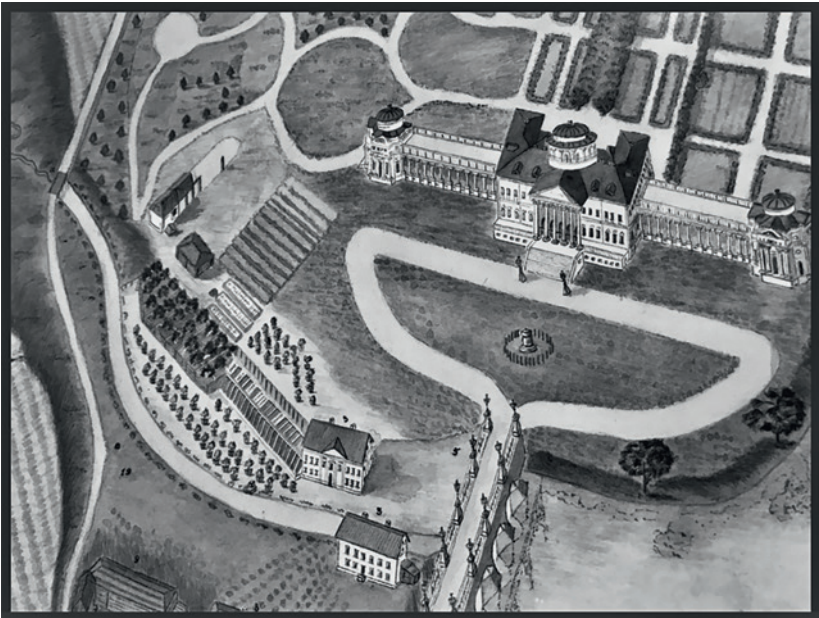
- 5 Родных А.А. Указ. соч. С. 32–33.
- 6 Объявление штаб-лекаря Кашинского о предполагаемых полётах на воздушном шаре в Москве // Московские ведомости. 1805. 16 сентября.
- 7 Жихарев С.П. Записки современника. М., 2004. С. 103.
- 8 Родных А.А. Указ. соч. С. 77–80.
- 9 Там же. С. 81–82.
- 10 Гарнерен А.Ж. Подробности трёх воздушных путешествий, предпринятых г. Гарнереном в России, в Санкт-Петербурге первое июня 20-го; второе июля 18-го; в Москве третье сентября 20-го; 1803 : пер. с франц. М., [1803]. С. 35.
- 11 Архив князя Воронцова. Кн. XIV. М., 1879. С. 427.
- 12 Ш[ереметев] С.[Д.] Из семейной старины. По бумагам Остафьевского архива князей Вяземских. С приложением купчей на село Жарки // Старина и новизна. Кн. 6. СПб, 1903. С. 321.
- 13 Гарнерен А.Ж. Указ. соч. С. 49.
- 14 ММУО КП-5732. Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково».

городской усадьбой в Глинищевском переулке, ныне являющейся объектом культурного наследия (д. 6). Подъём шара происходил с территории Крутицкого подворья, в котором тогда находились казармы полицейских драгун. Из-за того, что Обер почувствовал себя плохо во время полёта — у него начался звон в ушах, Гарнерену пришлось незапланированно посадить воздушный шар.

Приземление состоялось недалеко от усадьбы Остафьево князя Андрея Ивановича Вяземского. По сообщению Гарнерена, ему и Оберу помогли остафьевские крестьяне, несмотря на то, что владельца в то время в усадьбе не оказалось: «Земля показалась нам погружённая во мрак, и мы вскоре бросили якорь на поле, принадлежащем князю Вяземскому, крестьяне его сиятельства прибежали тотчас к нам, не изъясняя знаков ни боязни, ни удивления; один из них сел в лодочку, вместо меня, к господину Оберу, а прочие взяли якорь и верёвки и потащили шар на господский двор, при пении громких песен»¹⁰.

Этот эпизод сделал известным название усадьбы и её хозяина. «Господин Гарнерен и Ваш покорный слуга нынче на устах у всего города, — писал про это А.И. Вяземский. — Этот аэронавт вылетел вчера в 5 часов 15 минут пополудни и приземлился в моей подмосковной в 6 часов. Судьбе было угодно, чтобы я отсюда уехал накануне. Наши имена, подхваченные прессой, войдут в историю» (перевод с франц.)¹¹.

Хотя, по свидетельству историка графа Сергея Дмитриевича Шереметева, ставшего последним владельцем Остафьева, остатки шара Гарнерена хранились в усадьбе ещё в 1860-х годах¹², этого явно не могло быть, хотя бы потому, что на следующий день Гарнерен продолжил своё путешествие уже без Обера, поднявшись на шаре в воздух в 8 часов 20 минут и завершив его в 3 часа 15 минут в Жиздринском уезде Калужской губернии на расстоянии около 330 вёрст от Москвы¹³. Недаром на аксонометрическом плане Остафьева, выполненном по заказу князя А.И. Вяземского Иваном Вахромеевым в 1805 году, отмечено: «Место, где переночевал воздушный шар, поднявшийся из Москвы...»¹⁴, находившееся на берегу речки Любучи. Так что либо С.Д. Шереметева ввели в заблуждение,

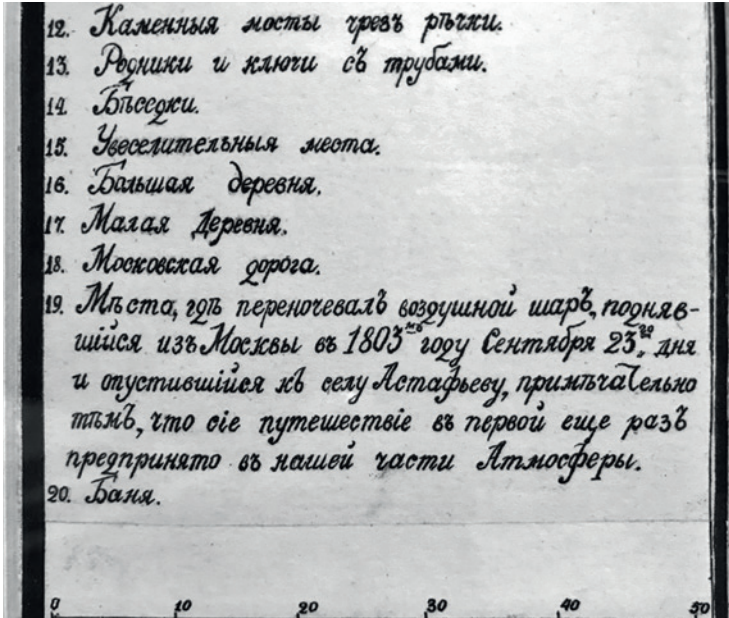


(8)

либо в усадьбе всё же как раритет сохранялся какой-то незначительный элемент воздушного шара, отсутствие которого не препятствовало его дальнейшему полёту на следующий день, возможно, это был мешок с грузом. Благодаря С.Д. Шереметеву считается, что спутницей Гарнерена в этом полёте была княгиня Прасковья Юрьевна Гагарина, урождённая княжна Трубецкая, впоследствии по мужу Кологривова, — известная московская красавица, выведенная А.С. Грибоедовым в «Горе от ума» под именем «Татьяны Юрьевны»¹⁵. Однако ни Гарнерен, оставивший воспоминания о своих полётах, написанные и изданные сразу же после них, ни А.И. Вяземский, ни газета «Московские ведомости», рассказывавшая о полётах, ни какие-либо другие документы о П.Ю. Трубецкой как о пассажирке воздушного шара ничего не сообщили. Поэтому можно считать информацию С.Д. Шереметева о якобы её участии в полёте шара Гарнерена не более чем остафьевской легендой, благодаря его авторитету долгое время воспринимавшейся как исторический факт. Отмечу, что П.Ю. Гагарина действительно собиралась лететь с Гарнереном, только тот не взял её с собой, так как княгиня была не готова заплатить за посадочный билет — по сути, билет в историю, дававший звание «первой русской женщины-воздухоплатательницы», пусть пассажирки! «Garnerin летит сегодня в Москве, без товарища, отказав вести даром кн[ягиню] Праск[овью] Юрьевну Гагарину, которая хотела подняться для некоторых физических испытаний»¹⁶, — констатировал граф Фёдор Васильевич Ростопчин, впоследствии московский главнокомандующий, в частном письме. Уже в советское время Остафьево оказалось связано с авиацией. Недалеко от него в 1930-е годы был устроен аэродром, а в самой усадьбе одно время находился дом отдыха лётчиков.

Царицыно

Слава первой отечественной женщины, поднявшей в воздух, по праву принадлежит не П.Ю. Гагариной, а гораздо менее известной Александре Степановне Турчаниновой, урождённой Ермолаевой, дочери пензенского помещика и бывшей жене Керенского уездного предводителя дворянства. Её полёт состоялся 6 мая 1804 года. Шаром управляла жена Гарнерена Жанна-Женевьева, урождённая Лябросс. Пассажирка до последнего старалась сохранить инкогнито, максимально закутавшись. Дипломат Яков Иванович Булгаков, присутствовавший при подъёме шара, описал это событие так: «...m[adam]e Garnerin поднялась на шару с другой женщиной, о которой ещё мало кто знает, ибо была закутана. У меня много обедало гостей, между прочими Пётр Петрович Нарышкин с женою, Юшков, фамилия



(9)

(8) Фрагмент плана Остафьева 1805 год

(9) Пояснительные подписи к плану 1805 года

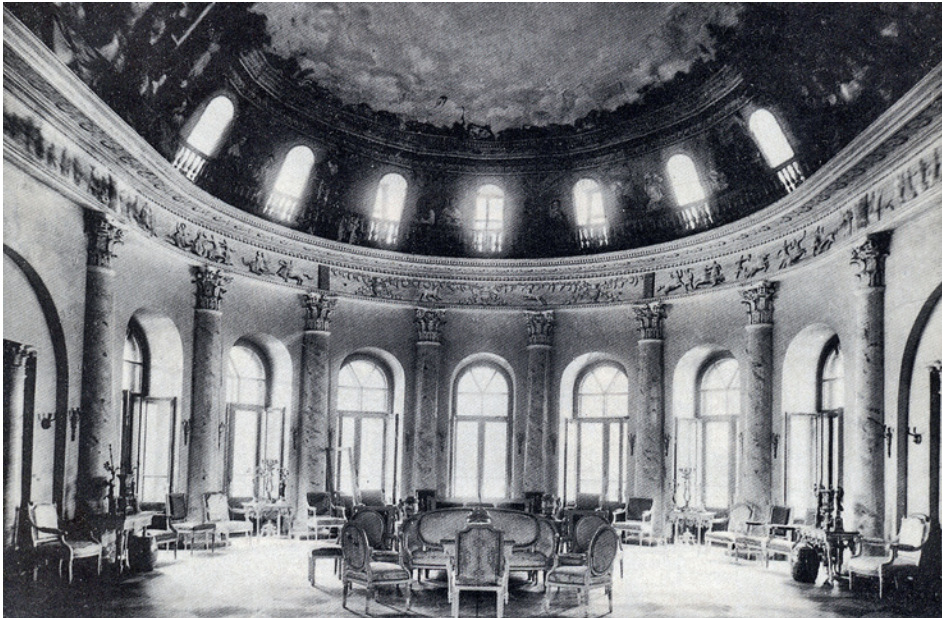
(10) Портрет Ж. Гарнерен (фрагмент гравюры). К. Галлер фон Галлерштайн. Нач. XIX века

(11) Центральный зал в господском доме усадьбы Остафьево. С открытки нач. XX века. Частное собрание

15 Ш[ереметев] С.[Д.] Указ. соч. Там же.
16 Письма графа Ф.В. Ростопчина к князю П.Д. Цицианову. Б.м., 1872. С. 26–27.



(10)

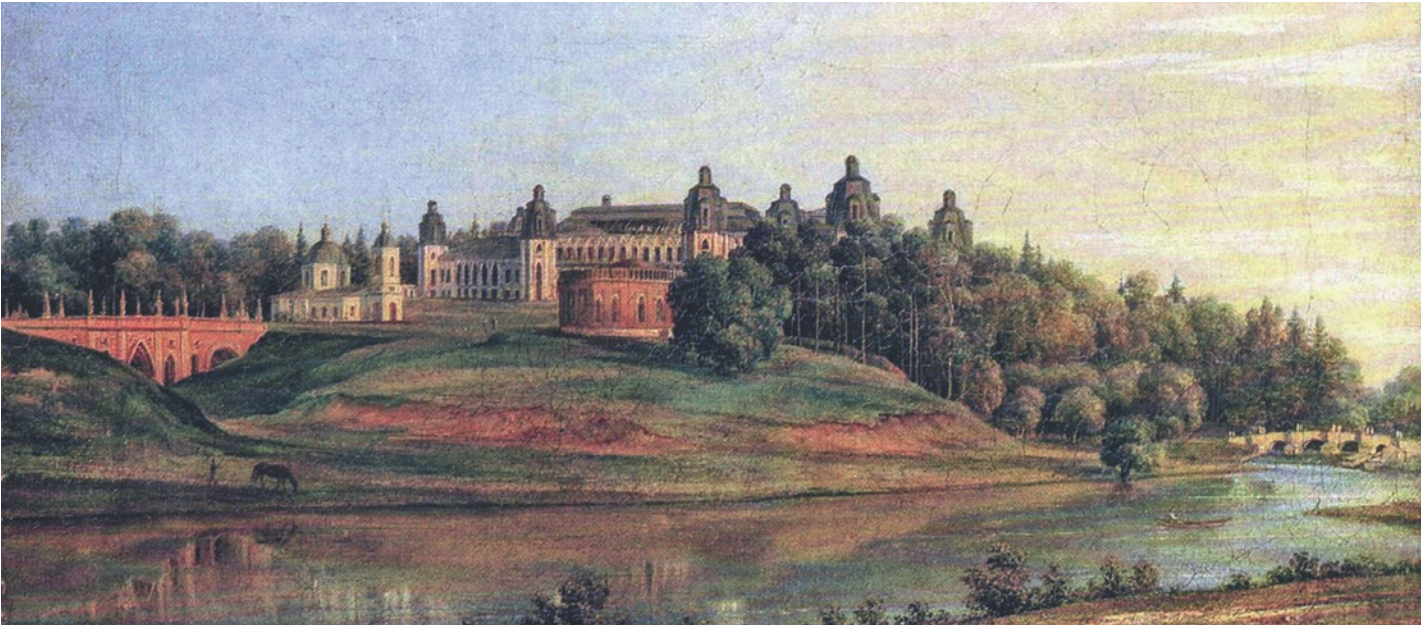


(11)

...ни Гарнерен, оставивший воспоминания о своих полётах, написанные и изданные сразу же после них, ни А.И. Вяземский, ни газета «Московские ведомости», рассказывавшая о полётах, ни какие-либо другие документы о П.Ю. Трубецкой как о пассажирке воздушного шара ничего не сообщили

[Мусиных-]Пушкиных. Наумов, Биянки и пр. Вытащили меня против воли в воксал, где спускался¹⁷ шар. Но вот что случилось. Собрались тучи, ударил гром, дождь полился ушатам, все разбежались, перемокли, под галереями сделалась давка такая, что кричали, особенно женщины. Дождь перестал, и хотя небо было покрыто густыми облаками, однако же Гарнерен, положи на все приготовления до 4000 р[ублей], решил пустить шар с женою и другою невидимкою. Он взвился, полетел по Калужской дороге и вскоре пропал из глаз»¹⁸. Шар с отважными воздухоплатательницами поднялся на высоту почти два километра и через 45 минут приземлился в Царицыне в 20 верстах от места запуска. Его ударило о деревья, потом понесло к пруду и ещё несколько раз ударило о землю. Как писала сама А.С. Турчанинова: «...барометр весь разбит был аб деревья и гагда ана апомнилась на нево пасматреть и сняла гаревавши што он испорчен, то ртуть на меня патекла и я атряхивалась для таво, что на мне был чюжой капот и я не хотела ево вымарать»¹⁹ (сохранена орфография автора). Турчанинову, несмотря на её конспирацию, опознал управляющий царицынской дворцовой волостью князь Яков Леонович Грузинский и др., и её имя стало известно. Бывший пензенский вице-губернатор князь Иван Михайлович Долгоруков, одно время бывший поклонником П.Ю. Гагариной, вспоминая Турчанинову, отметил, что она «...чрезвычайным случаем подействовала на моё воображение. Она некогда решилась, будучи в Москве, сесть в воздушный шар с воздухоплатательницей г[оспо]жой Гарнерен и подняться с ней на воздух. Зрелище было всенародное; путешествие их удачно кончилось. Такая отвага сделала Турчанинову известной повсюду, и, по необыкновенности случая, я решился её отличить от всех моих площадных знакомств и дать ей в списке тех людей, кои

17 Надувался — М. К. Булгаков Я.И. Из писем Я.И. Булгакова из Москвы в Неаполь к старшему сыну его Александру Яковлевичу // Русский архив. 1898. № 4. С. 534.
19 Турчанинова А.С. Письмо Ермолаеву Н.С., 12 мая 1804 г. / Публ. [и вступ. ст.] Л.К. Бажановой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. [Т. XI]. М., 2001. С. 15–18.



(12)

...Гарнерен, положа на все приготовления до 4000 р[ублей], решил пустить шар с женою и другою невидимкою. Он взвился, полетел по Калужской дороге и вскоре пропал из глаз

произвели во мне какое-либо, горестное или приятное впечатление, а Турчанинову я, конечно, не забуду, потому что и поныне не могу без особенного удивления представить себе такой редкий опыт в неустрашимости в женщине»²⁰.

Воронцово

Воздухоплавательные страницы истории Воронцова не менее интересны. Если предыдущие полёты — по сути, любительские опыты и эксперименты, то в Воронцове была попытка использования воздухоплавания в военных целях. Правительство, воспринимая Наполеона как небывалого полководца, решило, что победить его можно только небывалым оружием и поэтому радостно откликнулось на предложение отставного офицера английской армии баварца Франца Ксавьера Леппиха построить летательный аппарат, который мог бомбардировать взрывчатыми снарядами армию наполеоновской Франции, интенсивная подготовка к войне с которой шла с 1810 года²¹. Предложение Леппиха было достаточно быстро принято. Местом для размещения Леппиха и его мастерской в мае 1812 года стала усадьба Воронцово, тогда находившаяся в 8 верстах от Калужской заставы. Выбор пал на неё потому, что владелица, княгиня Александра Николаевна Волконская, в Воронцове не жила и сдавала его под дачи²², таким образом аренда всей усадьбы в 1812 году бывшим московским губернским предводителем дворянства, московским гражданским губернатором Николаем Васильевичем Обресковым не вызывала вопросов²³. С другой стороны, в то время в Воронцове ещё существовала Турецкая крепость, выстроенная предыдущим владельцем усадьбы отцом А.Н. Волконской генерал-фельдмаршалом князем Николаем Григорьевичем Репиным со стороны Калужской дороги (ныне её участок в районе усадьбы называется улицей Архитектора Власова), которую было удобно охранять. Недаром главный начальник Императорской канцелярии генерал Алексей Андреевич Аракчеев описал Воронцово как находящееся за «высоким забором»²⁴. Проект Ф.К. Леппиха был феерическим по своим масштабам. Для начала работ было отпущено 8 тысяч рублей. Четырнадцать столяров, восемь слесарей, трое

(12) Вид усадьбы Царицыно. В.Ф. Аммон. 1853 год. Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А.В. Щусева

(13) Шар Гарнерена. Титул книги «Подробности трёх воздушных путешествий, предпринятых Г. Гарнеренем в России». М.: в Университетской типографии у Любия, Гария и Попова, [1803]

(13)



20 Долгоруков И.М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / Соч. кн. Ивана Михайловича Долгорукова. 2-е изд., прил. к «Русскому Архиву» 1890 г. М., [1890]. С. 360.
21 См: Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 129.
22 Булгаков Я.И. Из писем Я.И. Булгакова к старшему его сыну Александру Яковлевичу // Указ. изд. С. 537.
23 См: Александр I. Письмо императора Александра Павловича к московскому губернатору [Н.В.]Обрезкову // Русский архив. Кн. 1. 1898. С. 86. В действительности фамилия губернатора не Обрезков, а Обресков, — М. К.
24 Языков А.П. Из воспоминаний о селе Грузине, имени графа Аракчеева в 1826 году // Русский архив. 1869. Стб. 1467.
25 Соболев Д.А., Хазанов Д.Б. Немецкий след в истории отечественной авиации. М., 2000. С. 7.
26 Попов А.Н. Москва в 1812 году // Русский архив. Кн. 3. 1875. С. 43.
27 Попов А.Н. Указ. соч. С. 44.

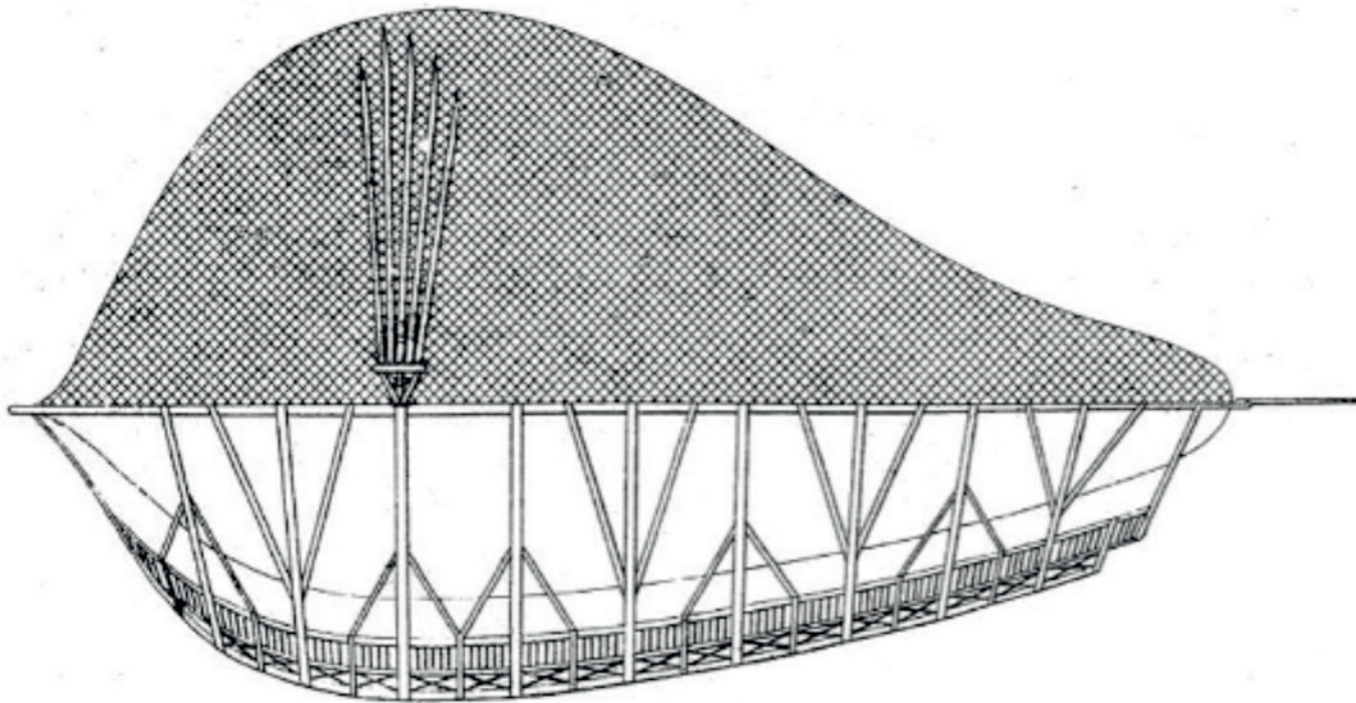
портных, двадцать четыре белошвейки, две прачки и несколько человек обслуживающего персонала принялись за дело. Постепенно численность сотрудников Ф.К. Леппиха возросла до 100 человек, причём сорок квалифицированных рабочих были даже вывезены из Австрии. Однако переход наполеоновской армии через Неман 12 июня спутал все карты. Результат работ Ф.К. Леппиха потребовался очень быстро. Война потребовала и усиления секретности. 4 июля московский главнокомандующий Ф.В. Ростопчин в письме к Александру I сообщил, что Воронцово вскоре будет охранять отряд из пятидесяти солдат и двух офицеров²⁵. Позже численность отряда была увеличена до ста шестидесяти гренадёров и двенадцати драгун. 27 июля мастерскую Ф.К. Леппиха лично проинспектировал приехавший в Москву Александр I. Этот день для него был очень тяжёлым. Император встречался с пообещавшими ему всестороннюю поддержку представителями дворянства и купечества в Слободском дворце (ныне 2-я Бауманская улица, 5, стр. 1). Тем не менее он нашёл время для поездки в Воронцово, так как не дворяне и купцы, а изобретение Ф.К. Леппиха казалось ему единственной силой, которая могла бы остановить непобедимого Наполеона. Посещение усадьбы носило неофициальный характер, поэтому Александр I приехал без свиты. Его спутником был только бывший прусский премьер-министр барон Генрих Фридрих Карл фон Унд Цум Штейн, перешедший на русскую службу²⁶. К приезду императора дирижабль уже существовал, пусть и в недо конца завершённом виде²⁷. Работы Ф.К. Леппиха впечатлили императора, и их финансирование было продолжено. В канун Бородинской битвы было принято решение рассекретить проект, чтобы усилить патриотический порыв и воодушевить москвичей, которые, по свидетельству А.А. Аракчеева, толпами ходили из Москвы в Воронцово, хотя на территорию усадьбы никого не пускали, «...но народ, возвращаясь домой, рассказывал, что видел своими глазами, как готовился шар на верную гибель врага, и тем довольствовался»²⁸. Массовое паломничество в Воронцово стало одним из аргументов для рассекречивания строительства дирижабля. Поэтому

По воле Л.Н. Толстого Пьер Безухов «поехал в село Воронцово смотреть большой воздушный шар, который строился Леппихом для гибели врага, и пробный шар, который должен был быть пущен завтра. Шар этот был ещё не готов, но, как узнал Пьер, он строился по желанию государя»



22 августа Ф.В. Ростопчин опубликовал в газете «Московские ведомости» сообщение о целях работ Ф.К. Леппиха и о предполагаемом пуске пробного маленького дирижабля²⁹. После этого, так как посетителей Воронцова стали пускать в усадьбу смотреть на гондолу, поток желающих своими глазами увидеть новое чудо-оружие усилился. Л.Н. Толстой причислил к ним одного из главных героев романа-эпопеи «Война и мир» Пьера Безухова, который «поехал в село Воронцово смотреть большой воздушный шар, который строился Леппихом для гибели врага, и пробный шар, который должен был быть пущен завтра. Шар этот был ещё не готов, но, как узнал Пьер, он строился по желанию государя»³⁰. После Бородинского сражения, состоявшегося 26 августа, скептиком стал и Ф.В. Ростопчин. Тональность его реляций императору о работах Ф.К. Леппиха резко изменилась: «С прискорбием извещаю Ваше Величество о неудаче Леппиха... Кажется, надо отказаться от надежды на успех... Леппих — сумасшедший шарлатан»³¹. Перед входом наполеоновской армии в Москву мастерская Ф.К. Леппиха в Воронцове была ликвидирована. Здание, в котором сооружали «малый шар», и гондола дирижабля («большого шара»), находившаяся на парадном дворе, были сожжены. Обоз с материалами, состоявший из 130 подвод, отправился из Воронцова в Нижний Новгород³². Ф.К. Леппих и его сотрудники уехали в Петер-

28 Языков А.П. Указ. соч. Там же.
29 Письмо Кутузова // М.И. Кутузов: сборник документов. Т. IV. Ч. 1. М., 1954. С. 125–126.
30 Толстой Л.Н. Война и мир // Собр. соч. в 22 т. Т. 6. М., 1980. С. 189.
31 Родных А.А. Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона при помощи воздухоплавания. СПб., 1912. С. 33.
32 Родных А.А. Указ. соч. С. 37.



(15)

(14) Ансамбль парадного въезда усадьбы Воронцово (Центральная часть турецкой крепости). Фото нач. XX века. Из архива И.Ю. Коровина

(15) Чертёж аппарата Леппиха из царских архивов. 1812 год

бург. Их деятельность продолжилась в Ораниенбауме и больше не была связана с Воронцовым. Несмотря на уничтожение мастерской Леппиха, в Воронцове осталось достаточно предметов для того, чтобы главный аудитор (судья) наполеоновской армии бригадный генерал граф Жан Лоэр провёл следствие: сгоревшая гондола дирижабля, модель формы дирижабля и др.³³ Были найдены также остатки несгоревшего пороха, применявшегося при изготовлении ракет, которые предполагалось пускать с дирижабля. Поэтому на заседании комиссии для расследования и суда над пойманными поджигателями 24 сентября 1812 года сооружение воздушного шара в Воронцове было увязано с поджогом Москвы: у поджигателей находили некие ракеты, возможно, изготовленные в мастерской Ф.К. Леппиха. Использование пороха из Воронцова для ракет поджигателей города подтверждается и свидетельством командира авангарда Тверского ополчения князя А.А. Шаховского, который после оставления наполеоновской армией Москвы встретился с вернувшимся в город Н.В. Обресковым³⁴. Считается, что после расследования усадьба Воронцово была сожжена, в качестве мести владелице за деятельность Ф.К. Леппиха. Эту версию придумала и распространила сама А.Н. Волконская, мотивировав ею попытку получить большую сумму правительственной компенсации ущерба, понесённого в ходе военных действий, чем другие помещики, имения которых пострадали в 1812 году. Однако император отказался платить за ущерб, справедливо объясняя это тем, что гондола дирижабля была уничтожена до прихода наполеоновской армии, а сгоревших деревень хватало и в других местах, кроме того, основные усадебные постройки, в частности господский дом, не были уничтожены ни командой Ф.В. Ростопчина, ни наполеоновской Великой армией³⁵. В 2014 году в центре парадного двора усадьбы Воронцово примерно там, где Леппих строил свой дирижабль, установлен обелиск-памятник «Защитникам земли российской». От Турецкой крепости в Воронцове до настоящего времени сохранились ансамбль парадного въезда и северная башня, перестроенная в церковь Троицы, являющиеся объектами культурного наследия, как и здания, сохранившиеся на парадном дворе усадьбы, где Леппих делал свой дирижабль. Недавно южный флигель, службы конного двора и южный павильон были отреставрированы. В этом году завершена реставрация оранжерейного комплекса, также находящегося на парадном дворе усадьбы.

33 Наполеон в России глазами русских. М., 2004. С. 94.
34 Шаховской А.А. Двадцатый год. Воспоминания князя А.А. Шаховского // Русский архив. 1886. № 11. С. 394.
35 Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 133–134.

Владимир Пирогов, Мосгорнаследие

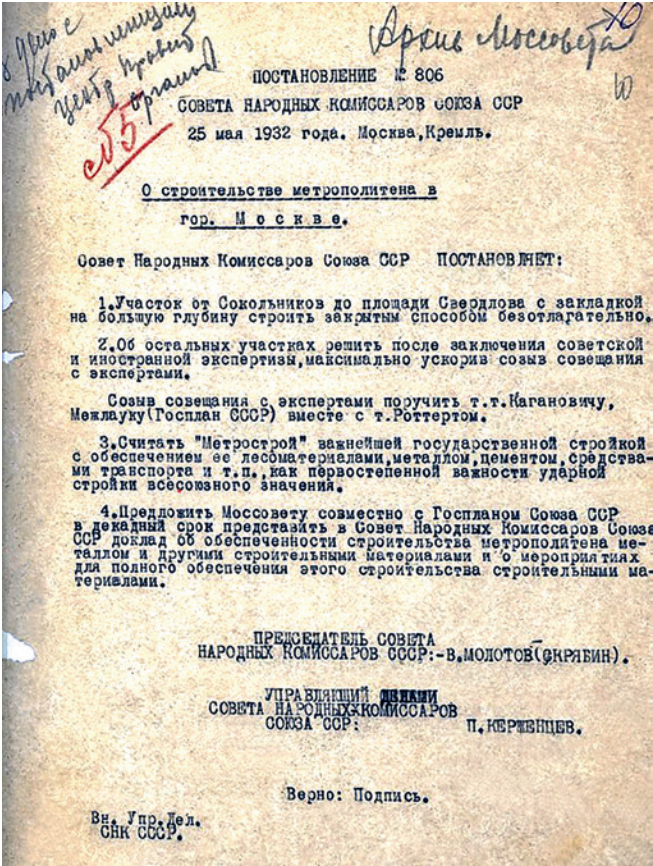
Археология на службе Метростроя.

Часть вторая

«Мне уже приходилось неоднократно говорить, что пролетариату в наследство осталась весьма запутанная система лабиринтов, закоулков, тупичков, переулков старой купеческо-помещичьей Москвы. <...> Придётся, конечно, выравнивать улицы за счёт одноэтажных негодных домишек...» — сказал однажды Л. Каганович. И московские археологи метростроевскими темпами стали изучать уходящую Москву.

Начало строительства московского метро нельзя рассматривать вне связи с общими реконструктивными мероприятиями в столице пролетарского государства. Первые планы по переделке исторической структуры города были намечены на июньском пленуме ЦК ВКП (б) в 1931 году. В стенограмме доклада на этом пленуме первый секретарь МГК ВКП (б) товарищ Л.М. Каганович увязывал новое строительство и с борьбой против «вредителей» в городском хозяйстве, которые тормозили поступательное движение социализма в Москве и скептически относились к метро. «В связи с вопросом о метрополитене развернулась большая дискуссия, и в этой дискуссии было наговорено много глупостей. Например, некоторые противники метрополитена исходили из того, что вообще метрополитен — это “антисоциалистический вид транспорта”, что вообще метрополитен — это остатки капиталистических городов, что мы не должны его здесь строить, что мы должны держать курс на немедленное разукрупнение Москвы и т. д. Это глупости “леваки”-фразёрского характера, которые мы должны конечно отбросить»¹.

(1) Плакаты, посвящённые Сталинскому плану реконструкции Москвы. 1935 год



(2)

(2) Постановление № 806 СНК СССР от 25.05.1932 г. «О строительстве метрополитена в г. Москве»

(3) Руководители строительства первой очереди метрополитена в Москве среди рабочих и инженеров Метростроя в одном из тоннелей. Фото 1934 года. 1 — Н.С. Хрущёв, 2 — Н.А. Булганин, 3 — Л.М. Каганович, 4 — П.П. Роттерт, 5 — Е.Т. Абакумов

1 Каганович Л.М. За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР. Переработанная стенограмма доклада на июньском пленуме ЦК ВКП(б). М.-Л. 1931. С. 15, 43.
2 <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes354627>.



(3)

Генеральный план реконструкции Москвы, одним из пунктов которого предусматривалось строительство метрополитена, получил своё утверждение в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 года. Планировалась коренная реконструкция столицы путём сноса старых кварталов, реконструкции улиц в историческом центре, ликвидации многих храмов. В Постановлении говорилось: «ЦК ВКП(б) и СНК СССР отвергают проекты сохранения существующего города как законсервированного музейного города старины с созданием нового города за пределами существующего. ЦК ВКП(б) и СНК СССР отвергают также предложения о сломке сложившегося города и постройке на его месте города по совершенно новому плану. ЦК ВКП(б) и СНК СССР считают, что при определении плана Москвы необходимо исходить из сохранения основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путём решительного упорядочения сети городских улиц и площадей»². Что подразумевало под собой значительные сносы старинной застройки. Этот тезис озвучил в своей речи и главный куратор всех новостроек Москвы всё тот же Л.М. Каганович 16 июля 1934 года на пленуме Моссовета с участием ударников Метростроя, фабрик и заводов города Москвы, ещё за год до официального опубликования Постановления о генплане: «Мне уже приходилось неоднократно говорить, что пролетариату в наследство осталась весьма запутанная система лабиринтов, закоулков, тупичков, переулков старой купеческо-помещичьей Москвы. <...> Придётся, конечно, выравнивать улицы за счёт одноэтажных негодных домишек. <...>

Мы приняли меры к окончанию оформления вновь строящихся зданий на магистралях, как, например, гостиницы Моссовета в Охотном ряду, здание бывшего МКХ на Театральном проезде, расширяем проезжую часть Моховой улицы. <...> В связи со сносом Сухаревской башни реконструируем, озеленяем и приводим в порядок Сухаревскую площадь. Создаём широкий проспект от площади им. Свердлова до площади им. Ногина путём сноса Китайгородской стены. Всё вместе взятое значительно улучшит внешний вид и оформление центральных улиц города»³. Одной из важных составляющих мероприятий генплана стала прокладка внеуличной транспортной системы — метрополитена, непосредственно затрагивающей самые густонаселённые центральные районы Москвы. Там сохранились массивы старой застройки, древних церквей и ценного археологического культурного слоя. Именно здесь предстояло проводить исследования бригаде молодых археологов. Работы археологов в связке с архивистами были организованы по трассе разрытий первой линии метро московским отделением ленинградской Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), её особой комиссией по работам на Метрострое.

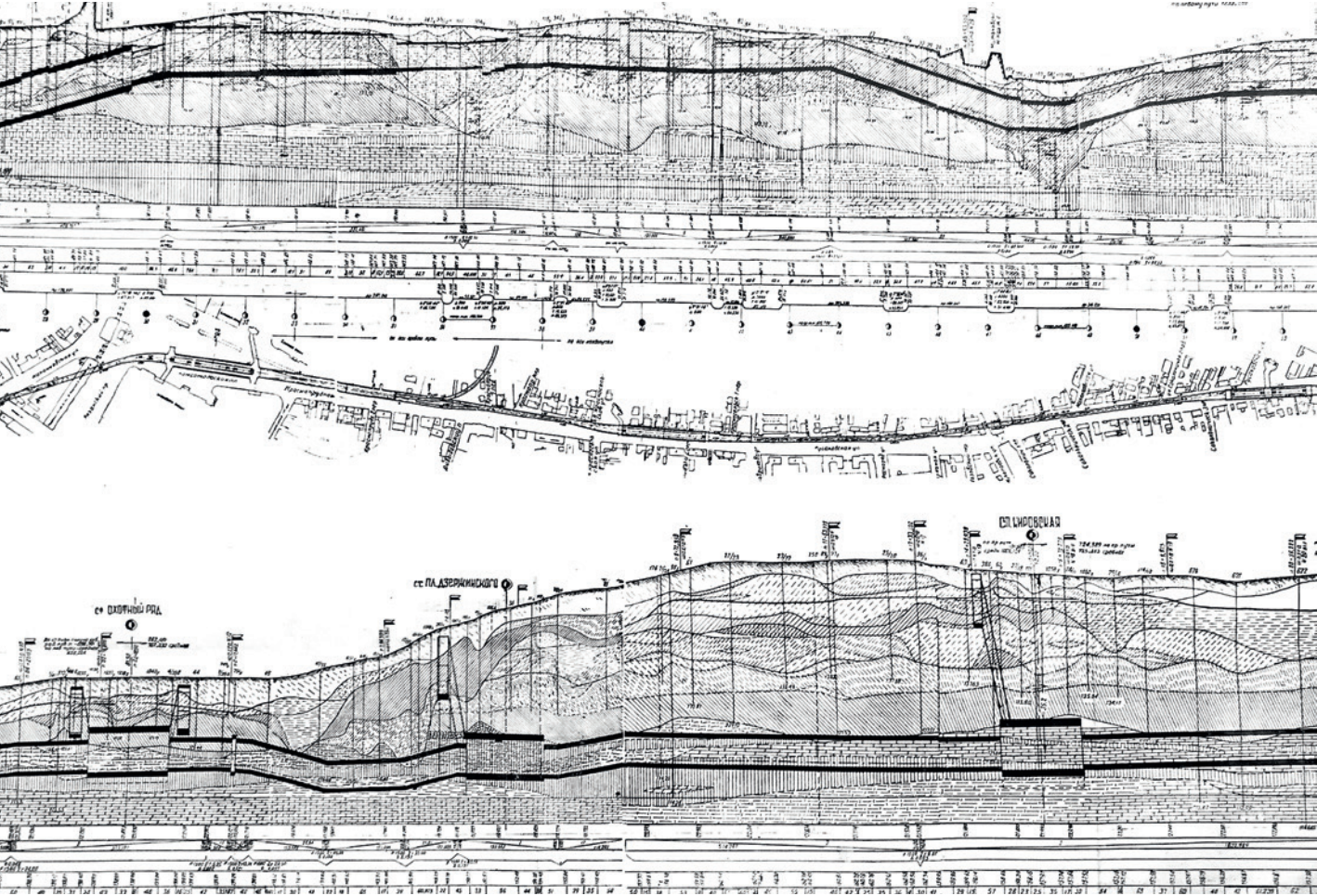
Трасса метро делилась на пять рабочих участков: от Смоленской площади до Манежа, от Чудовки (Парк культуры) до Дворца Советов, от Дворца советов до Охотного ряда, от Охотного ряда до Каланчёвской площади, от Каланчёвской площади до Сокольников. Как писали в те годы: «У советской общественности, у строителей новой Москвы наблю-

дается теперь живой, хозяйский и неутомимый интерес к прошлому Красной столицы. <...> Новую эру в деле изучения древней Москвы открывает Метрострой, где небывалые масштабы земляных работ соединяются с типичным для революционной стройки внимательным отношением к научной работе. От начальника строительства до проходчиков и землекопов метростроевцы всемерно содействовали археологическим исследованиям»⁴.

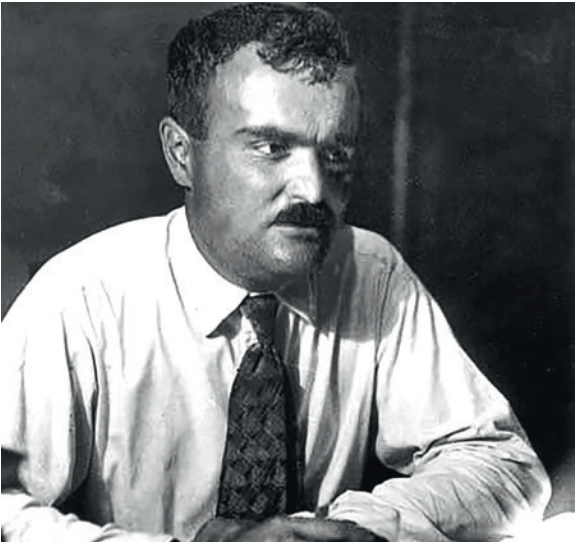
«Этот трудовой пафос не мог не захватить и московских историков. Их просили помочь, а это так много значило в тот момент, когда большинство исторических учреждений было закрыто. Люди почувствовали, что их знания нужны Родине, и радостно откликнулись на призыв»⁵. Первоначально начальником бригады археологов руководство ленинградского отделения ГАИМК хотело назначить своего недавнего сотрудника — Т.С. Пассек, а не кого-либо из чужой московской школы. «Но вскоре пришлось изменить это решение — ведь нужен был учёный, прежде всего хорошо знающий прошлое Москвы. И здесь выбора не было: начальником экспедиции мог стать только Арциховский. Пассек отошла на второй план, заняв пост учёного секретаря экспедиции. Отношения с Артемием Владимировичем у неё сложились хорошие и оставались такими до конца дней»⁶.

Бригады археологов трудились ударными темпами в ритме Метростроя. Археологические изыскания являлись вспомогательной работой при разработке геологических слоёв подземных проходов.

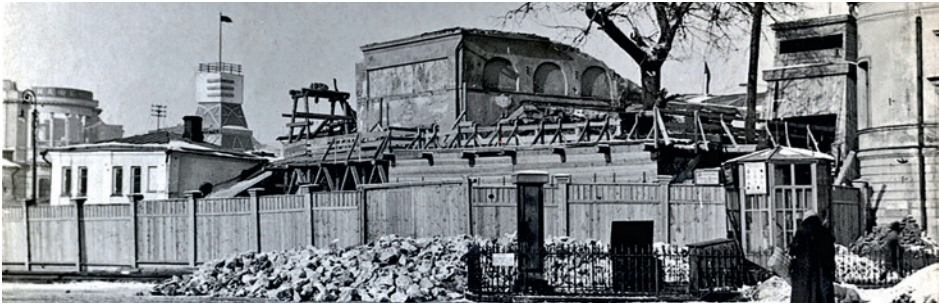
(4)



Бригады археологов трудились ударными темпами в ритме Метростроя. Историки с максимальной точностью выдавали строителям архивные топографические данные о прошлом древнего города, которые могли иметь важное значение для производства работ



(6)



(5)

(4) Геологические профили Метростроя: от Сокольников до Комсомольской площади и от Красных ворот до Охотного ряда. Фрагмент. 1932 год

(5) Строительство метро на Арбатской площади. Альбом по строительству станции метро «Арбатская». Фото 1933–1934 годов

(6) Руководитель бригады археологов на Метрострое А.В. Арциховский. Фото 1920-х годов

Историки с максимальной точностью выдавали строителям архивные топографические данные о прошлом древнего города, которые могли иметь важное значение для производства работ. Начальник ударной стройки П.П. Ротерт приказом по Метрострою от 2 ноября 1933 года обеспечивал сохранность археологических артефактов, обнаруживаемых при земляных работах, и предоставлял возможность их изучения. Посильную помощь археологическим работам на трассе метро оказывали Научно-исследовательский сектор Метростроя, его Гидрологический отдел, Комитет научного содействия Метрострою, а также начальники шахт и дистанций.

Археолог Коробков в своей книге «Метро и прошлое Москвы» отмечал в духе своего времени: «Строительство метрополитена в процессе выполнения своего грандиозного плана заставило нас внимательно изучить прошлое Москвы, и то, чего раньше не сделали археологические институты и исторические общества. Было блестяще и при этом в кратчайшие сроки завершено на путях метро. С постройкой метрополитена мы получили много сведений, ценных не только для историка, но также и для строителя новой Москвы»⁷.

Первый участок археологических наблюдений отрезка метро Арбатского радиуса от Смоленской площади до Кремля исследовал С.В. Киселёв. Им были прокомментированы культурные слои в районе Николощеповского переулка и Смоленской площади. Упомянуты костные останки кладбища храма Николы на Щепях.

3 О строительстве метрополитена и плане города Москвы. Речь товарища Л.М. Кагановича на пленуме Моссовета с участием ударников Метростроя, фабрик и заводов г. Москвы 16 июля 1934 г. // Метрострой. № 5–6. 1934. С. 4, 9.

4 По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича. М.–Л., 1936. С. 91.

5 Формозов А.А. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. М., 2007. С. 143.

6 Формозов А.А. Указ. соч. С. 145.

7 Коробков Н.М. Метро и прошлое Москвы. Очерки геологии, истории и археологии Москвы. М.–Л., 1938. С. 154.

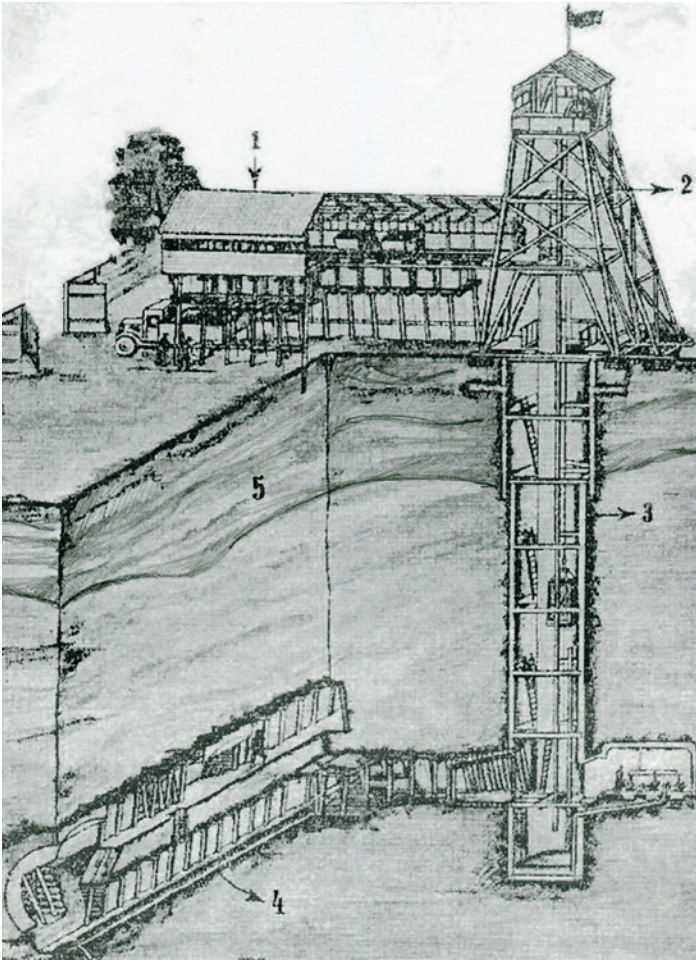


(7)



(8)

Изучение земляных профилей на Садовом кольце дало характеристику нижнего рва укреплений Земляного города. Наиболее ценные результаты показали работы конца 1933 года в шахте № 37 у Арбатской площади в створе Гоголевского бульвара. Здесь были обнаружены фрагменты известняковой кладки и забутовки основания стены Белого города конца XVI века, разобранной во время царствования Екатерины II. Сохранность его прослеживалась на глубину до 3,5 м. В начале 1934 года в траншее, разбитой чуть южнее шахты № 37, также наблюдался ещё один фрагмент белгородских укреплений. «Внутренность стен <...> заполнена забутовкой из извести с белокаменным щебнем, местами сохранившей свою первоначальную изумительную крепость, очень задерживавшую земляные работы <...> Нанося наши находки на плане мы убеждаемся ещё в одной интересной детали: оси направления стен по данным части, вскрытой в стволе шахты, и части, прослеженной в траншее, не совпадают. Если мы посмотрим план интересующего нас участка XVIII в. стены Белого города, то увидим, что как раз между двумя вскрытыми нами пунктами стояла башня Арбатских ворот, имевшая не прямой, а коленчатый <...> проезд, обращённый скорее в сторону Поварской, чем Арбата, а поэтому и стенка с северной стороны примыкала к башне в самой восточной её части, давая максимум воротам. С юга же стена примыкала к башне почти посередине»⁸. На Арбатской площади земляные работы по прокладке тоннелей метро и строительству стационарного вести-



(9)

бюля велись так называемым траншейным способом. Способ этот характерен тем, что сооружение начинается с возведения боковых бетонных стен в земле. После строится перекрытие-крыша на поверхности, а затем, после выемки грунта из будущего объёма станции, строится пол и платформа. При этом способе было легко проводить археологические наблюдения. Строители метро получили от московских партийных руководителей «карт бланш» на производство любых работ, вплоть до сносных, ради ускоренного завершения первой очереди. Под снос на стройке станции «Арбатская» попадала церковь Св. Тихона Амафунтского, известная на этом месте по историческим источникам с 1620 года. Рыть здесь траншеи не было возможности «так как на рынке не прекращалась торговля, а в бывшей церкви был устроен бетонный завод <...> самые стены церкви использовали как материал для производства бетона. Мы постепенно срезали верхушку церкви и направляли в стоящую внизу камнедробилку. Таким образом верхняя часть церкви была своеобразной каменоломней, а нижняя — тепляком для бетонного завода. <...> “Каменоломни” нам хватило только до половины апреля. К этому времени церковь была разобрана окончательно. Пришла весна <...> площадь, занятую церковью, следовало освободить для сооружения перекрытий станции. Мы распрощались с церковью, она перестала существовать, частично превращённая в бетон»⁹.



(10)

(7) Строительство метро на Арбатской площади. Альбом по строительству станции метро «Арбатская». Фото 1933–1934 годов

(8) Храм Свв. Флора и Лавра у Мясницких ворот. Фото 1920-х годов

(9) Схематический разрез шахты Метростроя. 1 – эстакада, 2 – шахтная вышка, 3 – шахтный колодец, 4 – будущий тоннель, 5 – мощность археологического культурного слоя

(10) Храм Гребнёвской Иконы Божией Матери в момент разборки. Фото 1934 года

8 Киселёв С.В., Тарасов Н.Г. Белый и Земляной город // Проблемы истории докпиталистических обществ. № 5. 1934. С. 115, 117.
9 Гитман Я.Е. Станция «Арбатская площадь» // <https://www.metro.ru/library>.
10 Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Вып. 109. М.–Л., 1935. С. 75.

Работы на разрытиях в зоне некрополя разбираемого храма Св. Тихона вскрыли множество неплохо сохранившихся погребений позднего времени в кирпичных склепах. Далее работы продолжились в траншеях вдоль Воздвиженки, в зоне Библиотеки им. Ленина, Сапожковской площади у Кутафьей башни и завершились в шахте № 30 в Александровском саду. Среди находок можно отметить фрагменты поливных изразцов XVII века, множество монет разного времени, обломки керамической посуды. На Сапожковской площади, на месте снесённого ещё в XIX веке храма Св. Николая, обнаружены семь погребений. Второй, западный участок археологических исследований проходил от Чудовки (метро «Парк культуры») до Волхонки. Он включал в себя Крымскую площадь, улицу Остоженку и площадь Пречистенских ворот. Работы здесь проводились по так называемому «берлинскому» методу прокладки тоннеля — котлован разрывался открытым способом, что позволяло видеть стратиграфию культурного слоя на всём протяжении трассы. Наибольшая мощность слоя наблюдалась в районе Волхонки – до 4 м. По трассе Остоженки были прослежены старые захоронения, существовавшие в земле прицерковных погостов храмов Успения на Остоженке, Воскресения Нового, Воскресения Старого, Сошествия Св. Духа у Пречистенских ворот. Эти храмы стояли у красных линий улиц, и разрытый открытым способом метростроевский котлован затрагивал их территории. Храм Воскресения Старого был разобран ещё в начале XIX века. Церкви Успения на Остоженке, Воскресения Нового и Сошествия Св. Духа, постройки XVII–XIX веков, принесены в жертву Метрострою. Их снесли в 1933–1935 годах. На месте будущего павильона метро «Дворец советов» археологами исследован техногенный слой в виде конгломерата культурных напластований. «Его четырёхметровая толща даёт весьма пёструю картину, вследствие интенсивной деятельности на этом участке в течение последнего столетия. Вклинивания в древние горизонты культурного слоя современных отложений вследствие водопроводных, газопроводных, канализационных и других работ встречаются здесь постоянно, пересекаются между собой и в результате дают картину, с трудом поддающуюся расшифровке»¹⁰. Третий археологический участок трассы шёл от музея изобразительных искусств на Волхонке, мимо Воздвиженки по Моховой до Охотного ряда. В квартале на углу с Воздвиженкой при рытье котлована была прослежена толстая прослойка светлого песка. Его находка маркировала территорию так называемого Опричного двора эпохи Ивана Грозного. В шахте № 9 Метростроя на Моховой два глубоких сруба-колодца. В них найдены одни из наиболее ярких артефактов на линии трассы. Это одиннадцать глиняных кувшинов полных форм и четыре железных топора с сохранившимися деревянными топорщами. По мнению руководителя московской экспедиции А.В. Арциховского: «Находки эти для науки новы, так как Московская Русь представлена до сих пор в музеях только предметами роскоши или обломками вещей. Предметы обихода ранее не были найдены, и в этом отношении можно сказать, что



(11)



(12)

Реконструкция знакомого перекрёстка была сродни выпадению из памяти. В Москве уже стали выпадать целые кварталы. Выпала добрая половина перекрёстка, к которому издавна тяготел тот особый старомосковский мир поэтов и художников

старая Москва была известна меньше, чем любой из более древних крупных городов советской территории»¹¹. Особый интерес специалистов вызвала находка старинных топоров. Был проведён оперативный научный анализ этих орудий труда, что вполне отвечало советскому марксистскому подходу к изучению древностей. Четвёртый участок трассы метро шёл от Каланчёвской площади через Мясницкую, Лубянку, Театральную площадь до начала Моховой улицы. Работами на нём руководил Н.М. Коробков. Как писал позднее археолог: «Находки, которые всё же были сделаны, связаны с теми небольшими поверхностными выработками, которые время от времени проводились на площадках отдельных шахт. Однако и такие работы почти вовсе прекратились к январю 1934 г., и работа шла почти исключительно на глубине. Лишь во второй половине февраля начатое строительство вестибюлей и наклонных шахт, сопровождаемое обширными земляными работами в культурном слое, открыло возможности новых находок и исследований»¹². Интересно было исследование фундаментов части прясел крепостных стен Белого города конца XVI века у Мясницких ворот, открывшихся при строительстве павильона метро «Кировская» («Чистые пруды»). Археолог А.Н. Смирнов изучил эти руины: «На шахте № 2 и на участке по постройке вестибюля станции Мясницкие ворота собран материал по конструкции стены (обе облицовочные стенки, забутовка, основание) и по устройству рва; намечена линия стены на этом участке, в частности её излом»¹³.

Стройка метро преобразила площадь Мясницких ворот. На перекрёстке Мясницкой и Бульварного кольца были снесены многие здания. Пострадал и старинный храм Флора и Лавра 1657 года постройки, стоявший неподалёку на углу Юшкова переулка. Храм дивной русской архитектуры был превращён в метростроевское подсобное помещение, а рядом устроена шахта № 17. Реконструкция города шла полным ходом. Яркие строки воспоминаний об этом месте оставил писатель В.П. Катаев, живший в те годы неподалёку: «Реконструкция знакомого перекрёстка была сродни выпадению из памяти. В Москве уже стали выпадать целые кварталы. Выпала добрая половина перекрёстка, к которому издавна тяготел тот особый старомосковский мир поэтов и художников <...> Помню маленькую церквушку Флора и Лавра, её шатровую колокольню, как бы прижавшуюся к ампирам колоннам полукруглого крыла Вхутемаса. Церковка эта вдруг как бы на моих глазах исчезла, превратилась в дощатый барак бетонного завода Метростроя, вечно покрытый слоем зеленоватой цементной пыли»¹⁴. Снесли храм в 1934 году после постройки павильона метро. Далее по трассе была исследована территория храма Гребнёвской иконы Божией Матери на углу Лубянской площади. Там располагалась шахта метро № 14. Храм основан в конце XV века и отстроен в камне в конце XVI столетия. Церковь и её территория служили местом упокоения известных русских деятелей культуры: Леонтия Магницкого, Никиты Зотова, Василия Тредиаковского.



(13)

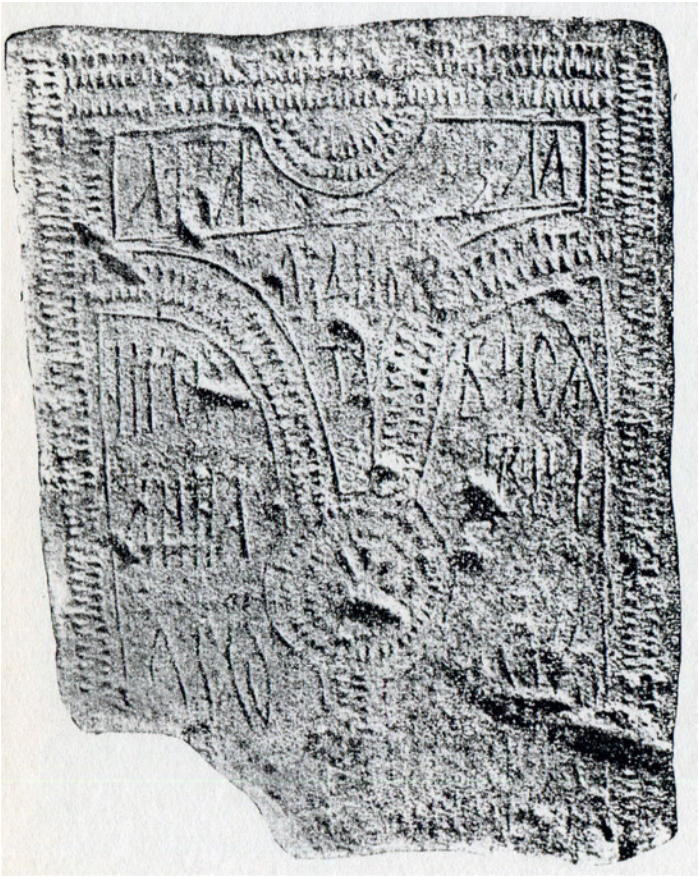
(11) Вид на застройку Театрального проезда до сносов 1934 года.
1 – часовня Св. Пантелеймона, 2 – башня Владимирских ворот стены Китай-города, 3 – стена Китай-города и Троицкая башня, 4 – часовня Владимирской Иконы Божией Матери, 5 – храм Св. Троицы в Старых Полях, 6 – здание аптеки Феррейна, 7 – воротная башня Третьяковского проезда, 8 – памятник первопечатнику Ивану Фёдорову

(12) Разборка прясла Китайгородской стены на Новой площади у храма Св. Иоанна Богослова под Вязом. Фото 1934 года

(13) Вид на территорию строительства метро у Троицких ворот Китай-города. Фото 1934 года

11 Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. С. 76.
12 Там же. С. 80.
13 По трассе первой очереди... С. 103.
14 Катаев В.П. Алмазный мой венец. М., 2024. С. 52, 55.

В процессе археологических работ на церковном некрополе обнаружено некоторое количество белокаменных надгробий с надписями XVII–XVIII веков. Исследованы также фундаменты храма. С 1933 года здание бывшего Гребнёвского храма передано Метрострою под производственные нужды. В 1935 году храм разбирается до основания. Большие объёмы работ производились на площади Дзержинского (Лубянской). Два крупных котлована для устройства шахт метро вырыли рядом с Китайгородской стеной и Владимирской башней. Земляными работами при этом был обнажён ров, проходивший вокруг крепостных стен Китай-города и выкопанный одновременно с их постройкой в 1534 году. В засыпанном рву прослежено несколько горизонтов культурных напластований. Обнаружены также и фрагменты дерево-земляных «болверков», устроенных Петром I вокруг Китайгородской и Кремлёвской крепостей в 1707 году для отражения предполагавшегося нападения на Москву Карла XII. Рвы и земляные петровские укрепления срыты в первой четверти XIX века и стали археологическими артефактами. Весной 1934 года археологи проводили обмеры в подземном ярусе Владимирской башни в связи со строительством 3-й наклонной шахты метро. Здесь было вскрыто большое помещение, засыпанное землёй и мусором. Прослежены бойницы подошвенного боя, белокаменные печуры, полы из известняковых плит. Это исследование дало много новых интересных фактов по строительству и устройству средневекового фортификационного сооружения. Но дальнейшая судьба этого выдающегося крепостного памятника весьма печальна. После реставрационных работ



(14)

1920-х годов, проведённых архитектором Н.Д. Виноградовым почти на всём протяжении стены, на высшем партийном уровне было принято решение о сносе половины Китайгородской крепости. Главной мотивацией было устройство широких транспортных проездов по Старой и Новой площадям и по Театральному проезду. Была от этого и практическая польза в виде стройматериала для Метростроя. Вот строки из дневника Виноградова: «Администрация строящегося метро запросила огромное количество гранитного щебня, для перевозки которого потребовалась бы не менее громадная цифра вагонов <...> Тогда нашлись спецы и дали заключение, что гранитный щебень можно заменить кирпичным, и тотчас загремела Китайгородская стена»¹⁵. Не прошло и нескольких месяцев после археологических обмеров Владимирской башни, как стена стала на глазах таять, превращаясь в груды разбитого камня. Коробков в заключении своей обстоятельной статьи по стене Китай-города в сборнике «По трассе первой очереди Московского метрополитена им. Л.М. Кагановича» 1936 года издания вынужден был написать: «Реконструкция города, исключительно быстрый рост его населения за годы революции и огромное уличное движение вскоре потребовали расширения ряда проездов: так сносятся Иверские ворота, затруднявшие проезд на Красную площадь, Ильинские и Варварские ворота. В 1934 г. выясняется необходимость сноса стены. На месте её теперь одна из основных расширенных магистралей, осуществлённая часть реконструированной Москвы»¹⁶. Ещё одна площадка метростроевских работ функционировала в северном углу Китай-города у Троицкой башни рядом с храмом Св. Троицы в Старых полях. В древности в этом районе Лубянской площади находилось летописное Кучково поле. На его южной окраине был построен храм Св. Троицы, впервые упомянутый в 1493 году. В 1565 году на месте деревянной возведена каменная церковь. «Новый храм Святой Троицы был выстроен из кирпича на белокаменном основании и имел крещатую конструкцию сводов. Завершалась церковь невысоким световым барабаном с уплощённым куполом. Подобный тип храма сложился в Москве в конце XV века под влиянием новгородской архитектуры. Фасады таких, как правило, бесстолпных храмов завершались трифолием»¹⁷. Храм и его территория располагались вплотную к Китайгородской стене. Вокруг церкви до XVIII века существовало приходское кладбище, плотно заставленное надгробиями знатных родов и простых прихожан. В начале XIX века некрополь упразднён, храм перестроен в ампирных формах, а архитектурные детали XVI века скрыты под лаконичным штукатурным покрытием. В 1933 году на участке церкви бурилась шахта метро, связанная со строительством станции «Дзержинская» («Лубянка»). Храм к этому времени лишён прихода, обезглавлен и готовился к сносу. Здесь на разрытиях работала бригада археологов. В процессе наблюдений из культурного слоя некрополя извлечено большое количество человеческого костного материала и несколько белокаменных надгробных плит XVI–XVII веков с надписями. После завершения строительных и исследовательских работ метростроевцы приступили к ликвидации храма



(15)

После завершения раскопок древние кладки храма Св. Троицы подверглись консервации и были музеефицированы in situ. О метрополитене 1930-х годов напоминает лишь большой зарешёченный оголовок вентшахты, расположенный к востоку от белокаменных церковных абсид

(14) Белокаменное надгробие 1522 года, обнаруженное во время строительства наземного павильона метро «Кропоткинская» на месте некрополя храма Сошествия Св. Духа. Иллюстрация из книги «По трассе первой очереди Московского метрополитена имени Л.М. Кагановича». 1936 год

(15) Белокаменное основание XVI в. храма Св. Троицы в Старых Полях. Музеефикация 2000 года. Фото автора, 2000 год

15 Китайгородская стена. Реставрация перед сносом. Автор-составитель Е.Б. Овсянникова. М., 2015. С. 196.
16 По трассе первой очереди... С. 131.
17 Векслер А.Г., Пирогов В.Ю. Церковь Святой Троицы в Старых Полях и стена Китай-города. История застройки участка, археологические исследования и музеефикация // Кадашевские чтения. Сборник докладов конференции. Выпуск VIII. 2011. С. 45–46.
18 Москва. Под ред. Л. Ковалёва. М., 1935. С. 190.
19 Памятники архитектуры в Советском Союзе. Очерки истории архитектурной реставрации. Под общей редакцией доктора архитектуры А.С. Щенкова. М., 2004. С. 82.

и Китайгородской стены, заужавшей в этом месте Театральный проезд. Современники с революционным энтузиазмом описывали эти непоправимые для исторической Москвы сносы: «Незабываема была ночь — канун 7 ноября 1934 года. На глазах исчезала стена, отделяющая Китай-город от города Москвы <...> Мусор стройки, кирпичный и железный лом, стены и углы домов рушились и исчезали, как исчезают театральные декорации. На мостовых и тротуарах стоял изумлённый ночной прохожий <...> он видел, как исчезала стена, которую помнил с детства, как увозили последние обломки белокаменной стены, и открылась перспектива улиц и площадей под неожиданным углом зрения. Но более всего удивлял стремительный темп этих ночных работ, уверенность в том, что утром 7 ноября колонны рабочих районов Москвы впервые пойдут по новой трассе. Это были чудесные московские ночи. Костры иллюминации уже зажигались над крышами зданий <...> И последние грузовики, доверху наполненные щебнем, исчезали в предрассветной мгле»¹⁸. При разборке до основания храма Троицы обнажились его кирпичные архитектурные формы эпохи Ивана Грозного. Выявились трёхлопастное трифолийное завершение фасадов, кокошники у основания барабана главки и другие оригинальные формы. Быстрота сноса не позволила сделать детальные обмеры храма. На пустыре после уборки каменного щебня разбили узкий сквер с кущим архитектурным убранством. На месте храмовой трапезной поставлен памятник первопечатнику Ивану Фёдорову. Но память о снесённой церкви не исчезла. Спустя 65 лет после окончания работ по первой линии метро на этот участок вновь вернулись археологи. Здесь, в 1999 году, начались земляные работы в связи со строительством торгового центра у Третьяковского проезда. Сохранившееся основание храма XVI века расчищалось и исследовалось специалистами под руководством первого Главного археолога Москвы А.Г. Векслера. После завершения раскопок древние кладки храма Св. Троицы подверглись консервации и были музеефицированы in situ. О метрополитене 1930-х годов напоминает лишь большой зарешёченный оголовок вентшахты, расположенный к востоку от белокаменных церковных абсид. Реконструктивные работы в Москве в русле положений нового Генплана города, конечно, больно ударили по сохранности исторической и храмовой застройке столицы. «В 1934 г. в связи со строительством метрополитена предполагался снос 54 памятников, из которых 30 действительно были снесены»¹⁹. Но в то же время тогда активно проявили себя археологи, впервые исследовавшие так подробно культурный слой Москвы на больших участках. В этот героический и трагический период грандиозных строек и сносов была апробирована система планомерного археологического изучения древнего города, что продолжилось и на прокладке второй очереди метро 1935–1938 годов. На фундаменте работ этих археологических раскопок возникла современная археологическая служба в системе охраны объектов культурного наследия Москвы.



стр. 98



стр. 114

разное

4

часть

На заре отечественной журналистики, Н.М. Карамзин учредил в своих журналах раздел «Смесь». Сегодня более уместно «Разное». Но как и в XVIII и XIX веках самый неформальный раздел готовит нам, пожалуй, самое интересное: поворот темы, перевод из иностранного источника, сообщение о юбилее, предложение о визите, рецензия на выставку, обзор книги и другое.



стр. 108



Михаил Коробко, историк

Полёт над Москвой дачной

Дача — это философия и близость к природе. Здесь всё очень просто и сложно одновременно, здесь можно то, чего нельзя себе позволить в городе, но, с другой стороны, существуют свои неписанные правила жизни и поведения. Феномен дачи конца XIX — начала XX века в культуре России обусловил превращение её в устойчивый элемент жизненного уклада, не умирающий и по сей день.

Первые дачи и дачники

Параллельно с усадьбами, в которых велась крупная сельскохозяйственная деятельность, вокруг Москвы между ними и границами городских выгонных земель находились небольшие владельческие усадьбы, находившиеся вне крестьянских поселений, обычно без приходских храмов, являвшиеся для своих владельцев исключительно местом летнего отдыха, с сельским хозяйством, носящим декоративный характер и направленным исключительно на поддержание жизни в усадьбе, а не на извлечение прибыли. Как правило, такие усадьбы называли дачами. В частности, именно это делала знаменитая «бабушка» Е.П. Янькова¹. Зачастую термин «дача» находил отражение в топонимике этих усадеб: Мамонова дача (Васильевское),

Бекетова дача у Симонова монастыря, Канатчикова дача (Худеницы) и др. Отметим, что среди владельцев этой категории усадеб в дореформенный период достаточно много купцов. Это объясняется тем, что они не имели права владения крепостными крестьянами, а в составе дач не было крестьянских поселений. Нельзя не отметить, что «дача» — это очень многозначный термин. Именно поэтому зачастую он используется бездумно даже специалистами. Первоначально это слово обозначало участок земли, либо принадлежавший государству, либо полученный дворянином за службу или приобретённый им, то есть тот, который дали. Также дачами могли называться отдельные земельные владения, занятые лесом, как правило, не имевшие крестьян-

ских поселений в своём составе, по крайней мере первоначально. С XVIII века дачами стали называть наёмные места летнего отдыха. Первыми дачами в этом понимании стали усадьбы Свиблово (Свирлово) и Леоново, нанятые женившимся на дочери Петра I Анне голштинским герцогом Карлом-Фридрихом Гольштейн-Готторпским и его приближёнными в 1722 году. Их и можно считать первыми подмосковными дачниками². В свою очередь небольшие пригородные усадьбы для своих владельцев де факто были собственными местами летнего отдыха. С другой стороны, одной из их доходных статей оказалась сдача помещений на лето тем, кто не имел усадеб рядом с Москвой, но по служебным обязанностям должен был бывать в городе.



Кузьминки. Господский дом усадьбы, сдававшийся под дачи. Нач. XX века. ГНИМА им. А.В. Щусева

1 Янькова Е.П. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные её внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 163.
2 Коробко М.Ю. Усадебная терминология XVIII — начала XX века (опыт комплексного анализа на материалах Московской губернии) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2025. № 3 (125). С. 164–165.
3 Коробко М.Ю. Усадьба Воронцово. М., 2018. С. 18.
4 РГИА. Ф. 1149. Оп. 3. Д. 55.
5 Узкое и его окрестности в протоколах комиссии «Старая Москва» // Коробко М.Ю. Усадьба Узкое: историко-культурный комплекс XVII–XX веков. М., 1996. С. 152–153.
6 М[ежеви]ч В.[С.] Петербургские и московские дачи // Северная пчела. 1842. 18 августа. № 182. С. 727.

В частности, в начале XIX века в один из первых подмосковных дачных посёлков московской элиты, который действовал до Отечественной войны 1812 года, превратилась усадьба княгини А.Н. Волконской Воронцово. В ней почти все здания использовались как наёмные дачи. Объяснялось это тем, что владелица в усадьбе не жила, поскольку её муж был Оренбургским военным губернатором³.

Становление дачных местностей
После войны вокруг Москвы началось строительство собственных дач — небольших усадеб, предназначенных только для летнего отдыха, на государственных землях и Удельного ведомства, которые можно было арендовать. В 1826 году Сокольниковская слободка (Сокольники) была передана

Экспедиции Кремли́вского строения, и в ней началась продажа участков под такие дачи. В 1834 году по сто-ронам Санкт-Петербургского шоссе между Тверской заставой и Петровским парком были нарезаны участки под строительство дач. В середине XIX века аналогичным образом начали формироваться дачные посёлки в Богородском, Измайлове (Измайловский зверинец) и Царицыне. Важной вехой в развитии подмосковных дачных местностей стало утверждённое Николаем I мнение Государственного Совета 1847 года «О раздаче в окрестностях столиц пустующих земель под устройство дач на сроки до тридцати лет»⁴. Землю под эти дачи разрешалось выделять в двадцатипятивёрстных зонах вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Таким образом вокруг Москвы появились дачные местности, расцвет которых приходится на пореформенное время. Параллельно шло развитие наёмных дач, устраиваемых в том числе и в пригородных усадьбах. Одним из его факторов был рост Московского университета и привлечение в него в качестве сотрудников и студентов значительного числа разночинной интеллигенции, которая, как правило, не имела своих усадеб в окрестностях Москвы. Поэтому в середине XIX века наёмной университетской дачей являлся господский дом усадьбы Зюзино, который нанимали для студентов каждое лето⁵. Журналист В.С. Межевич в 1843 году заметил, что «Слово дача, в значении летнего загородного жилища, есть, можно сказать, почти исключительный термин Петербурга. Москва усвоила его от северной столицы, и то в недавнее время. Наши провинциальные города пока ещё дач не знают»⁶. По свидетельству другого очевидца, писателя К.А. Полевого, относящемуся к 1845 году, дачная жизнь в окрестностях Москвы уже тогда была достаточно значительной: «До французов иметь дачу казалось недостижимым блаженством богатства, и того почли бы беспутным мотом, кто вздумал бы завести себе дачу; полагали, что только Шереметевы, Голицыны и подобные им бояре могут иметь загородные дома. Теперь, напротив, учителя, чиновники, небогатые

купцы — все имеют дачи или нанимают их на лето»⁷.

Дачи и загородные дворы
Примерно в середине XIX века термин «дача» был перенесён и на загородные дворы — небольшие усадьбы, находившиеся между камер-коллежским валом и границами городского выгона. В отличие от Санкт-Петербурга, в Москве, благодаря сохранению исторической радиально-кольцевой планировки, в основе своей дошедшей до нашего времени, загородные дворы и пригородные дачи очень чётко различали⁸. Так, известная «бабушка» Е.П. Янькова, заставшая екатерининскую эпоху и дожившая до крестьянской реформы, что придаёт особую значимость ей как очевидцу, отдельно выделяла загородные дворы в окрестностях Москвы, отличая их от дач: «Летом обыкновенно все дворяне живали у себя по именьям, конечно исключая тех, которые будучи при дворе или по службе, не могли отлучиться из города и потому у многих богатых бар были не дачи, а загородные дворы в отдалённых частях Москвы, вошедших потом в состав города»⁹. Однако для князя А. Чарторижского применительно к Санкт-Петербургской губернии оба эти понятия являлись синонимами: «Петербургское общество проводит лето на дачах, в окрестностях Петербурга. Каждый вельможа имеет свой загородный дом и переносит туда всю пышность своей городской жизни»¹⁰. Как видим, для московского региона «загородный двор» первоначально был не синонимом «дачи», а самостоятельным усадебным типом. Типологически такие усадьбы сходны с «дачами», но, в отличие от них, не отнесены на достаточное расстояние от города. Соответственно менее значительно хозяйство, которое велось в них. При этом загородные дворы могли занимать достаточно крупные территории и даже иметь собственные названия. Например, именно загородными дворами были усадьбы Гороховый двор, Нескучное, Студенец (Трёхгорное) и др. По мере роста города загородные дворы, расположенные в ближних окрестностях Москвы и опоясывавшие кольцом город, оказались включены в городскую чер-

ту и если уцелели, то превратились в городские особняки или оказались на новых, зачастую не слишком презентабельных московских окраинах, что способствовало смене хозяев этих владений. Традиция называть загородные дворы дачами началась с загородного двора графини А.Ф. Закревской Студенец (Трёхгорное). Это владение начали называть по её мужу, московскому генерал-губернатору графу А.А. Закревскому, «дача Закревского», благодаря устраиваемым им в Студенце праздникам для москвичей. Как сообщал московский бытописатель М.И. Пыляев, рассказывая о Студенце: «Слово “загородный дом” тогда состарилось для москвичей, его начали заменять словом “дача”. Вот отчего переименованное “Трёхгорное” в “Закревского дачу” стало привлекать всех москвичей в это имение. Граф гостеприимно открыл для всех двери, и все другие загородные гульбища были брошены, опустели»¹¹.

Расцвет дачной жизни
Поскольку в пореформенное время абсолютно все постройки, используемые для летней жизни, тоже стали называться дачами, то «дача» превратилась в универсальный термин, обозначающий собственное или наёмное место летнего отдыха. Тогда дачи в ближних окрестностях Москвы стали строить и крестьяне. Они предназначались для сдачи внаём. Дружившие между собой семьи Соловьёвых и Лопатиных в начале 1860-х годов на таких дачах проводили летние месяцы в подмосковной местности Покровское-Стрешнево (Покровское-Глебово). Судя по воспоминаниям Е.М. Лопатиной (К. Ельцовой), они хотя и были непрезентабельными, но зато дешёвыми и потому пользовались популярностью: «Под Москвой, за Петровским парком, в чудесной местности, с лесами, обрывом над рекой, прудами, старинным барским домом и церковью, расположено Покровское — имение в то время Глебова-Стрешнева, безногого старика, которого возили в кресле. На большой дороге, впоследствии шоссе, называвшемся Ильинским, по имени государя верстах в десяти, стоял длинный порядок плохоньких деревянных дач с палисадниками про-



(2)



(3)



(4)

(2) Мамонова дача. Нач. 1910-х годов. ГНИМА им. А.В. Щусева

(3) Бекетова дача (Вид дома Платона Петровича Бекетова на берегу Москвы-реки за Симоновым монастырём в конце Слободки, снятый с юго-западной стороны). Неизвестный художник. Литография. 1830-е годы. ГНИМА им. А.В. Щусева

(4) Усадьба Свиблово. Фото автора, 2009 год

тив рва и вала, огибавшего парк усадьбы. На “задах” были избы владельцев дач — мужиков, живших этими дачами. Мы перебирались с весны до конца августа, и так как это длилось много лет сряду, то Покровское стало для нас, детей, чем-то вроде собственной “деревни”»¹². Наряду с крестьянскими дачами в Покровском-Стрешневе существовали и дачи в усадьбе. Те же Лопатины в конце концов променяли крестьянские дачи на усадебные. Позднее, когда философ В.С. Соловьёв заезжал в Покровское к Лопатиным, они занимали дом, находившийся уже в другом месте, в глубине усадебного парка, — так называемую Берсову дачу, на которую в молодости ездил Л.Н. Толстой к своей невесте. Бурное развитие общественного транспорта и потребность в дачной жизни в пореформенное время сделало более выгодным превращение многих ближних подмосковных усадеб в дачные местности вместо ведения традиционного сельского хозяйства. Серьёзным фактором развития дачной жизни и превращения усадеб в дачи оказалось строительство железных дорог. Благодаря этому фактору количество дач в усадьбах стало увеличиваться не только в ближайших окрестностях города, но и на окраинах Московского уезда: Джамгаровка, Кузьминки, Лианозово, Леоново, Лосиноостровская, Перово, Чухлинка и другие. Создание Петровской сельскохозяйственной академии в Петровско-Разумовском в 1865 году способствовало развитию этой местности и её окрестностей как дачных. Благодаря железным дорогам, на рубеже XIX–XX веков дачные местности возникли даже при усадьбах, расположенных за пределами Московского уезда: например, в Бутово, которое находилось уже в Подольском уезде. Некоторые дачные места, устроенные в пригородных усадьбах, — Воронцово, вернувшее себе статус дачной местности в пореформенное время, Кузьминки, Петровский парк, Черёмушки-Знаменское и др. — были связаны с городом или ближайшими железнодорожными станциями линейным сообщением: в них регулярно ходили линейки или omnibusы — запряжённые двумя

лошадьми экипажи, рассчитанные на 10–14 пассажиров, сидевших на двух скамьях спина к спине. С 1899 года на дачи Петровского парка можно было добраться на трамвае. В Сокольники ходила конка, впоследствии заменённая трамваем. С 1907–1908 годов в Измайловский зверинец, Покровское-Стрешнево и Останкино от московских застав ходили частные автобусы¹³. Установление регулярного сообщения свидетельствует о популярности соответствующих дачных мест, способствуя приезду в них как самих дачников, так и их гостей, а также и их возвращению в город. Ряд родовых усадеб формально дачами не являлись, но по сути в пореформенное время они приобрели характер больших собственных семейных дач для своих владельцев, их родственников и друзей: Остафьево, Михайловское, Узкое, Ясенево и др. Если в начале пореформенного времени обычно под дачи приспособляли существующие усадебные постройки, то в конце XIX — начале XX века ряд владельцев крупных усадеб, в основном коммерсантов, предпочитали идти по другому пути: оставив усадьбу за собой, использовать под дачи удалённую от неё свободную территорию, то есть образовать отдельные дачные посёлки. Недалеко от Кускова возникла Шереметевка, кроме дач, сдававшихся непосредственно в Люблине, западнее усадьбы был основан дачный посёлок, получивший название Новый, дачный посёлок Бутово возник недалеко от одноимённой усадьбы и т. п. В 1902 году в центре Москвы «...в Большой Московской гостинице состоялось заседание общества “восьмисот-рублёвых” помещиков, решивших приобрести в собственность на паях имение г[осподина] Лианозова — в 12 верстах от Москвы, по Савёловской железной дороге. В этом имении всего около 200 десятин; разделённых на 230 участков, по 800 рублей каждый... Каждому владельцу разрешено строить на своём участке не более двух дач. При имении находится прекрасный лес и пруд»¹⁴. Сделка владельца Алтуфьева нефтепромышленника Г.М. Лианозова с «восьмисотрублёвыми помещиками», среди которых преобладали



(5) Вид усадьбы Леоново. Неизвестный художник. Рисунок. 1-я четверть XIX века. Государственный дворцово-парковый музей-заповедник «Останкино и Кусково»

7 П[олево́й] К. [А.] Москва // Библиотека для чтения. 1845. Т. LXXIII. Ч. 2. С. 100.

8 Сытин П.В. История планировки и застройки Москвы: Материалы и исследования. (Труды Музея истории и реконструкции Москвы). Т. II. М., 1954. С. 404.

9 Янькова Е.П. Указ. соч. С. 163.

10 Чарторижский А. Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 63.

11 Пыляев М.И. Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 293–294.

12 Ельцова К. Сны нездешние (к 25-летию кончины В.С. Соловьёва) // Современные записки. 1926. № XXVIII. С. 227.

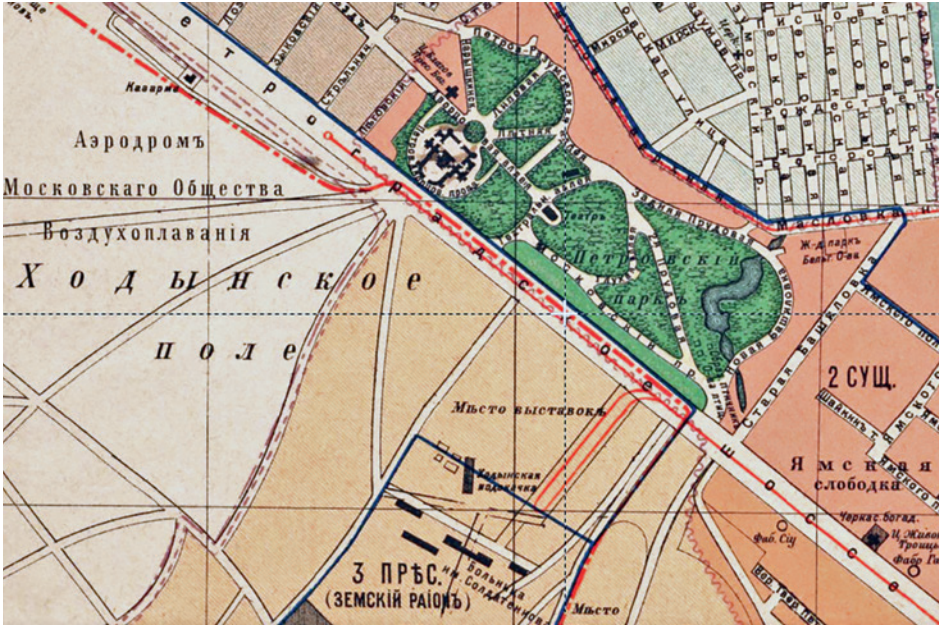
13 Автомобильное сообщение в Москве // Искры. 1907. № 30. С. 239; Тархов С.А. История транспорта Москвы // Москва. Наука и культура в зеркале веков. Все тайны столицы. М., 2014. С. 160–292.

14 Общество «восьмисот-рублёвых» помещиков // Московский листок. 1902. 15 октября.



(6)

лица «интеллигентных профессий», состоялась в 1903 году. Тогда же на месте вырубленного леса юго-западнее усадьбы Алтуфьево началось строительство дачного посёлка, получившего название Лианозово. Так как на каждом участке было разрешено строить не более двух дач, то состоятельные лица старались приобрести несколько участков. За короткое время в Лианозове выстроили около сотни дач в стиле модерн, которые охотно заселили семьи московских предпринимателей, а также некоторых представителей интеллигенции. Рядом с посёлком немного позже возникла железнодорожная платформа Лианозово (до её строительства дачники пользовались платформой Бескудниково). Господский дом усадьбы Алтуфьево стал называться «общественным домом» посёлка Лианозово. Одним из наиболее ярких и благоустроенных дачных посёлков был посёлок Новогиреево при усадьбе Гиреево, в котором были водопровод, канализация и своя конная железная дорога, проложенная от платформы к центру посёлка — уникальное явление для дачных поселений того времени¹⁵.



(7)

(6) Портрет герцога Голштейн-Готторпского Карла Фридриха. Неизвестный художник. 1720-е годы. Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим»

(7) Петровский парк. Фрагмент карты Москвы 1915 года. Частное собрание

(8) Петровский парк. 1903 год. Из журнала «Московский листок». Частное собрание

(9) Дачи в Царицыне. Кон. XIX — нач. XX века. Частное собрание

(10) Портрет графа А.А. Закревского. Ж. Шевалье. Литография с оригинала Р. Жуковского. Ок. 1848 года. ГМИИ им. А.С. Пушкина

(11) Остафьево. Господский дом усадьбы. Нач. XX века. Открытка. Частное собрание

15 Описание вновь устроенного пригородного посёлка «Новогиреево» Московской губернии и уезда, близ станции «Кусково», Нижегородской ж[елезной] д[ороги] владения Александра Ивановича Торлецкого. М., 1906.
16 Лианозовские вести // Вестник посёлка Лианозово. 1908. № 2. С. 3.



(8)



(9)

Дачная жизнь уравнивала всех, твоим соседом мог оказаться кто угодно: отставной солдат, купец, студент, курсистка, офицер, чиновник, университетский профессор...

посёлков и местностей. Также в Лианозове стало действовать и потребительское общество, занявшееся снабжением его жителей продуктами¹⁶. Свои периодические издания имели и некоторые другие общества благоустройства, в частности Лосиноостровское, выпускавшее журнал «Лосиноостровский вестник». Общие проблемы подмосковных обществ благоустройства привели к созданию у них Постоянного Совета. Периодически стали собираться общие съезды представителей обществ, как и отдельные съезды каждого общества. Так, первый съезд Лианозовского общества благоустройства посёлка Лианозово состоялся в феврале 1909 года. Тогда на нём присутствовали 91 делегат и 26 гостей. Председателем Общества был избран член правления Российского союза торговцев и промышленников статский советник К.Н. Валерьянов. Товарищами председателя, то есть его заместителями, стали Д.С. Померанцев и детский писатель Н.В. Тулупов, редактировавший журнал «Для народного учителя».

Дачная жизнь
Дачная жизнь уравнивала всех, твоим соседом мог оказаться кто угодно: отставной солдат, купец, студент, курсистка, офицер, чиновник, университетский профессор... Чтобы жить в Подмоскowie на наёмной даче с конца апреля — середины мая по вторую половину августа — сентябрь в пореформенное время, не требовалось быть очень состоятельным человеком. Служащий средней руки вполне мог позволить себе и своей семье такое удовольствие. Дача, стоившая за сезон 250 рублей, считалась очень роскошной и дорогой. Для сравнения: в те годы чернорабочий зарабатывал 30 рублей в месяц, полицейский получал жалованье в размере 40 рублей, дипломированным инженерам платили 120 рублей. В стоимость дачи входил не только сам жилой дом — непосредственно дача, в котором жили, но и кухня, и ледник рядом с нею для продуктов, и сарай, в котором хранились дрова для отопления в холодную погоду, как правило, в апреле-мае и сентябре. Тогда врачи советовали находиться на



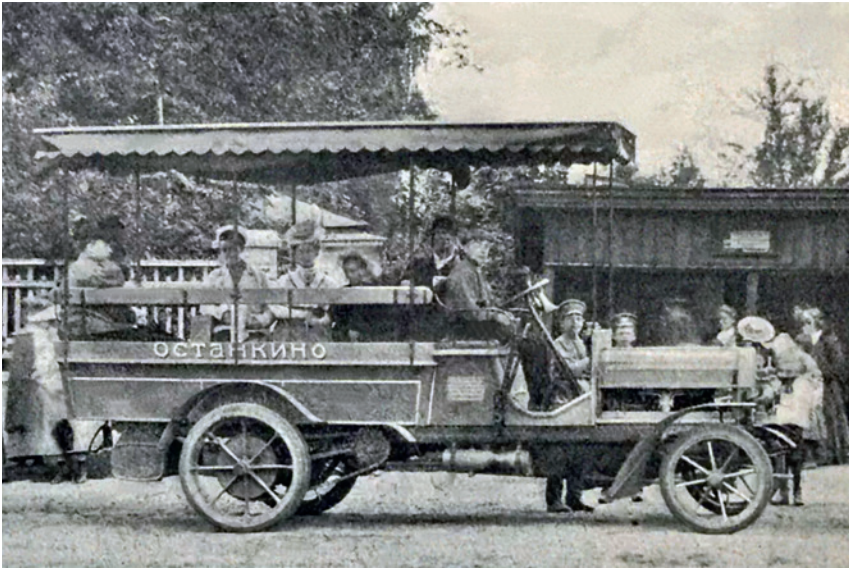
(10)



(11)



(12)



(13)

Центром любой дачной местности и её главным планировочным элементом обычно был «круг» — большая круглая площадка в центре посёлка или у железнодорожной станции, где по вечерам собирались самые активные представители дачного населения

даче как можно дольше и возвращаться в Москву только с первыми продолжительными холодами. На стоимость дач влияли разные факторы, в том числе цены на железнодорожные билеты. Их повышение в 1909 году привело к тому, что цены на дачи стали падать, поскольку очень многие дачники ездили каждый день в Москву на службу. Поэтому подешевели все дачи, к которым нужно было добираться по железной дороге: в Косине, Кускове, Перове и др. «Жизнь в Москве настолько тяжела для людей с малым и средним достатком, что никакая погода не удержала бы их в мае месяце в городе. Нашлась причина более серьёзная: увеличение железнодорожного тарифа. Когда вместо 17 коп[еек] за проезд приходится платить 33 к[опейки] — задумаешься. Для человека, живущего исключительно личным заработком, 20–50 коп[еек] в день играют роль. Дачевладельцы это великолепно поняли и ещё задолго до того, как определилась погода, понизили цены на дачи. В живописной

местности на 17-й версте по Брянской дороге дачи, которые ходили прежде по 180 и 250 руб[лей], теперь предлагаются по 150 и 200 р[ублей]»¹⁷, — писала газета «Голос Москвы».

Дачные развлечения

Несмотря на традиционные жалобы дачников на летнюю скуку, развлечений у них было достаточно. Центром любой дачной местности и её главным планировочным элементом обычно был «круг» — большая круглая площадка в центре посёлка или у железнодорожной станции, где по вечерам собирались самые активные представители дачного населения, преимущественно молодёжь. Так было в Богородском, Вешняках, Сокольниках... На кругу была эстрада, на которой выступали заезжие артисты и музыканты, театральные труппы. Некоторые постановки делались своими силами. Как правило, на представлениях почти всегда был аншлаг. Там же устраивались и дачные балы.

(12) Линейка из Москвы в Кузьминки. В.А. Серов. 1892 год. ГРМ

(13) Рейсовый автобус в Останкине. 1907 год. Из журнала «Искры». Частное собрание

- 17 Цит. по изд.: Коробко М.Ю. *Дачи и господа* // «Бизнес ВО» (журнал Префектуры Восточного округа г. Москвы). 2009. № 6. С. 40.
- 18 **Московская хроника** // Московские церковные ведомости. 1883. № 22. С. 208.
- 19 **ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 179. Оп. 52. Д. 290.**
- 20 **Гаранин М. Парк «Сокольники».** М., 2014.
- 21 **ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 54. Оп. 155. Д. 323.**

Чрезвычайно популярными были балы в Богородском, куда приезжали гости не только из соседних посёлков, но и из самой столицы. Как свидетельствует один из современников, отправиться в Богородское, протанцевать там часть ночи и, как ни в чём не бывало, возвращаться пешком — считалось делом вполне обыкновенным. Все расходы по устройению таких вечеров дачники брали на себя, объявляя на них подписку. Самый известный и посещаемый круг был в парке в Сокольниках, называвшийся Сокольниковим кругом. В центре его стоял большой павильон с концертным залом, выстроенный к коронации Александра III в 1883 году по проекту архитектора Д.Н. Чичагова. Поводом для строительства павильона стала не сама коронация как таковая, а двухсотлетие со дня формирования знаменитых гвардейских полков — Преображенского и Семёновского, — которое по времени почти совпало с коронованием и было включено в программу коронационных праздников¹⁸. Павильон имел большой бельведер, завершавшийся луковичным куполом (на нём в праздники поднимали трёхцветный флаг), и был декорирован кокошниками по периметру. Примыкавшая к нему одноэтажная галерея также была трактована в псевдорусском стиле. В отделке интерьеров павильона принимал участие другой известный архитектор — А.С. Каминский. Круглый план павильона способствовал тому, что термин «круг» стали соотносить и с ним. Здесь за умеренную плату давались не только серьёзные концерты, но ставились иногда целые оперы русских классиков, устраивались балы, по средам и воскресеньям играл военный оркестр, проходили спектакли, танцевальные вечера и концерты, выступали как оркестры, так и отдельные музыканты и певцы¹⁹, среди них знаменитые: А.В. Нежданова, Л.В. Собинов и Ф.И. Шаляпин. 20 июля 1901 года на кругу в Сокольниках был устроен бенефис дирижёра Н.Р. Кочетова. В 1908 и 1910–1911 годах дирижёром летних симфонических концертов на кругу был К.С. Сараджев (Сараджянц), впоследствии народный артист Армянской ССР. Он охотно исполнял но-

винки русской и западноевропейской музыки. 7 августа 1912 года здесь же был исполнен Первый фортепианный концерт С.С. Прокофьева²⁰. С Сокольниками соперничали дачные театры в Богородском. Там их было два. Первый театр возник в конце 1870-х годов. Тогда местный кружок любителей драматического искусства «Почин» под руководством Р.Р. Вейхеля стал давать спектакли на даче жены подпоручика А.З. Ляховой (впоследствии по второму мужу Ивковой). Пик деятельности Богородского театра приходится на начало 1880-х — середину 1890-х годов, когда здесь стабильно работал Р.Р. Вейхель. Подбор исполнителей был безупречен, приглашались звёзды первой величины — например, выдающиеся актёры Ф.П. Горев и Н.П. Рошин-Инсаров. Последний особенно часто появлялся на местной сцене, его богородские бенефисы неизменно становились крупными событиями культурной жизни Москвы. В 1880-х годах в Богородском несколько раз выступал В.П. Далматов. Не раз выходил на сцену в Богородском и М.В. Лентовский, прославленный московский антрепренёр и актёр. В 1900 году к летнему театру на кругу в Богородском было подведено электрическое освещение. В 1901–1902 годах в Богородском был выстроен второй летний театр по проекту архитектора П.М. Самарина по заказу купца А.О. Медведского, которого впоследствии сменил его сын В.А. Медведский. На этом же участке кроме театра находились буфет, открытые террасы, бильярдная, тир, кегельбан, эстрада для музыкантов и сарай для динамомшины, благодаря которой работало электрическое освещение. В ночь с 6 на 7 сентября 1904 года театр и буфет сгорели и были отстроены заново по старым проектам к весне 1905 года²¹. Впоследствии этот Богородский театр получил название «Националь». Заметно выделялся и Перовский театр Общества дачников Перова, Шереметевки и Чухлинки. Среди его постановок была одна из первых сценических интерпретаций «Преступления и наказания», поставленная В.Н. Андреевым-Бурлаком. А каждую неделю игрались детские спектакли



(14)



(15)

(14) Круг в Сокольниках. Нач. XX века. Открытка. Частное собрание

(15) Вестник посёлка Лианозово. 1913. № 7 (первая страница). Частное собрание



(16)

и по воскресеньям для детей устраи-
вались балы, поэтому этот театр так
и назывался — Семейным²².
Существовал свой дачный театр
и в Кускове. Антрепризу здесь одно
время держал С.И. Зимин, впослед-
ствии хозяин Московской частной
оперы²³. Поэтому в 1903 году, напри-
мер, и в печати, и в театральных кру-
гах Москвы весьма лестно отзывались
об этом театре.
Свой театр был и в Новогирееве,
называвшийся театром Спортивного
общества. В нём в 1912 году шла пере-
водная с немецкого комедия «Генрих
Гейне», поставленная режиссёром
А.А. Тольским²⁴.
Помимо спектаклей постоянных дач-
ных театров есть уникальные приме-
ры дачных постановок «на вольном
воздухе», сделанные для дачников
и москвичей. Так, в июне 1913 года
в Сокольниках на большой поляне
неподалёку от Ширяева поля театр
под открытым небом «Романтики»
дал спектакль «Потонувший колокол»
по сказке Г. Гауптмана. Его зрителями
было более 6 тысяч человек. К сожа-
лению, несмотря на грандиозный успех,
театр вскоре распался.
Именно в дачных театрах публика
впервые знакомилась со многими теа-
тральными новинками. С другой сто-
роны, в погоне за зрителями театрам
приходилось постоянно обновлять
репертуар, что не могло не сказаться
на качестве и привлекать далеко не



(17)

лучших актёров, в расчёте на невзы-
скательность дачной публики²⁵.
Так, для привлечения дачников в не-
которых дачных местностях, в частно-
сти в Богородском, Петровском парке,
Сокольниках, Кускове и др., были
трактиры и рестораны, что свидетель-
ствует об их популярности и зажиточ-
ности дачной публики.
Автором проекта кусковского ре-
сторана, сооружённого по заказу
владельца Кускова графа С.Д. Ше-
реметева, был архитектор Н.В. Сул-
танов, работавший в усадьбе. Начи-
ная с 1883 года из приобретённого
деревянного дома в селе Успенское
он создал новые парковые построй-
ки: ресторан с галереей для публики,
беседку для музыкантов, вокзал для
танцев, впоследствии перестроенный
в дачу. Кроме того, при ресторане
в саду в 1885 году им была сооружена
«новая танцевальная зала»²⁶.
В Богородском работало четыре
ресторана, где звучала «живая му-
зыка» балалаечников и гитаристов
и развлекали посетителей «электри-
ческие оркестрионы». Кроме того,
при Богородском театре «Националь»
имелись кегельбан, бильярд и буфет,
а с 1913 года ещё и синемаграф, обо-
рудованный первоклассным по тем
временам аппаратом фирмы «Патэ».
Одной из примет дачных местностей
были большие водоёмы, в которых
днём купались дачники, ведь без лет-
него купания дача — не дача. В Коси-



(18)

(16) Театр «Фантазия»
в Петровском парке. 1892 год.
Из журнала «Московский
листок». Частное собрание

(17) Обложка «Спутника
дачника». 1902 год. Частное
собрание

(18) Театр А.О. Медведского
в Богородском. 1904 год.
Открытка. Частное собрание

22 Бессонов В.А. Дачная
Мельпомена // Московский
журнал. 2000. № 9. С. 50–54.
23 Зимин С.И. // Изве-
стия. 1923. 26 апреля. № 91.
С. 16.
24 Новогиреево // Ком-
мерсант. 1912. 18 мая. № 805.
С. 3.
25 Коробко М.Ю. Дачи
и господа. С. 39–42.
26 РГАЛИ. Ф. 2428. Оп. 1.
Д. 39. Л. 3, 13 об.—14 об.
27 Калянов Г. Московская
футбольная лига. 1910–1922.
М., 2014.

не, Кускове, Перове, Черкизове и др.
местностях пруды были оборудованы
купальнями. Так тогда назывались
длинные платформы с бортами, с ко-
торых шли лестницы в воду, ограни-
ченную параметрами купальни, ко-
торая, по сути, была как бы водоёмом
в водоёме. Едва ли не единственным
дачным местом, где не было купания,
осталось Богородское.
Достаточно распространены на дачах
были игры. Помимо традиционных
настольных игр, в том числе шашек,
шахмат, домино и лото, пользовались
особой любовью крокет и лаун-теннис.
В Новогирееве, где было своё Спор-
тивное общество, активно практико-
вался футбол. Также свой футбольный
кружок был и в Сокольниках²⁷.
На рубеже XIX–XX веков стал входить
в моду велосипед, поэтому отдельные
дачники устраивали велосипедные
прогулки. Правда безобидные ве-
лосипедисты или, по-тогдашнему,
циклисты зачастую вызывали агрес-
сию. Особенное же возмущение
степенных дачных граждан вызывал
чрезмерно, по понятиям того времени,
обтягивающий наряд велосипедистов.
Немногие смелые дамы-циклистки,
сменившие юбку на штаны, вызывали
ещё большее негодование.

**Закат ближнемосковской дачной
жизни**
После Октябрьского переворота
многие дачи в окрестных местностях
были муниципализированы. Среди
них были и по терминологии тех лет
так называемые «дачи барского типа»,
то есть оборудованные удобствами
(водопровод, ванна, электричество,
отопление) со служебными построй-
ками (конюшня, гараж), с садами и т. д.
Кроме того, муниципализировали
и дачи, владельцы которых эмигриро-
вали и находились неизвестно где.
Жилищный кризис в Москве способ-
ствовал изменению функций при-
городных дачных местностей. Они
постепенно превращались в места
расселения москвичей, которым ока-
залось негде жить в городе. Поэтому
стали возникать новые дачные посёл-
ки: Сокол, посёлок им. Ю. Ларина и др.
Реконструкция Москвы 1930–х годов
с расширением Тверской улицы,
получившей имя Горького, привела
к тому, что многие жители, чьи дома

предполагалось снести, из центра
города переезжали в его окрестности.
В частности, за счёт именно этого
увеличились дачные посёлки Бутово
и Кузьминки (Новые Кузьминки).
Кардинальное изменение границ
города в XX веке, самым значимым из
которых было объявление его грани-
цей в 1960 году строящуюся Москов-
скую кольцевую автодорогу, привело
к тому, что большая часть территории
бывшего Московского уезда вошла
в его состав вместе со всеми населён-
ными пунктами, в том числе дачными
местностями. Поэтому в одночасье
в городе появилось много магистра-
лей, носивших одинаковые названия
и расположенных в самых разных
концах города. Бесчисленные улицы
Ленина, Горького, Пушкина и т. п.
вносили путаницу в сложившуюся го-
родскую топонимию, что потребовало
серии очередных переименований.
Постепенно многие обветшавшие
дачи в черте Москвы были снесены,
а их жители переселены в совре-
менные многоквартирные дома. Тем
не менее ряд дач в черте Москвы
сохранился и имеет статус объектов
культурного наследия. Больше всего
таких дач уцелело в Сокольниках:
дача А.В. Ананьевой (Лучевой 6-й
просек, д. 19, стр. 2), дача Ляминых
(Лучевой 6-й просек, д. 21, стр. 8, 11, 15,
25), дача А.Я. Перловой (Поперечный
просек, д. 17, стр. 19), дача М.А. Сиро-
тининой (Поперечный просек, д. 35),
дача И.Я. Тестова (Тихоновская ул.,
д. 18, стр. 1), дача М.П. Хлебниковой
(Лучевой 5-й просек, д. 16, стр. 1), дача
П.В. Цигель (5-й лучевой просек, 14). От
бывшего дачного посёлка Новогире-
ево уцелела дача владельца керамиче-
ского завода и одного из основателей
местного Спортивного общества
Ю.Ю. Вюрта (Союзный проспект,
д. 15А), ныне одно из построек музея
наивного искусства. Здания, исполь-
зовавшиеся под дачи, сохранились
в усадьбе Воронцово. Как ни странно,
уцелела и планировка дачных посёл-
ков Лианозово и Новогиреево. Правда
теперь вдоль старинных улиц стоят не
дачи, а современные многоквартир-
ные дома. Дачная Москва ещё жива,
пусть сильно сократилась и стала
гораздо менее очевидной!

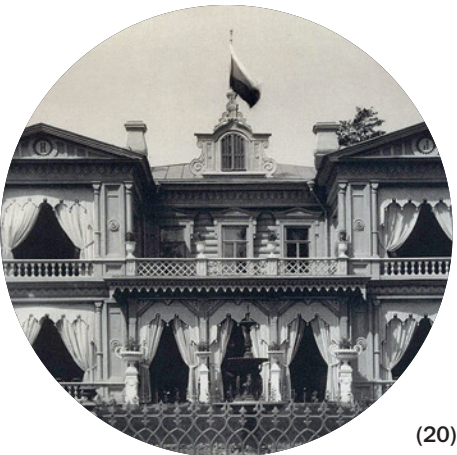
(19) Сокольники Дача И.А. Лямина.
Флигель и водонапорная башня.
Фото автора, 2010 год

(20) Сокольники Дача И.А. Лямина.
Господский дом. Кон. XIX — нач.
XX века. Частное собрание

(21) Сокольники Дача И.А. Лямина.
Господский дом. Фото автора,
2010 год



(19)



(20)



(21)

Михаил Тренихин, кандидат искусствоведения

Музеи истории района. Внуково



Модель стендовая самолёта PS-84.
Автор В.К. Ратников. 2025 год.
*Все фото, кроме особо указанной:
М. Тренихин, 2025 год*

25 августа 2018 года в Культурном центре «Внуково» открылся государственный Музей истории района Внуково. И музей, и окружение его — это то, что можно называть правильным краеведением. Это особенно важно для районов Москвы, отдалённых от доступа в центральные музеи. Нет, конечно, такие учреждения не заменят ГТГ и ГМИИ им. А.С. Пушкина. Но и задачи такой нет. А вот рассказывать о районе международного аэропорта, его истории, его персонажах — правильно и необходимо.

И тут (отметим это особенно), на наш взгляд, и внешний облик станции метро «Внуково» способствует, и даже детские площадки с образами (пусть обобщёнными, но узнаваемыми) первых реактивных МИГов вполне уместны. Так и должно быть. Если нам есть, чем гордиться (а нам очень многим по праву можно и нужно гордиться в своей истории и культуре, и давайте этого не стесняться!), то пусть к этому привыкают наши дети с раннего возраста.

Итак, выйдя из метро «Внуково», пройдя через Аллею Славы (о которой автор отчасти писал в нашем журнале в связи с экипажем, спасшим из лап наступающих немецких войск югославского лидера Иосипа Броз Тито¹), которую сегодня полностью обновили, и пройдя, в том числе, и через «авиационную» детскую площадку, попадаем в Культурный центр «Внуково», на втором этаже которого находится искомый музей.

Что можно о нём сказать кратко? Один просторный зал. Плохо ли это? Мало ли?

С уверенностью скажем — не мало. И сразу поблагодарим всех сотрудников! Про них сразу объявим, что коллектив всего из пяти человек, из которых двое — молодые специалисты, — делает очень много. Материал, подобранный в экспозиции, поражает как минимум своим временным разнообразием. Первая витрина повествует о дореволюционном периоде русской авиации. И это замечательно — не с революцией появилась в России авиация, а до неё, в Российской империи. И за эту связку времён большое спасибо устроителям!

1 Тренихин М.М. **Путь лётчика: Внуково — Тегеран — Югославия — Эстония** // Московское наследие, 2022. № 6. С. 54–61.



Экипаж командира корабля Героя Советского Союза Шорникова А.С. на награждении в Кремле. Фото 1944 года.
Единственное известное автору фото всего героического экипажа, спасшего от немцев Иосифа Броз Тито и его штаб. В военной форме: гвардии лейтенант Николай Сергеевич Вердеревский, гвардии капитан Павел Никитович Якимов, гвардии майор Александр Сергеевич Шорников, гвардии старший лейтенант Борис Тихонович Калинин, гвардии инженер-капитан Иван Григорьевич Галактионов

12 августа 1977 года во Дворце культуры «Внуково» открылся Народный музей боевой и трудовой славы аэропорта Внуково. Музей кратко отражал историю развития гражданской авиации, начиная с 1923 года до наших дней, но главное, здесь можно было проследить историю старейшего московского аэропорта Внуково, правопреемника Центрального Московского аэропорта на Ходынском поле

Начало музею было положено как раз в советские годы. У истоков его стояли фронтовики-ветераны и сотрудники аэропорта Внуково послевоенных лет. В те далёкие уже годы музей аэропорта мыслился как памятник лётчикам Внукова, боевым товарищам, ветеранам 10-й Гвардейской авиатранспортной дивизии. Народный музей боевой и трудовой славы аэропорта Внуково открылся 12 августа 1977 года во Дворце культуры «Внуково». Музей кратко отражал историю развития гражданской авиации, начиная с 1923 года до наших дней, но главное, здесь можно было проследить историю старейшего московского аэропорта Внуково, правопреемника Центрального Московского аэропорта на Ходынском поле. В музее было свыше пяти тысяч экспонатов — фотографий, документов, книг, наград, личных вещей ветеранов войны и труда, писем и макетов самолётов. В создание музея немало сил и знаний вложил ветеран Великой Отечественной войны, заслуженный работник транспорта Сергей Павлович Дегтярёв (1912–1982). С помощью администрации и общественных организаций, на основе документов и воспоминаний ветеранов ему удалось собрать обширный материал о боевом пути 10-й гвардейской транспортной авиадивизии Гражданского Воздушного флота, базировавшейся в годы Великой Отечественной войны во Внукове. Совет ветеранов этой дивизии и его председатель Н.С. Окин, а также совет музея привлекли к собранию экспонатов активных ветеранов войны, приняли на хранение много личных вещей, документов, наград от бывших фронтовиков, создали интересные экспозиции. 20 июня 2005 года Дворец культуры вместе с музеем перешёл в ведение префектуры Западного административного округа г. Москвы.

В настоящее время музей организует и проводит выставки в очном и онлайн-формате, экскурсии для школьников и взрослых, организует встречи с представителями авиационных специальностей, историками местного края, поддерживает связи с ветеранскими организациями, создаёт совместные проекты с творческими студиями Культурного центра, участвует в городских



Фрагмент экспозиции с документами и фотографиями конца 1930-х годов

Кукла-бортпроводница, СССР. 1982 год

Фуражка лётная Гражданского воздушного флота образца 1936 года. Реконструкция 2010-х годов. Шлем лётный пилота Сергея Павловича Дегтярёва. 1940-е годы

Общий вид зала

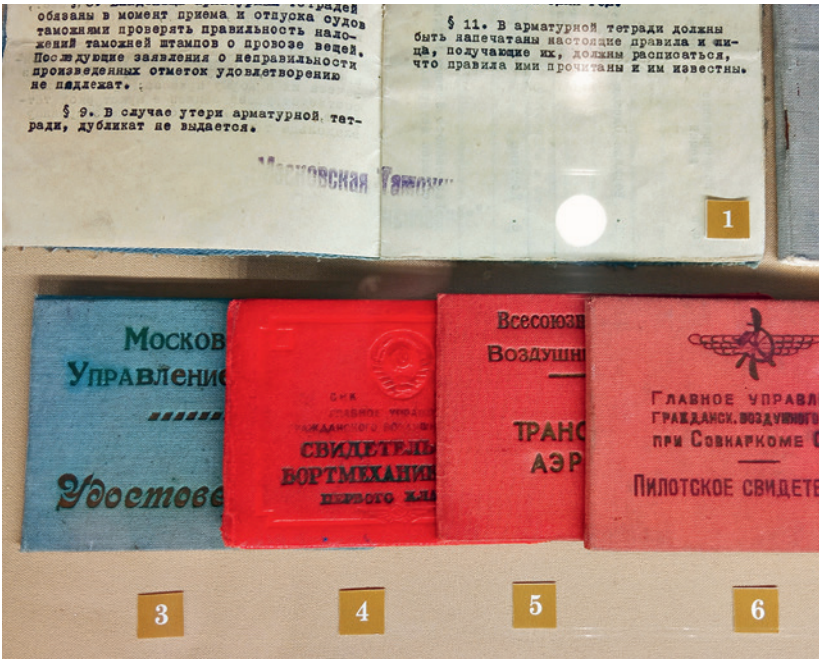




акциях и проектах. Если сегодня посмотреть на витрины, то можно по ним понять разброс тематики, представленных предметов: «Форма лётчика российской императорской армии. 1910-е годы», «Гражданская авиация в СССР в 1920-е — 1930-е годы», «Профессия — лётчик. Экипировка 1920-х — 1930-х годов», «Первый аэропорт Москвы», «Строительство аэропорта Внуково», «Предприятия Внукова: АТБ и ВАРЗ-400», «Московская авиагруппа особого назначения (МАОН)», «10-я гвардейская авиатранспортная дивизия», «Операции МАОН в годы Великой Отечественной войны», «Боевая работа пилотов гражданской авиации», «День Победы», «Мирные трассы», «Память Великой Отечественной войны», «Время больших перелётов», «Эпоха реактивных самолётов», «Самолёты А.Н. Туполева и С.В. Ильюшина в аэропорту Внуково». То есть, история страны за без малого сотню лет через контекст местности и людей. Две выставки органично вплетены в зал музея: «Крылья Внукова: портреты героев» (26 марта — 31 декабря 2025 года) и «Герои Внукова — герои страны: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» (9 мая 2025 года — 31 марта 2026 года).

Что мне хотелось бы сказать о выставках? Первая — выставка картин. Тут представлены живописные портреты, большинство которых были написаны бывшим штурманом авиации, служившим во Внукове в 10-й Гвардейской авиатранспортной дивизии в годы Великой Отечественной войны. Василий Фёдорович Федорчук стал художником в мирное время. Представленные картины были лично подарены художником Музею Внуково.

Модели советских и немецких самолётов и маршруты перелётов



Удостоверения авиатехника ГВФ, 1937; свидетельство бортмеханика ГВФ, 1940; пропуск в Центральный лечебно-санитарный отдел Аэрофлота (Трансавиация Аэрофлота), 1937; пилотское свидетельство Главного управления ГВФ, 1934

Наградные часы с гравировкой строителю аэропорта Внуково Алексею Алексеевичу Черняеву. 1943 год

Фуражка лётчика ВВС образца 1941 года. Реконструкция 2010-х годов

Вторая выставка — о боевых заслугах «внуковчан». Вся страна празднует 80-летие Победы. В Великой Отечественной войне приняло участие больше 140 тысяч советских самолётов всех типов. Авиация обеспечивала снабжение и огневую поддержку войск, вела разведку, защищала небо от вражеских налётов и наносила удары по тылам противника. Лётчики Внукова находились на переднем крае борьбы нашего народа с нацизмом. В первые дни войны Гражданский воздушный флот был передан в оперативное подчинение Наркомату Обороны СССР. Аэропорт Внуково стал местом базирования боевых транспортных самолётов Западного фронта. Личный состав был зачислен в состав действующих войск Красной Армии. Для выполнения особо важных заданий командования Красной армии была сформирована Московская авиагруппа особого назначения (впоследствии 10-я Гвардейская авиатранспортная дивизия ГВФ). Все годы войны это воинское подразделение базировалось в аэропорту Внуково.

В Музее истории района Внуково, как кажется, научились говорить о прошлом доступно, рассказывать через экспонаты далеко не только о районе, но и о наследии нашей страны в целом. И делают это, в первую очередь, для подрастающего поколения, для школьников. Сложно представить себе что-то более значимое. Ведь те ребята, что сегодня интересуются экспонатами в витринах — завтра будут мечтать и развивать нашу страну. Надо научить их мечтать, как мечтали о небе те же молодые люди в 1920-х — 1970-х годах. Мечта — возможно самый лучший и добрый двигатель прогресса. У кого, как ни у лётчиков, учиться этому?

Михаил Тренихин, кандидат искусствоведения

Красная Москва. Женщина в большом городе

В Центре «Зотов» с 11 июля по 19 октября 2025 года работает выставка, приуроченная к столетию парфюма «Красная Москва». Искусствоведу эта выставка может напомнить ряд проектов прошлых лет, к примеру, выставку «Москвичка. Женщины советской столицы 1920–1930-х годов» в Музее Москвы (24 апреля — 25 августа 2024 года), а также экспозиции Музея русского импрессионизма. Но это, как говорится, для насмотренных. Ну и кто-то совсем уж из экспертов сможет вспомнить выставку Русского музея «Венера Советская», проходившую в Корпусе Бенуа 1 ноября 2007 — 10 марта 2008 года. Нет, конечно, выставка не вторична. Но сюжет-то знакомый, без поворотов. Так сложилось, что проекты наших музеев затрагивают образ женщины. И фокусируются чаще всего на образе женщины советской. Какая она? Утончённая, нежная, работница, мать, депутат, метростроевка? Всё вместе. Женские образы 1920-х — 1930-х годов, в силу большевистской пропаганды, нам иной раз кажутся несколько карикатурными, но никто не будет спорить, современное наше общество и место женщины в нём (отметим, место значительное) — родом оттуда. «Женщина всегда должна тщательно следить за своей красотой, за своим лицом и телом, за ногтями и волосами. Всегда можно урвать несколько минут. Все секреты модных европейских салонов, за огромные деньги открывающиеся для буржуазных дам, мы сделаем доступными советской женщине» — приводят организаторы слова супруги наркома Молотова — товарища Полины Жемчужиной. Хорошие слова? Правильные? Безо всяких вопросов. Но тут же организаторы «ловят» Жемчужину на слове и дают на стене такой текст: «Иосиф Виссарионович её и спрашивает: “Ну, Полина Семёновна, вы как? Справляетесь?” А она: “Мы сейчас такие прелестные духи выпускаем — ‘Красная Заря’, ‘Красный мак’. Все так довольны!” — “Да, — закивал Сталин, — я чувствую, так приятно от вас пахнет!” — “Конечно, приятный запах!” — обрадовалась похвале Полина Семёновна. И тут маму как чёрт дёрнул, она говорит: “Помилуйте, Полина Семёновна, да от вас же французскими духами пахнет, “Шанель № 5”! Поэтому и запах такой хороший!» (из воспоминаний Светланы Аллилуевой).



Фотографии Варвары Топленниковой, Дениса Шумова, Михаила Тренихина

1 Тренихин М.М. Эхо прошедшего времени. Беседы с Лидией Владимировной Андреевой // Андреевские научные чтения. Новые поступления, атрибуции, исследования архивов. Сборник статей / ред.-сост. А.Г. Герасимова, М.М. Тренихин. М.: ГМЗ «Царицыно», 2022. С. 235.

Плохо ли это, или хорошо? Это вполне реально. Говорит ли это о том, что советская промышленность, занимавшаяся парфюмерией, была плоха? Вовсе нет. Но это — правда жизни. Кто-то ровный, а кто-то — всегда ровнее остальных. И уж точно было бы странным, если бы супруга самого Молотова была лишена возможности приобрести себе французские духи. При упоминании самой Жемчужиной вспомнился мемуар Лидии Владимировны Андреевой: «Хочешь идти в партию – там карьера. <...> Будет больше зарплата, общение будет другое — не сможешь дело делать, которое хочешь. Я в школьной форме проучилась в одной. Она у меня потом уже была совершенно как марля. А рядом Светлана Молотова, ей мать, Полина Семёновна Жемчужина, выносила супницу фаянсовую с пом-бой. Я перебегаю переулоч в школу, а выходит Жемчужина в колонковой шубе, охранник несёт этот суп в комнатку рядом. Жемчужина кланяется, здоровается с директором, уезжает. Светлана остается с охранником. Ну и что? У них одно, у нас другое. Чтобы подумать, что тебе завидно... ты наполовину по иждивенческой карточке ходишь, в столовке ешь винегрет какой-то. Но в голову никаких мыслей не лезло, тем более критицизма какого-то»¹. Вот и нам при осмотре выставки мыслей таких не приходило. Что хотели донести до нас организаторы? По их собственному тексту — «Если бы перед вами стояла задача рассказать историю советских женщин через один предмет гардероба, что бы это было? Красная косынка? Дефицитные чулки со стрелкой? Духи “Красная Москва”? В 2025 году любимый многими парфюм отмечает столетний юбилей». То есть тут и желание отметить круглую дату, и показать огромную тему. Сразу хочется оговориться, относительно образа женщины советской. Всякое советское всегда подаётся так, будто до того не было ничего. И в данном случае можно подумать, что и женщин прежде не было. Но нет, тут авторам вполне хватило такта представить артефакты дореволюционной поры. Значит и женщины в России были. И были они красивыми. И косметика была. И художники, которые рисовали этикетки и упаковки (и весьма профессионально!) — были. Однако же, женщина советская чем-то отличалась. Она и же-ной не перестала быть, и матерью. И этот статус никто не отнимал. Но давали





возможность стать и актрисой, и депутатом. «Женщины! Мы сдуем с вас копоть, очистим ваши ноздри от дыма, уши — от галдежа, мы заставим картошку волшебнo, в одно мгновенье сбрасывать с себя шкуру» (Юрий Олеша «Зависть», 1927). При прочтении этих строк я с грустной улыбкой вспомнил советский мультипликационный фильм Фёдора Хитрука «Дарю тебе звезду» 1974 года киностудии «Союзмультфильм», повествующий о неизменности взаимоотношений полов. Что сказать? Утопия!

Советский миф вообще и отношение к женщине в частности, как известно, был зачастую утопичным. Это же подтверждают и сами устроители выставки приводимым на стене текстом под заголовком «Вторая смена: женский труд на заводе и дома». Хочется быть «эмансипе»? На здоровье! «Одним из пунктов программы большевиков было расширение трудовых масс за счёт женщин. Взамен женщинам обещали поддержку по всем фронтам, в быту и воспитании детей. Но гендерное равноправие существовало больше на словах. На деле исследование трудового распорядка советских семей, проведённое экономистом Госплана Станиславом Струмилиным в 1922–1923 годах, показало, что из-за дисбаланса в распределении домашних обязанностей 8-часовой рабочий день фабричной работницы превращался в 15-часовой, а на отдых в сутки у ней оставалось 10% времени.

На этом фоне НЭПманские барышни на выставке представлены скорее как «пережитки буржуазного прошлого». Словом, если не монографический и абсолютно разложенный по полочкам культурологический обзор, то хотя бы «дневниковая запись» на тему образа женщины в раннем СССР сделана.

Если же говорить о живописи и графике, то этого слишком мало и на выходе хотелось попросить «добавки». А вот произведениями прежде всего межвоенного искусства я вполне наслаждался.

Что меня озадачило? Этикетаж и вводные тексты сделаны спорно — то, что авторы хотели особенно выделить, было помещено на светлый фон. Тут и с хо-рошим зрением читать было тяжело.



Экспозиция, надо отметить, не столь большая, как хотелось, и поделена на десять разделов: «Пролетарская Москва», «Фабрика “Бывш. Брокеръ”», «Нэп-манская Москва», «Мосье Мишель», «Трест Жиркость», «Проф. Брюсова», «Тов. Жемчужина», «Магазин ТЭЖЭ», «Новая Москва», «Послесловие». Значительную часть экспозиции удалось выстроить благодаря парфюмерным флаконам и подарочным коробкам, пудреницам, прочим предметам женского быта, этикеткам и афишам из частной коллекции Ирины Воробьёвой. В последний раз я видел предметы из этой коллекции, вероятно, в музее Тропинина на выставке «Знакомый образ № 3».

Визуальный ряд простроен великолепно. Но это благодаря подбору участников, и не удивительно: всего в выставке приняли участие более 25 российских музеев и частных собраний.

От 1920-х годов и городской жизни в условиях НЭПа зритель знакомится с «ТЭЖЭ» (государственный трест «Жиркость») и переходит к Москве 1930-х. Первые бутики, выход советской парфюмерии на международный рынок... Далее мы следуем по разделам, словно по дневниковым записям, интересным, но словно бы отрывочным, мимолётным... Честно говоря, мне не хватило какой-то кульминации.

В завершении экспозиции представлена некая «гостиная», в которой показыва-ются различные духи и демонстрируются фрагменты советских кинолент периода 1950–1980-х.

Ностальгия ли это по ушедшему быту? Едва ли.

Выставка, конечно, оказалось как будто бы «девчочковой». Сам был свидетелем почти тотального перевеса женской аудитории над мужской. Между тем, и мужчинам на такую выставку сходить совсем не повредит — может, современные женщины станут чуть понятнее. И краше...



Д. Никифоров

Старая Москва. Описание жизни в Москве со времён царей до двадцатого века: в 2 частях.

М.: ГПИБ России. 2025. В 2 т. [624] с.

Дмитрий Иванович Никифоров (1833–1907), офицер, участник Крымской войны, мемуарист, автор книг о Москве. За участие в обороне Севастополя в 1854–1855 годах Дмитрий Иванович был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость». Владел имениями в Тамбовской и Пензенской губерниях, а в 1874 году в Москве построил доходный дом в Столешниковом переулке, № 9. В своё время этот дом был достаточно известным, так как в нём на третьем этаже почти половину века с 1886-го по 1935 год прожил журналист и писатель Владимир Алексеевич Гиляровский, один из главных знатоков и бытописателей Москвы. В 1901 году вышла книга Д.И. Никифорова «Из прошлого Москвы (записки старожила)», вслед за которой были опубликованы «Старая Москва: описание жизни в Москве со времён царей до двадцатого века». Ч. 1–2» (1902–1903) и «Москва в царствование императора Александра II» (1904). Пожалуй, впервые двухтомник «Старая Москва»выходит в адаптированном для современного читателя варианте. В настоящем издании рассказывается о происхождении топонимов древней столицы, формировании её архитектурного облика — памятниках, дворцах, особняках, монастырях и святынях. Автор приводит занятные истории о нравах московского дворянства, а также сведения об организации в первопрестольной полиции, транспорта, снабжения товарами. В повествование вплетены ключевые события истории домонгольского периода, княжения Рюриковичей, Смуты, царства Романовых, войны 1812 года. Время реформ Александра II, по оценке мемуариста, способствовало превращению Москвы из дворянской в купеческую. Издание дополнено предисловием, комментариями, указателями имён и топонимов. Его книги: Никифоров Д.И. «Из прошлого Москвы (записки старожила). 1901»; Никифоров Д.И. «Старая Москва: описание жизни в Москве со времён царей до двадцатого века». Ч. 1–2, 1902–1903; Никифоров Д.И. «Москва в царствование императора Александра II (1904)». Гос. публ. ист. б-ка России, М., 2013; Никифоров Д.И. «Воспоминания из времён императора Николая I (1903). Кавказ и Севастополь (1901)».

Первая часть «Старой Москвы» посвящена особым датам в истории города с момента воцарения Романовых. Начинается повествование с пожаров в Москве 1612 и 1812 годов, затем рассказывается о восстановлении города после них и после войны с Наполеоном, о многочисленных постройках, многие из которых стали выдающимися памятниками архитектуры. Обширные сведения автор даёт о градоначальниках и оберполицмейстерах Москвы, с эпохи Петра Великого до эпохи Александра III, подробно описаны памятные события — коронации императоров Александра II и Александра III в Кремле. Большая часть посвящена достопримечательностям Москвы — известным улицам и переулкам, великолепным дворцам и усадьбам, новым театрам, музеям, больницам, типографиям, многочисленным московским монастырям, воспитательным и доходным домам, банкам, и просто домам с интересной, заслуживающей внимание историей. Автор не обошёл стороной практически ни одно важное событие в истории Москвы XVIII–XIX веков. Это и дворянские выборы, и дворянская благотворительность, и продовольственное обеспечение города, и знаменитые судебные тяжбы и т. д. В первой части автор опирался не только на архивные данные, но в основном на воспоминания представителей московского дворянства XIX столетия, со многими из которых он был знаком лично. Вторая часть полностью посвящена истории города, с момента его основания до царствования Августейших особ из рода Романовых. Подробно в хроноло-

гическом порядке дана история первых московских князей; строительство Кремля по указанию Софьи Палеолог; воцарение рода Романовых. Буржуазные реформы 1860–1870 годов разделили для Никифорова историю современной ему Москвы на аристократическую и капиталистическую. Его симпатии отданы старой, дореформенной столице. «Всё-таки прежняя, дворянская Москва была городом интеллигентным, а нынешняя купеческая только и делает, что торгует и ест», — с ностальгией по уходящему времени пишет он.

О. Шурыгина

Дома для машин. Бахметьевский и другие гаражи московского коммунального хозяйства 1920-х годов.

М.: Кучково поле Музеон. 2025. 320 с.

Книга посвящена формированию автотранспортной инфраструктуры советской столицы, осуществлявшемуся силами Московского коммунального хозяйства (отдела коммунального хозяйства Моссовета) во второй половине 1920-х годов. Центральное место в ней отведено истории проектирования и строительства комплекса зданий автобусного парка на Бахметьевской улице. Предприятие заняло три года, с 1926-го по 1928-й, в течение которых московские транспортные инженеры, чиновники и строители были заняты воплощением в жизнь идеи грандиозного рационально устроенного гаража. Опираясь на материалы периодической печати и архивные документы, автор с беспрецедентной подробностью реконструирует события, связанные с возведением объекта, не имевшего аналогов в дореволюционной и Советской России. Особое внимание в книге уделено действующим лицам этой истории. Издание адресовано всем интересующимся историей Москвы и её архитектурного наследия первой половины XX века.

Ольга Сергеевна Шурыгина — историк архитектуры, специалист в области истории автомобилизма. Автор ряда публикаций по истории гаражестроения, включая монографии «Гаражи Петербурга 1900–1910-х годов: история и архитектура» (2019), «Гаражи Москвы: автомобильная архитектура 1900–1930-х годов» (2020), «Гараж Интуриста» (2024).





П. Васильев

Прогулки по Москве.

М.: Квадрига, 2025. 458 с.

«Московские прогулки» Павла Васильева, вышедшие в издательстве «Квадрига», — дополненный сборник тех городских зарисовок, с которыми читатели уже могли познакомиться раньше. К сожалению, не так давно известного спортивного журналиста и знатока Москвы не стало. Это его прощальная работа. Автор повествует так, как видел и запомнил, «...как-то ярко, быстро, отрывочно». Его мемуары наполнены юмором и лиризмом.

Главный герой книги — Москва, город, в котором происходит много событий, и воспоминания автора состоят из сплетения жизни отдельно взятой семьи и огромной страны.

Вы найдёте на страницах много исторических деталей, которых уже не вернёт время. Читая книгу, хочется снова отложить все однообразные, повседневные дела и отправиться путешествовать по Москве, прогуляться по самым известным улицам, площадям и паркам. «И Москва никогда не подводит — каждый раз она новая, интересная, разная...»

«Река в Москве больше не работает, ребята... Река гуляет. А раньше река как-то вот и то, и другое успевала...», — пишет автор. Или семейное наблюдение о парке Зарядье: «Если продолжают обрезать все деревья, включая молодые берёзы, то тенька здесь никогда не появится». И следом на контрасте — описание старого доброго скверика на Автозаводской: «...в сумраке лип, клёнов и тополей, там, где лавочки сделаны с удобной спинкой...»

Но, конечно же, не ради того всё затевалось, чтобы наполнить страницы исключительно сожалениями. Москва гораздо на выдумки, и почему бы не изучать её по топонимам, упомянутым в песнях Владимира Высоцкого? Почему бы не устроить состязание на знание столичных улиц с окончанием на «ка»? И кто не успел за отведённое время сделать следующий ход и не повториться, тот и проиграл.

Книга наполнена не только энциклопедическими подробностями, вроде тех, что Сретенский бульвар — не только самый короткий в городе, но ещё и расположен в его высшей точке, этакий «московский Эверест». Незамкнутое кольцо, формирующее центр, представлено через личное восприятие: «Если Тверской располагает к некоей внутренней собранности, уединённости и осмыслению жизни, то здесь, на Чистых прудах, веселее, вольготнее, проще». Или: «Право, не стоит осматривать Покровский бульвар сразу после бульвара Чистопрудного. Это примерно то же самое, как после кинокомедии угодить на лекцию, посвящённую добыче полезных ископаемых с обязательным приложением графиков и таблиц». Или про Яузский: «Это бульвар для любителей одиночества». Чтобы прийти к таким заключениям, мало любить город, нужно уметь его чувствовать. Во много раз хоженные места тянет ещё и потому, что увиденного сегодня уже может не быть завтра. Перенос сюжетов на бумагу — словно приём, описанный Экзюпери: «...повторил Маленький принц, чтобы лучше запомнить». Прислушиваясь к себе, автор с лёгким сердцем приходит к выводу: «А вот чувства те — никуда не делись. Остались неизменными. Значит, все было не зря, ребята». Прогуляйтесь по Москве Павла Васильева и узнайте город таким, каким он его любил.

Ю. Грушкин

Дело Филипповых.

М.: Спутник+, 2025. 92 с.

Книга посвящена истории рода Филипповых, вышедших из государственных крестьян Калужской губернии и ставших известными московскими пекарями, купцами и потомственными почётными гражданами. Филипповы с начала XIX века занимались выпечкой и торговлей хлебом в Москве и прославили традиции исконно русского хлебопечения.

Юрий Грушкин рассказывает о том, как более чем за век своего существования торговое дело Филипповых выросло от небольшой пекарни в Москве на Тверской улице до крупнейшей сети пекарен, булочных и кондитерских магазинов во многих городах Российской империи.

Это не просто история успеха одной семьи. Это история города и страны. Мы же помним филипповскую булочную и филипповские «московские» калачи, которые в последние годы присвоила Коломна, правда, с оглядкой на Москву. А ещё были сайки на соломе, булочки, жареные пирожки, чёрный ржаной хлеб... То, что придумали Филипповы, продолжало существовать ещё долго после революции. Да и сегодня существует, хотя и не в таком объёме.

Не раз самые разные авторы предпринимали попытки рассказать о семье Филипповых, но всегда оставались неточности и большие пробелы, которые впервые исправлены в этом небольшом, но очень ёмком издании. Автор работал в российских и зарубежных архивах, где также обнаружил неизвестные ранее материалы.



Е. Черданцева

Последняя загадка М. Булгакова. Донское кладбище Москвы, новая территория.

Новосибирск: Сибпринт. 2025. 364 с.

Донское кладбище — это не только исторический некрополь, но и то место, где скрываются реальные прототипы ключевых персонажей романа «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Почему все они оказались похоронены именно там? Об этом — в книге журналиста и экскурсовода Елены Черданцевой, которая уже давно занимается историей московских некрополей и поиском утерянных могил некогда известных личностей.

Из этой книги вы узнаете, как история кладбища переплетается с мистическими сюжетами романа; какие известные личности, похороненные на Донском кладбище, могли вдохновить Булгакова на создание образов Воланда, Маргариты, Мастера и других героев; какие факты биографии Булгакова связаны с легендарным местом.

Такое исследование сделано впервые. Хотя многие литературоведы изучили, кем были прототипы героев романа, но никто из них не дошёл до кладбищ. Отдельно затронута история закрытых залов колумбариев Донского кладбища. Дан список известных людей и список героев Великой Отечественной войны. Вы узнаете, почему Донской крематорий называют «первым в СССР», хотя ещё до него были крематории в Петрограде и Владивостоке. Перечислены в книге и знаменитости, которые похоронены на Донском (новом). Все они представлены по профессиям «Актёры» / «Режиссёры» / «Поэты» / «Архитекторы» / «Скульпторы» / «Разведчики»... и т. д. Всего 156 человек. И ещё даны описания, как найти их захоронения. Потому что навигаторы на этом кладбище могут не работать. Это не совсем обычное, но очень интересное исследование, приоткрывающее нам тайны Донского.



Ансамбль усадьбы Кузьминки

Одно из главных украшений юго-востока столицы — парковый ансамбль усадьбы Кузьминки начали возрождать летом 2024 года. Первым объектом, вошедшим в реставрацию, стали гроты. С последней реставрации гротов прошло более 20 лет, ряд элементов был утрачен, остальные нуждались в консервации и реставрации. Как и большинство построек в усадьбе, гроты были созданы под руководством архитектора Доменико Жилярди. Они появились на берегу Верхнего Кузьминского пруда в первой трети XIX века после строительства Парадного двора усадьбы. Гроты были важным элементом романтических парков эпохи классицизма и украшали многие усадьбы XIX века. В Кузьминках их два: Трёхарочный и Большой — одноарочный. В Большом гроте устраивались любительские театральные постановки с участием хозяев и гостей усадьбы, Трёхарочный служил для отдыха, уединения, философских размышлений и создания определённого настроения. Работа специалистов-реставраторов заключалась в расчистке, устройстве гидроизоляции и дренажной системы, приведении в порядок кладки из кирпича и белого камня, а также оштукатуривании стен и потолка гротов. В ходе реставрации потребовалось расчистить каменную декоративную облицовку, заменить металлические ограждения, по сохранившимся образцам плит воссоздать отмостку. Разрушенные камни были бережно восполнены, а места, где при ранних реставрациях был использован современный кирпич, выложили по историческим размерам гладко тёсанным белым камнем.



Один из символов усадьбы — изящный чугунный арочный Мост с грифонами — был выстроен в 1826 году также по проекту Доменико Жилярди. В 2025 году фигурные фонари и скульптуры грифонов Арочного моста вернулись на своё законное место после того, как реставраторы расчистили их от загрязнений и поздних покрасок, а также восполнили утраченные элементы. Мифические существа с телом льва и головой орла символизировали силу, бдительность и могущество. Все всегда отмечали невероятную детализацию этих скульптурных композиций, отлитых из довольно хрупкого и сложного в обработке чугуна. Изначально они были изготовлены из гипса, в 1833–1838 годах уже по проекту Алессандро Жилярди было выполнено переоформление ограды парадного двора и въездного моста: белокаменные пьедесталы изготовили из белого мячковского камня, на которых стояли канделябры «в 4 аршина» и гипсовые фигуры кентавров. Так как в первой половине XIX века чугун был очень популярным материалом для декорирования, а собственники Кузьминок — Голицыны — владели также и чугунолитейным производством, в парке усадьбы в этот период были установлены более 500 изделий из чугуна — около 200 чугунных диванов-скамеек, разнообразные ограды и решётки, декоративные торшеры, конные статуи, быки. В этот же момент скульптуры львов и грифонов из недолговечного алебастра заменили на чугун. Кузьминки посещали императоры Пётр I, Николай I, Александр II, императрица Мария Фёдоровна (супруга императора Павла I), здесь принимали иностранные делегации, устраивались ежегодные гуляния в день празднования Влахернской иконе Божьей Матери. В усадьбе Кузьминки продолжается масштабная реставрация, завершить которую планируется в 2027 году. Сейчас специалистами проводятся реставрационные работы ещё по 10 объектам культурного наследия. В возрождённых зданиях усадьбы можно будет проводить выставки и разместить музейные экспозиции, устраивать концерты и другие мероприятия.



Завершение реставрации Египетского павильона

В 2025 году своё 230-летие празднует уникальный деревянный «дворец-театр». В 1795 году Останкинский дворец-театр открылся лирической драмой П. Потёмкина на музыку О. Козловского «Зельмира и Смелон, или Взятие Измаила». Пьеса прославляла благородство и мужество русских воинов. На премьере первую оперную партию исполнила Прасковья Жемчугова. Собственно, для своей возлюбленной и музы — Прасковьи Ивановны Ковалёвой-Жемчуговой — талантливой крепостной актрисы, ставшей впоследствии графиней Шереметевой, граф Николай Петрович Шереметев и пожелал построить театральный дворцовый комплекс с возможностью трансформации зрительного зала и сцены. Театр Шереметева соперничал с Императорскими профессиональными театрами, а порой значительно превосходил возможностями и петербургские, и московские труппы и театры. Проект «дворца-театра» в Останкине разработал итальянский архитектор Франческо Кампорези. Над его созданием работали и другие выдающиеся архитекторы того времени. В их числе Иван Старов, Винченцо Бренна, Джакомо Кваренги. Общее наблюдение за строительством вели крепостные архитекторы Николая Шереметева: Павел Аргунов, Алексей Миронов и Григорий Дикишин. Центральная часть дворца, сердцем которого стал театр, соединялась одноэтажными крытыми галереями с Итальянским и Египетским павильонами. В 2025 году, после завершения реставрации, мы можем видеть Египетский павильон дворца Останкино с прилегающими галереями в первозданной красоте. Реставрация велась одновременно как на территории усадьбы, так и в специализированных мастерских. Восстановлено убранство интерьеров: 800 квадратных метров подлинных художественных паркетов, выполненных из различных пород дерева, сложные дверные полотна, украшенные позолоченной и посеребрённой резьбой, искусственный мрамор, элементы фурнитуры и лепной декор, приведены в порядок исторические печи, скульптуры сфинксов, украшающие их.





Церковь Вознесения Господня в Коломенском

Завершена реставрация уникального шедевра древнерусского зодчества, входящего в число первых каменных шатровых храмов на Руси, — церкви Вознесения Господня в Коломенском. Храм XVI века — архитектурная доминанта музея-заповедника «Коломенское» — с 1994 года включён в список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО наряду с Кремлём, Красной площадью и Новодевичьим монастырём.

Реставрировали уникальный памятник федерального значения два с половиной года. Сейчас строительные леса окончательно сняты и шедевр древнерусского зодчества предстал во всей красе.

Особое внимание уделили шатру: расчистили кирпичную кладку от загрязнений и старой обмазки, выполнили бицидную обработку, затем загрунтовали, обмазали и окрасили. Благодаря современным материалам реставраторам удалось обеспечить хорошую паропроницаемость — кладка будет «дышать». Крест, яблоко и шар были расчищены и позолочены. Масштабная реставрация белокаменных кокошников, наличников, капителей с резьбой и стрельчатых окон проводилась ещё в XIX веке. Сейчас специалисты расчистили их, скрупулёзно восстановили утраты.

В рамках реставрации было принято решение о музеефикации «царского места». Царское место — это увенчанная килевидной закомарой с двуглавым орлом сень на восточном фасаде. Она некогда была окрашена охрой, терракотовой и зелёной красками. Реставраторы не стали закрашивать их, а также докомпоновывать утраты белого камня.

Историческую лестницу со «стремениами» расчистили, провели грунтовку свинцовым суриком и окрасили её. Также реставраторы сохранили исторический облик цоколя. И намеренно оставили небольшие утраты и шероховатости, законсервировав их, — так гораздо сильнее ощущается, что храм стоит здесь уже почти полтысячи лет.

Внутри кирпичную кладку расчистили от обмазки, выпол-



нили вычинку (замену фрагментов кладки). Белокаменные элементы, капители с выразительной резьбой, отреставрировали.

Открытие церкви запланировано к престольному празднику Вознесения Господня в мае 2026 года. До этого времени в верхнем приделе вернут тябловый иконостас, а в подклете подготовят новую экспозицию об истории здания. Научным консультантом по её созданию стал Андрей Баталов, доктор искусствоведения, профессор, почётный член Российской академии художеств, руководитель научно-редакционного совета журнала «Московское наследие».

Выставка будет работать круглый год, а сама церковь — только в тёплое время. Богослужения будут совершаться в дни главных церковных праздников, в остальное время храм будет функционировать как музей.



Лето в Москве

Порядка 300 тысяч человек посетили мероприятия Мосгорнаследия в рамках форума «Территория будущего. Москва 2030» и проекта «Лето в Москве». Всего Департамент культурного наследия организовал порядка 400 мероприятий, которые проходили с июня до середины сентября. Москвичи и гости столицы приняли участие в экскурсиях, а также в мастер-классах, лекциях, пленэрах, выставках, презентациях.

Участники познакомились с историей нашего любимого города, его уникальной архитектурой. Атмосфера в столице в летнее время особенно увлекательная, и благодаря нашим мероприятиям не пришлось скучать ни взрослым, ни детям — для них были организованы творческие мастер-классы, интересные лекции, презентации. Экскурсии «Наследие вокруг нас» позволили людям разных возрастов узнать о разнообразии памятников московской старины, а выставка в Зарядье познакомила посетителей с уникальными археологическими находками.

Открылся VIII Молодёжный форум «Наследие»

В павильоне «Космос» на ВДНХ состоялась церемония открытия ежегодного молодёжного форума «Наследие» столичного Департамента культурного наследия, который проходит в восьмой раз. Кроме конкурса, участников ждёт образовательная, деловая и экскурсионная программа. Всё завершится городским фестивалем, посетить который приглашают всех желающих.

«В 2025 году форум пройдет уже в восьмой раз. По поручению Мэра Москвы мы активно привлекаем молодёжь к сохранению культурного наследия. В этом направлении нужен осознанный подход. Ключевая идея форума, организованного в партнёрстве с ведущими вузами столицы, заключается в вовлечении молодёжи с её свежим взглядом и прогрессивными идеями в процесс сохранения памятников архитектуры и интеграции исторических памятников в жизнь современных мегаполисов. В этом году в конкурсной программе принимают участие около 400 студентов более чем из 30 высших учебных заведений. Всего же с 2018 года в конкурсной части форума были задействованы около трёх тысяч человек», — рассказал руководитель столичного Департамента культурного наследия Алексей Емельянов. Участникам конкурсной части форума предстоит в составе междисциплинарных команд разработать концепцию реставрации и приспособления одного из объектов культурного наследия, чтобы подарить ему новую жизнь. В этом году в качестве такого



здания выбрали производственный корпус Московской шерстоткацкой мануфактуры на улице Петра Алексеева (дом 12) в Можайском районе Западного административного округа, памятник промышленной архитектуры XX века.

Помимо работы в командах, студенты будут посещать лекции, мастер-классы, а также получать консультации экспертов в области архитектуры, реставрации, урбанистики, истории, экономики, права, управления и социологии. Кроме того, они смогут встретиться с собственниками объектов культурного наследия, инвесторами, практикующими реставраторами, известными архитекторами и научными деятелями.

Отдельный конкурс проектов в рамках форума пройдёт для студентов из российских регионов, а также из других стран.

Молодёжный форум «Наследие» — это образовательный проект, организованный в партнёрстве с ведущими вузами столицы, который проводится с 2018 года. За семь лет он объединил около 100 тысяч человек — 400 спикеров, из которых 30 выступавших в деловой программе — международных, а также 36 московских вузов и 18 регионов-участников. На студенческом конкурсе представили свыше 120 проектов реставрации и приспособления объектов культурного наследия. Кроме того, в рамках форума прошло 800 экскурсий, участниками которых стали 11 тысяч человек, а также 45 сессий, включая пленарные заседания.

Книжные магазины
Книжный магазин «Циолковский»
Пятницкий переулок, д. 8, стр. 1
Книжный магазин
«Молодая гвардия»
Улица Большая Полянка, д. 28
Книжный магазин «Фаланстер»
Улица Тверская, д. 17
Книжный клуб-магазин «Гиперион»
Большой Трёхсвятительский переулок, д. 2/1, стр. 6

Кафе
Кафе «Квартира 44»
Улица Малая Ордынка, д. 24

Музеи, АРТ-площадки
Музей архитектуры имени А.В. Щусева
Улица Воздвиженка, д. 5
Государственный музей А.С. Пушкина
Улица Пречистенка, д. 12/2
Музей-заповедник «Царицыно»
Улица Дольская, д. 1
Музей Москвы
Зубовский бульвар, д. 2
Музей археологии Москвы
Манежная площадь, д. 1а
Центральный Манеж
Манежная площадь, д. 1
Павильон «Макет Москвы»
Проспект Мира, д. 119, Сиреневая аллея, ВДНХ
Мемориальный Музей «Творческая мастерская С.Т. Конёнкова»
Тверской бульвар, д. 28
Дизайн-завод «Флакон»
Улица Большая Новодмитровская, д. 36/4
Дом Гоголя
Никитский бульвар, д. 7а
Музей Тропинина
Щетининский переулок, д. 10, стр. 1
Музей-усадьба «Люблино»
Улица Летняя, д. 1, стр. 1
Музей-заповедник «Коломенское» («Визит-центр»)
Проспект Андропова, д. 39
Музей-заповедник «Измайлово»
Городок имени Баумана, д. 2, стр. 14
Новая Третьяковка (парк «Музеон»)
Улица Крымский Вал, д. 10
Арт-галерея «Просвет»
Улица Краснопролетарская, д. 8, стр. 1

адреса распространения журнала

Библиотеки, научно-исследовательские и учебные заведения
Московский архитектурный институт
Улица Рождественка, д. 11
Московский государственный строительный университет
Ярославское шоссе, д. 26
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Стремянный переулок, д. 36
Московский финансово-юридический университет
Улица Введенского, д. 1а
Российский государственный гуманитарный университет (Историко-архивный институт)
Улица Никольская, д. 15
Московский городской педагогический университет
2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4
Московский городской университет управления Правительства Москвы
Улица Сретенка, д. 28
Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря
Улица Радио, д. 17, корп. 6
Колледж архитектуры, дизайна и реинжиниринга № 26 (26 КАДР)
Улица Трофимова, д. 27, корп. 2
Государственная публичная историческая библиотека
Старосадский переулок, д. 9, стр. 1
Библиотека Всероссийского государственного института кинематографии имени С.А. Герасимова
Улица Вильгельма Пика, д. 3
Библиотека-читальня имени И.С. Тургенева
Бобров переулок, д. 6, стр. 1, 2
Центральная библиотека № 29 имени Ф.М. Достоевского
Чистопрудный бульвар, д. 23, корп. 1
Библиотека № 13 имени Н.Г. Чернышевского
Улица Большая Татарская, д. 32

Электронная версия журнала:
<https://www.mos.ru/dkn/function/popularizatciia/zhurnal-moskovskoe-nasledie/>
Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связей, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-50269 от 14 июня 2012 года
Тираж 8 тыс. экз. Не для продажи.
Журнал распространяется бесплатно

Центральная библиотека № 21
Улица Клары Цеткин, д. 11, корп. 1
Библиотека № 79 имени Б.А. Лавренева
Улица Средняя Первомайская, д. 38/7
Центральная универсальная научная библиотека имени Н.А. Некрасова
Улица Бауманская, д. 58/25, стр. 14

Органы государственной власти, подведомственные учреждения
Департамент культурного наследия города Москвы
Пятницкая улица, д. 16
Пятницкая улица, д. 21, стр. 2 (служба «одного окна»)
ГКУ г. Москвы «Мосреставрация»
Тверская улица, д. 9 (вход со стороны Брюсова переулка)
Комитет по архитектуре и строительству города Москвы (Москомархитектура)
Триумфальная площадь, д. 1
Департамент культуры города Москвы
Неглинная улица, д. 8/10
Управа района Хамовники города Москвы
Улица Пречистенка, д. 14
Департамент труда и социальной защиты населения города Москвы
Улица Новая Басманная, д. 10, стр. 1
Департамент образования города Москвы
Улица Большая Спасская, д. 15, стр. 1
Департамент здравоохранения города Москвы
Оружейный переулок, д. 43
Московский городской совет ветеранов
ул. Малая Дмитровка, 2
ГБУ «Мосгоргеотрест»
Ленинградский проспект, д. 11

Религиозные организации
Финансово-хозяйственное управление РПЦ
Гагаринский переулок, д. 18/2

Московское небо — особое явление. Сегодня в городе световой шум и мало мест, где видны звёзды, поэтому небо для обитателя мегаполиса давно несет «другой» символизм и далеко от астрономии. Небо в Москве — это, в первую очередь, метафора воли. Многие, выходя после работы на улицу, первым делом смотрят ввысь, по-над крышами. И не для того, чтобы узнать о цвете заката или удостовериться, не пойдёт ли дождь. Это нужно, чтобы перейти в другое состояние. Небо в столице — это синоним прогресса. В начале XX века в Первопрестольной знали лётчиков по именам, по звуку определяли модель самолёта, в Петровском пассаже устроили аэродинамическую трубу, чтобы тестировать модели дирижаблей, а на Яузе за Московским газовым заводом давали регулярные старты воздушных шаров. Когда первый космонавт мира вернулся на Землю, восторженные москвичи забрались на балконы и коньки крыш, фонарные столбы, ближе к небу, чтобы хоть одним глазком увидеть Юрия Гагарина. Небо в Москве это и история московских памятников — колоколен и каланчей, тучерезов и стел, высоток, башен и небоскребов, мозаик, памятных знаков, топонимики. А ещё память места. Музеи. Идеи. Мечты. Небо всегда с нами в диалоге — к нему мы возводим мольбы и кричим от досады, его благодарим, любим, с него к нам спускается благодать и иногда ещё дождь. Некоторые из сюжетов московского неба мы рассказываем в этом номере.